ОБЛАДАТЕЛЬ ПРЕМИИ Hugo

РОБЕРТ Ч. УИЛСОН

ВИХРЬ

Читайте продолжение
культовых романов «Спин» и «Ось»!

Вихрь

Роберт Чарльз Уилсон

Аннотация
Роберт Чарльз Уилсон. Вихрь
Глава 1. САНДРА И БОУЗ
Глава 2. ИСТОРИЯ ТУРКА ФАЙНДЛИ
Глава 3. САНДРА И БОУЗ
Глава 4. РАССКАЗ ТРЭИ / РАССКАЗ ЭЛЛИСОН
Глава 5. САНДРА И БОУЗ
Глава 6. ИСТОРИЯ ТУРКА ФАЙНДЛИ
Глава 7. САНДРА И БОУЗ
Глава 8. РАССКАЗ ЭЛЛИСОН
Глава 9. САНДРА И БОУЗ
Глава 10. РАССКАЗ ТУРКА
Глава 11. САНДРА И БОУЗ
Глава 12. РАССКАЗ ТУРКА
Глава 13. САНДРА И БОУЗ
Глава 14. РАССКАЗ ТУРКА
Глава 15. САНДРА И БОУЗ
Глава 16. РАССКАЗ ТУРКА
Глава 17. САНДРА И БОУЗ
Глава 18. РАССКАЗ ЭЛЛИСОН
Глава 19. САНДРА И БОУЗ
Глава 20. РАССКАЗ ТУРКА

Глава 21. САНДРА И БОУЗ
Глава 22. РАССКАЗ ЭЛЛИСОН
Глава 23. САНДРА И БОУЗ
Глава 24. РАССКАЗ ТУРКА
Глава 25. САНДРА И БОУЗ
Глава 26. РАССКАЗ ЭЛЛИСОН
Глава 27. САНДРА И БОУЗ
Глава 28. РАССКАЗ ЭЛЛИСОН
Глава 29. САНДРА И БОУЗ
Глава 30. РАССКАЗ ТУРКА
Глава 31. САНДРА
Глава 32. РАССКАЗ АЙЗЕКА (ОРРИНА)

Аннотация

Пал барьер Спина. Человечество освоило летающий за Аркой Новый Свет — землеподобную Экваторию. Однако приключения землян не закончены.

Тайное экваторианское общество людей, незаконным образом продливших себе жизнь при помощи опасной марсианской биотехнологии, вырастило и воспитало юного Айзека Двали, миссия которого — установить контакт с загадочной внеземной цивилизацией гипотетиков. Контакт удался… даже лучше, чем следовало бы. Началось вторжение гипотетиков на Экваторию, а сам Айзек, вместе с отчаянным пилотом Турком Файндли, оказались похищены — и пришли в себя лишь через 10000 лет на плавучем рукотворном континенте, где гипотетикам поклоняются, как богам….

Роберт Чарльз Уилсон
Вихрь

Глава 1
САНДРА И БОУЗ

«С меня хватит!» — подумала Сандра Коул, проснувшись в своей душной квартире. В последний раз она поедет на работу и проведет целый день в обществе изможденных проституток, потных наркоманов на первом этапе «ломки», хронических лгунов, мелких преступников. Сегодня же она уволится!

Каждый будний день начинался у нее с одной и той же мысли. Еще вчера эта мысль была неосуществимой. И сегодня тоже. Но рано или поздно мечта станет явью. «Хватит с меня!» Она смаковала эту мысль под душем и после, когда одевалась. Эта мысль поддерживала ее за первой чашкой кофе, за завтраком — йогурт, тост с маслом. И вот она уже собралась с силами для нового дня. Для того, чтобы пережить неизбежное: все равно ничего не изменится.

* * *

Она как раз находилась в приемном отделении, когда полицейский доставил для регистрации и

проверки нового паренька.

Этим мальчишкой она будет заниматься целую неделю: уже с утра ей вручили его личное дело. Оррин Матер, как будто не из буйных, скорее до смерти напуган. Влажные глаза расширены от страха, крутит по сторонам головой, как воробышек, боящийся нападения хищников.

Полицейского, который его привел, Сандра не узнала: он был не из тех, кто здесь постоянно бывал. Ничего странного: доставка задержанных несовершеннолетних в приемник социальной службы штата Техас не считалась в полиции Хьюстона престижным занятием. Странно было другое — заботливое отношение полицейского к пареньку. Тот не пытался вырваться, а наоборот, жался к нему, словно искал защиты. Полицейский, крепко держа его за плечо, что-то сказал — Сандра не разобрала слов, но парень от них вроде бы немного успокоился.

До чего контрастная парочка! Рослый, крупный, но не толстый, смуглый черноглазый брюнет полицейский — и задержанный дюймов на шесть ниже него, в робе тюремного покроя, болтающейся на щуплой фигурке. Бедняга был так бледен, словно добрых полгода прожил в темной пещере.

Дежурным санитаром в приемном отделении был Джек Геддес — по слухам, он подрабатывал вышибалой в ночном баре. Он частенько бывал груб с пациентами — на взгляд Сандры, даже перебарщивал. Увидев возбужденное состояние Оррина Матера, он бросился к нему, следом за ним заторопилась дежурная медсестра, до зубов вооруженная иглами и успокоительными средствами.

Но полицейский, — что было совсем уж необычно, — загородил Оррина от санитара:

— Ничего этого не понадобится.

Произношение у него было совершенно техасское, хотя что-то в нем все же выдавало чужака.

— Я сам отведу мистера Матера, куда нужно.

Сандра, смущенная тем, что замешкалась, представилась как доктор Коул и сказала:

— Первым делом мы должны провести собеседование. Вы меня понимаете, мистер Матер? Мы поговорим в специальном кабинете, это дальше по коридору. Я задам вам вопросы и запишу ваши данные. После этого вам будет предоставлена отдельная комната. Вы меня понимаете?

Оррин Матер сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться, и утвердительно кивнул. Геддес и сестра попятились, хотя санитар выглядел недо-

вольным. Полицейский окинул Сандру взглядом.

— Моя фамилия Боуз, — сказал он. — Доктор Коул, можно мне с вами поговорить после того, как вы разместите Оррина?

— Это может занять какое-то время.

— Я подожду, — сказал Боуз. — Если не возражаете.

Вот уж чего здесь отродясь не бывало!

* * *

Днем в городе дней десять уже держалась температура под сорок градусов. В приюте вовсю работали кондиционеры (Сандре даже приходилось иногда кутаться в своем кабинете в свитер), но в помещение для собеседования с новичками холодный воздух почти не проникал. Сев за стол напротив Оррина Матера, Сандра увидела, что он уже взмок.

— Доброе утро, мистер Матер.

Услышав ее, он немного пришел в себя.

— Можете называть меня Оррином, мэм. — Синие глазищи и длинные ресницы, плохо сочетающиеся с угловатым лицом, на правой щеке зарубцевавшийся шрам. — Почти все меня так называют.

— Спасибо, Оррин. Я доктор Коул, мы с тобой

будем много разговаривать — несколько дней.

— Вы будете решать, куда меня поместят?

— Отчасти да. Я займусь психиатрической экспертизой. Но это еще не суд, понимаешь? Моя задача — определить, какая тебе требуется помощь, и можем ли мы ее тебе предоставить.

Оррин кивнул и уронил голову на грудь.

— Тем не менее от вас зависит, отправлять меня в лагерь или нет.

— Не от меня одной. Этим будут так или иначе заниматься все сотрудники.

— Но разговаривать я буду с вами?

— Пока что да.

— Ладно, — проговорил он, — я понял.

В комнате установлены четыре видеокамеры — по углам под самым потолком. Сандра видела записи своих собеседований и знала, как она выглядит на мониторах в соседней комнате: маленькая, строгая, синие блузка и юбка, бейджик на шнурке ложится на грубый сосновый стол, когда она наклоняется вперед. Мальчишку эти камеры превращают в рядового пациента без отличительных черт. Хотя почему «мальчишка»? Оррин Матер только выглядит ребенком, хотя ему уже, судя по личному делу, полных девятнадцать лет. Достаточно, чтобы сообразить, что к

чему, как говаривала мать Сандры.

— Ты родом из Северной Каролины, Оррин, правильно?

— Думаю, это написано в бумагах, вы же в них смотрите.

— Бумаги не врут?

— Родился в Рейли, там и жил, пока не подался в Техас.

— Хорошо, поговорим об этом позже. Пока что мне надо убедиться в правильности анкетных данных. Тебе известно, за что тебя задержала полиция?

Он потупил взгляд.

— Да.

— Можешь рассказать?

— За бродяжничество.

— Это официальный термин. Как бы ты сам это назвал?

— Ну, не знаю… Я спал на скамейке. Меня избили какие-то типы.

— Быть избитым — не преступление. Полицейские забрали тебя ради твоей же безопасности, ведь так?

— Наверное. Я был весь в крови. Тех парней не задирал — они напились, вот и принялись за меня. Хотели отнять у меня рюкзак, а я не отдавал.

Жаль, что полиция не подоспела раньше.

Полицейский патруль обнаружил Оррина Матера почти без сознания и в крови на аллее в юго-западном Хьюстоне. Ни адреса, ни удостоверения личности, никаких средств к существованию. Согласно законодательству о бродяжничестве, принятому после Спина, Оррина задержали для проверки. Залечить его телесные травмы оказалось нетрудно, но его психическое состояние оставалось невыясненным — этим Сандре и предстояло заниматься следующие семь дней.

— У тебя есть семья, Оррин?

— Только сестра Эриел, она живет в Рейли.

— Полиция с ней связывалась?

— Они говорили, что связывались, мэм. Полисмен Боуз сказал, что она уже едет на автобусе забрать меня. Автобусом неблизкий путь, да еще в такую жару. Но Эриел жара нипочем.

Надо будет спросить об этом самого Боуза. Обычно, когда ответственность за бродягу соглашался взять на себя кто-то из родни, то его незачем было передавать в приют. Никаких насильственных действий за Оррином не числилось, он ясно сознавал свое положение, никаких признаков галлюцинаций — по крайней мере в данный момент. Хотя Сандра и улавливала в нем какую-то

странность (непрофессиональное наблюдение, в своих записях она не станет этого отражать).

Для начала — стандартные вопросы из «Руководства по диагностике и статистике»: насчет дат и так далее. Большинство его ответов были прямыми и связными. Но когда она спросила, слышит ли он голоса, Оррин замялся.

— Пожалуй, что нет… — выдавил он.

— Ты уверен? Все в порядке, об этом вполне можно поговорить. Если есть проблема, мы здесь именно для того, чтобы тебе помочь.

Он согласно кивнул.

— Знаю. Но это трудный вопрос. Не то, чтобы я слышал голоса, мэм, но… Иногда я кое-что записываю.

— Что именно?

— Бывает, что сам не пойму.

Вот они и добрались до самого главного.

Сандра записала в личном деле Оррина: «Возм. галлюцинации, письмен.», чтобы потом заняться этим подробнее. Эта тема определенно портила ему настроение, поэтому она сказала с улыбкой:

— Пока что хватит и этого. — Прошло уже полчаса. — Скоро мы потолкуем еще. Санитар проводит тебя в палату, ты проведешь в ней несколько дней.

— Уверен, это славное место.

По сравнению с задворками Хьюстона очень даже может быть.

— Некоторым первый день у нас дается нелегко, но, поверь, все не так плохо, как может показаться. Ужинают у нас в шесть часов вечера в общей столовой.

Оррин не пришел от услышанного в восторг.

— Это что, типа кафетерия?

— Типа того.

— Скажите, а там не слишком шумно? Не люблю есть, когда шумят.

Столовая для пациентов была настоящим зверинцем в этом отношении, как персонал ни старался. «Чувствителен к громким звукам», — записала Сандра.

— По правде говоря, там и впрямь бывает шумновато. Для тебя это так важно?

Он утвердительно кивнул, явно погрустнев.

— Надеюсь, что нет. Спасибо, что заранее предупредили. Это мне поможет.

Еще один неприкаянный, более хрупкий и незлобивый, чем большинство других… Оставалось надеяться, что неделя в приюте пойдет Оррину Матеру на пользу, хотя Сандра не поручилась бы, что так и будет.

* * *

Выйдя из кабинета для собеседований, Сандра с удивлением обнаружила, что полицейский ее дожидается. Обычно полицейские, приведя задержанного, торопились исчезнуть. Приют изначально создавался с целью разгрузить переполненные тюрьмы в худшие годы Спина. Но уже четверть века, как ситуация стабилизировалась, а приют по-прежнему использовался как накопитель для мелких правонарушителей с явными умственными расстройствами. Полицию это устраивало, чего не скажешь о раздутом и плохо оплачиваемом персонале самого заведения. Служители правопорядка редко проверяли, что потом происходило с теми, кого они сюда отправляли. Для полиции сдать задержанного в приют значило закрыть дело, если не хуже — спустить в унитазе воду.

Форма сидела на полисмене Боузе как новенькая, несмотря на пепельную жару. Он стал расспрашивать Сандру, какое впечатление на нее произвел Оррин Матер, но уже настало время обеда, после чего ей предстояла еще масса дел, и поэтому она пригласила его в кафетерий — нормальный, для сотрудников, а не дурдом для

пациентов, которого так опасался Оррин Матер.

Она взяла, как и обычно в понедельник, суп и салат. Боуз последовал ее примеру. Большинство персонала уже успело пообедать, поэтому проблем со свободным столиком не было.

— Я собираюсь держать дело Оррина под контролем, — сообщил Боуз.

— Это что-то новенькое!

— В каком смысле?

— Обычно полиция Хьюстона не заботится о тех, кого сюда доставляет.

— Да, действительно. Но в деле Оррина есть вопросы.

Она отметила, что Боуз называет его «Орриным», а не «задержанным» или «пациентом», что говорило о явной личной заинтересованности.

— Я не заметила в его деле ничего из ряда вон выходящего.

— Его имя всплыло в связи с другим делом. Я не могу рассказать об этом подробнее и хочу только спросить: он ничего не говорил вам про то, что он пишет?

Как интересно! Сандра навострила уши.

— Обмолвился — так, между прочим.

— При задержании на Оррине был кожаный рюкзак, и в нем десяток линованных тетрадок,

все с записями. Когда на него напали, он его яростно защищал. Вообще- то, Оррин — парень покладистый, но чтобы забрать у него эту писанину, нам пришлось попотеть. Он взял с нас слово, что мы ее никуда не денем и возвратим ему, когда его дело будет закрыто.

— Вы так и сделали? Отдали ему тетрадки?

— Еще нет.

— Раз Оррину так важны его записи, они могут пригодиться в моей работе с ним.

— Понимаю, доктор Коул, потому и решил с вами поговорить. Дело в том, что они имеют отношение к другому делу, расследуемому полицией Хьюстона. Я отдал их на расшифровку, но дело движется медленно — почерк Оррина оказался не из простых.

— Я могу ознакомиться с расшифровкой?

— Именно это я и хочу вам предложить. Но услуга за услугу. Могли бы вы ничего официально не разглашать, пока не прочтете всего?

Еще одна необычная просьба. Она не спешила с ответом.

— Не пойму, что значит «официальное разглашение». Я не могу утаить ничего, имеющего отношение к моей оценке Оррина. Это не подлежит обсуждению.

— Оценивайте его, как хотите, главное — не копируйте и не цитируйте напрямую его записи в тетрадках. Сначала нам надо кое в чем разобраться.

— Я буду наблюдать за Оррином ровно неделю, мистер Боуз. По прошествии этого срока я обязана представить свое заключение.

Она не стала объяснять, какие это может иметь последствия для жизни Оррина Матера.

— Я понимаю и не собираюсь вмешиваться. Ваша оценка — это именно то, что меня интересует. Неофициально я хотел бы получить от вас только одно — ваше мнение о писанине Оррина. Конкретнее — насколько можно ей доверять.

Наконец-то Сандра начала понимать. Написанное Оррином могло послужить свидетельскими показаниями в расследуемом деле, и Боузу нужно было выяснить степень его достоверности (или правдивости автора).

— Если это просьба выступить с показаниями в суде, то…

— Вовсе нет! Просто поделитесь вашим мнением. Всем, что вы могли бы мне сказать, не нарушая конфиденциальности и собственных профессиональных обязательств.

— Не уверена, что…

— Вы поймете меня, когда приступите к чтению.

Она не смогла устоять перед искренностью Боуза и в конце концов все-таки согласилась, хотя и неуверенно. К тому же тетрадки Оррина и то, как он за них цеплялся, возбудили у нее нешуточное любопытство. Если в них обнаружится что-то существенное для клинической картины, то без всяких угрызений совести она нарушит данное Боузу обещание. Первым делом — защита интересов пациента, пусть полицейский не питает на сей счет никаких иллюзий.

Он безропотно принял ее условия и встал из-за стола. Свой салат он не доел, оставив на тарелке все листья и ни одного помидорчика черри.

— Спасибо, доктор Коул, я ценю вашу готовность помочь. Сегодня же пришлю вам по электронной почте первые страницы.

Он дал ей карточку управления полиции Хьюстона с номером телефона, электронным адресом и своим полным именем: Джефферсон Эмрит Боуз. Она повторяла про себя эти три слова, провожая его глазами, пока он не исчез в толпе врачей в белых халатах, покидавших кафетерий приюта.

* * *

Закончив очередной рабочий день, Сандра ехала по шоссе домой в длинных лучах заходящего солнца.

Закат часто навевал ей мысли о Спине. За резко сократившиеся годы Спина солнце состарилось и выросло в размерах, и хотя оно по-прежнему прозаично сияло в западном секторе неба, оно было всего лишь рукотворной иллюзией. Настоящее солнце превратилось в дряхлое распухшее чудище, в корчах издыхавшее в центре солнечной системы. То, что Сандра видела на горизонте, было его остаточным излучением, отфильтрованным и отрегулированным непостижимо могущественной технологией гипотетиков. Уже много лет — всю взрослую жизнь Сандры — человечество жило только с молчаливого согласия этих безмолвных инопланетных существ.

Ярко-синее небо заволакивали на юго-востоке облака, смахивавшие на глянцевые коралловые наросты. Согласно метеосводке, температура воздуха в центре Хьюстона перевалила за сорок градусов — то же самое было и накануне, и днем раньше. В новостях твердили об одном: о пусках ракет «Белые пески», распылявших в верхних

слоях атмосферы сернистые аэрозоли для замедления глобального потепления. Против ***этого*** надвигающегося апокалипсиса гипотетики, никак к этому не причастные, не предложили землянам никакого защитного средства. От разбухшего Солнца они Землю защитили, а содержание углекислого газа в ее атмосфере их, выходит, не волнует. Само собой, это дело самих землян. И правда, вереницей плыли по Хьюстонскому каналу танкеры с дешевой экваторианской нефтью, в изобилии добываемой в Новом Свете, за Аркой. Столько ископаемого горючего, что можно поджарить сразу две планеты! Кондиционер в машине Сандры так надрывался, что она устыдилась собственного лицемерия. Если уж ты такая честная, то откажись от спасительного холодка. А не можешь — так сиди и не рыпайся.

Поступив после интернатуры в университете Сан- Франциско на работу в техасский приют, Сандра занималась составлением положительных и отрицательных заключений для людей с нарушенной психикой, пользуясь для этого тестами, пройти которые для большинства нормальных взрослых не составляло труда. Ориентируется ли испытуемый во времени и пространстве? Понимает ли последствия своих

поступков? Вот бы подвергнуть такому тестированию человечество как таковое, — подумывала Сандра, — результат мог бы получиться в высшей степени сомнительный. «Испытуемый мыслит сбивчиво, и зачастую саморазрушительно. Стремится к скоротечному наслаждению за счет собственного благополучия…»

Пока она доехала до своей квартиры в Клир-Лейк, успело стемнеть, температура понизилась — но всего-то ничего, на какие-то два-три градуса. Она разогрела в микроволновке ужин, откупорила бутылку красного вина и проверила, нет ли письма от Боуза.

Есть. Несколько десятков страниц. Похоже, написанных Оррином Матером, но Сандре показалось, что здесь что-то не то.

Распечатав страницы, она устроилась поудобнее в кресле и принялась читать.

«Меня зовут Турк Файндли…» — так начинался этот текст.

Глава 2
ИСТОРИЯ ТУРКА ФАЙНДЛИ

1

Меня зовут Турк Файндли, я расскажу о том, как я жил, когда все, что я знал и любил, давным-давно сгинуло. Начинается моя история в пустыне, на планете, которую мы называли Экваторией, а завершается — ну, это трудно определить…

Это мои воспоминания. Вот как все происходило.

2

Десять тысяч лет — может, чуть меньше или чуть больше, — столько времени я отсутствовал в мире. Сознавать такое ужасно, и какое-то время это было в общем-то все, что я знал.

Я очнулся с сильнейшим головокружением, голым, на голой земле. Нестерпимо палило солнце в ясном голубом небе. Мне жутко хотелось пить. Все тело ломило, язык распух и отказывался ворочаться. Я попытался сесть и чуть не свалился. В глазах плыло. Я не знал, где нахожусь и как

сюда попал. Вспомнить, где я был раньше, тоже не получалось. Я твердо знал одно, испытывая от этого тошноту: прошло почти десять тысяч лет, но кто мог их сосчитать?

Я заставил себя сесть и замер, закрыв глаза, пока не отпустило головокружение. Тогда я открыл глаза и попытался понять, что же я вижу.

Меня окружала пустыня. Насколько хватало взгляда, то есть на много миль вокруг, не было ни души. Но я был не один: надо мной неспешно парили воздушные аппараты причудливых форм, без крыльев и винтов, — непонятно, что удерживало их в воздухе.

И пока что мне было не до них. Первым делом надо было укрыться от солнцепека: я обгорел докрасна, и невозможно было понять, как давно я тут жарился.

До самого горизонта тянулись плотные пески, но их усеивали какие-то обломки — словно кто-то разломал и разбросал в беспорядке огромные игрушки. Половина грязно-зеленой яичной скорлупы высотой футов в десять находилась в нескольких ярдах от меня. Дальше валялись примерно такие же по форме предметы, напоминавшие остатки неудавшегося великанского чаепития, некогда ярко окрашенные, но успев-

шие выгореть. Позади этих обломков тянулась горная гряда, похожая на почерневшую челюсть. Пахло сухой пылью и разогретым камнем.

Ползком я преодолел несколько ярдов до ближайшей скорлупы и блаженно растянулся в ее тени. Теперь мне была нужна вода. И чем-нибудь прикрыться. Но все силы ушли на перемещение в тень, и мне опять стало дурно. Один из странных летательных аппаратов как будто завис надо мной, и я замахал было руками, чтобы привлечь к себе внимание, но силы уже оставили меня. Я прикрыл глаза и потерял сознание.

3

Я пришел в себя, когда меня укладывали на носилки.

Все носильщики были в желтой униформе, их рты и носы закрывали маски от пыли. Ко мне подошла женщина в таком же желтом одеянии. Когда наши глаза встретились, она сказала: «Пожалуйста, постарайся успокоиться. Знаю, ты испуган. Нам надо спешить, но можешь мне поверить, мы доставим тебя в безопасное место».

Несколько аппаратов приземлились, и меня занесли в один из них. Женщина в желтом сказала своим спутникам несколько слов на незнакомом

языке. Мои тюремщики или спасители поставили меня на ноги, и оказалось, что я могу стоять, не падая. Дверца опустилась, закрыв пустыню и небо. Внутри летательного аппарата горел неяркий свет.

Вокруг меня суетились мужчины и женщины в желтом, но я не сводил глаз с женщины, обратившейся ко мне по-английски. «Спокойно!» — произнесла она, беря меня за руку. В ней вряд ли было больше пяти футов роста. Когда она сняла маску, я облегченно перевел дух: это человек. Смуглая кожа, азиатские черты лица, коротко подстриженные темные волосы.

— Как ты себя чувствуешь?

Сложный вопрос, мне оставалось только пожать плечами.

Мы находились в довольно большом помещении. Она отвела меня в угол. Из стены выехало нечто вроде кровати и полочка с какими-то предметами — наверное, медицинским оборудованием. Женщина в желтом велела мне лечь. Остальные, то ли солдаты, то ли авиаторы, я не знал, кем их считать, — не обращали на нас внимания, занимаясь своими делами. Одни следили за контрольными приборами на стенах, другие то и дело отлучались в соседние отсеки. У меня

возникло ощущение, как в быстро поднимающемся лифте, и я догадался, что мы стартовали, хотя шума не было, и я слышал только разговоры на неведомом языке. Ни толчков, ни стуков, ни турбулентности.

Женщина в желтом прижала какую-то металлическую трубочку сначала к моему предплечью, потом к грудной клетке, и мое беспокойство ушло и сменилось оцепенением. Я понял, что она ввела мне какое-то снадобье, но мне было все равно. Жажда тоже прошла.

— Как тебя зовут? — спросила женщина.

Я с трудом прокаркал свое имя — Турк Файндли. Добавил, что родился в Америке, но в последнее время жил на Экватории. Спросил, как зовут ее саму и откуда она. Она улыбнулась в ответ:

— Меня зовут Трэя, моя родина — Вокс.

— Мы направляемся туда?

— Да, скоро прибудем. А ты постарайся поспать, если получится.

* * *

Я послушно закрыл глаза и попытался собраться с мыслями.

Меня зовут Турк Файндли.

Турк Файндли, родился в последние годы Спина. Работал то поденщиком, то матросом, то пилотом маленького самолета. На грузовом корабле перебрался через Арку на Экваторию и несколько лет прожил в Порт-Магеллане. Там познакомился с женщиной по имени Лиза Адамс, разыскивавшей своего отца. В процессе этих поисков мы с ней оказались среди людей, любивших поэкспериментировать с марсианскими препаратами. Нас занесло на нефтеносные земли, в глубь экваторианской пустыни, где с неба вдруг повалил пепел, а из земли повыползали странные штуковины… Я любил Лизу Адамс, зная, что ей это ник чему. В пустыне мы разлучились… Тогда меня и прихватили гипотетики. Взяли и поволокли — как волна несет песчинку. А потом сбросили на этот берег, на эту отмель, на песчаную косу в десяти тысячах лет вниз по течению.

Такова моя история, насколько у меня получилось ее восстановить.

* * *

Снова очнулся я уже в кабине поменьше. Трэя, мой страж или врач (я не знал, кем ее считать) сидела у моего изголовья и что-то тихонько напевала себе под нос. То ли она, то ли еще кто-то

пока я спал, натянул на меня простую майку и штаны.

Была ночь. В узком окошке слева от меня мерцала россыпь звезд, закрутившаяся в звездном хороводе, когда наш летательный аппарат совершал поворот с креном. Над горизонтом висела маленькая экваторианская луна (значит, я остался на Экватории, только как же она изменилась!). Внизу можно было различить волны с белыми гребнями, фосфоресцирующие в лунном свете. Мы летели над морем вдали от берега.

Что это за песня? — поинтересовался я.

Трэя вздрогнула — не ожидала, что я проснулся. Она была молода — лет двадцать-двадцать пять, не больше. Внимательные, но настороженные глаза — похоже, она меня побаивалась. Но мой вопрос вызвал у нее улыбку.

— Так, просто мелодия…

Между тем эта мелодия была мне знакома. Вальс со слезой, такие пользовались популярностью после Спина.

— Похоже на одну песенку, которую я знал раньше. Называлась…

— Apres nous[1].

---

[1] Примечания: 1
После нас (фр.).

Она самая. Я слышал ее в баре в Венесуэле, еще молодым и совершенно одиноким. Неплохая мелодия, только невозможно представить, как она пережила целую вечность.

— Откуда ты ее знаешь?

— Это нелегко объяснить. Можно сказать, с этой песней я выросла.

— Неужели? Сколько же тебе тогда лет?

Опять улыбка.

— Не так много как тебе, Турк Файндли. Но кое-какие воспоминания у меня остались. Потому меня и приставили к тебе. Я не просто твоя сиделка. Я — твоя переводчица и проводник.

— Тогда, может, объяснишь…

— Я многое смогу объяснить, только не сейчас. Тебе надо отдохнуть. Могу дать тебе что-нибудь снотворное.

— Я уже ***достаточно*** поспал.

— У гипотетиков ты чувствовал то же самое — будто ты спал?

Вопрос меня озадачил. Я знал, что в некотором смысле «побывал у гипотетиков», хотя ничего не запомнил. Она явно знала об этом гораздо больше меня.

— Иногда память возвращается, — обнадежила она меня.

— Можешь мне ответить, от чего мы так улепетываем?

Она нахмурилась.

— Не понимаю…

— Вы все очень торопились побыстрее убраться из этой пустыни.

— Видишь ли… С тех пор, как тебя забрали, мир изменился. Здесь много воевали. Планета резко обезлюдела и уже толком не возродилась. В каком-то смысле война здесь еще продолжается.

Словно в подтверждение ее слов наш летательный аппарат резко накренился. Трэя с тревогой посмотрела в иллюминатор. От белой вспышки звезды вверху погасли, зато она высветила катящиеся внизу волны. Я привстал, чтобы лучше разглядеть эту картину, и, показалось, увидел на горизонте что-то плоское, похожее на далекий континент или огромный до невозможности корабль — тоже совершенно плоский. Затем все потонуло в темноте.

— Лучше лежи, — посоветовала она.

Наш аппарат накренился еще резче. Трэя поспешно опустилась на откидное сиденье у ближней стенки. Опять что-то вспыхнуло в иллюминаторе.

Мы вне досягаемости для их кораблей, но их

воздушные силы представляют опасность… Мы долго искали тебя. Остальные, вероятно, уже в безопасности. Эта кабина защитит тебя в случае повреждения нашего судна, но для этого ты должен лежать.

И не успела она договорить, как дела приняли совсем дурной оборот.

* * *

В нашем звене было, как я потом узнал, пять воздушных судов. Мы покинули экваторианскую пустыню последними. Нападение произошло быстрее, чем ожидалось, и большими силами. Четыре борта сопровождения ушли вниз, чтобы нас прикрыть, и мы остались беззащитными.

Помню, как Трэя дотянулась до моей руки. Мне хотелось спросить ее, что это за война, и кого это она назвала «остальными». Но уже не было на это времени — она вся похолодела и изо всех сил вцепилась в меня. Неожиданная обжигающая ослепительная вспышка — и вот уже мы падаем.

4

От катастрофы нас спасло запрограммированное аварийное маневрирование в сочетании

с чистой удачей. На этом горючем и том, что осталось от нашего летательного аппарата, мы и дотянули до острова Вокс.

Вокс представлял собой морское судно, образно говоря, ***корабль***, — хоть это для него слишком узкое обозначение. Вокс был целым архипелагом плавучих островов, значительно превосходивших размерами все, что спускалось на воду на моей памяти. Это была целая плавучая культура, нация, история и религия. Без малого пятьсот лет Вокс бороздил океаны в Кольце Миров — так Трэя назвала планеты, соединенные между собой Арками гипотетиков. Его враги очень могущественны и находятся рядом. Экватория уже опустела, но «Альянс кортикальных демократий» не прекращал преследований и все посылал туда свои корабли, чтобы не позволить Воксу добраться до Арки, соединявшей Экваторию с Землей.

Трэя не верила в успех неприятелей. Но последнее нападение вражеских сил не оказалось напрасным: им удалось сбить тот аппарат, в котором летели мы.

Уцелели мы лишь потому, что отсек, где Трэя занималась моим лечением, был оснащен хитроумными приспособлениями, обеспечивавшими живучесть: аэрогели на случай аварийного тор-

можения, выдвижные крылья для планирования к месту посадки. Наш полет завершился на одном из внешних островов архипелага, необитаемом на тот момент по причине его удаленности от города, который Трэя назвала Вокс-Кором.

Вокс-Кор являлся центром архипелага Вокс и главной мишенью всех вражеских атак. Светало, и мы увидели на горизонте внушительный столб дыма.

— Видишь? — спросила Трэя упавшим голосом. — Похоже, это Вокс-Кор.

Мы вылезли из спасшей нас обугленной капсулы на заросший густой травой луг. Солнце поднималось все выше.

— Сеть молчит, — сказала Трэя.

Я не понял, что это значит и откуда ей это известно. На лице ее застыла горестная гримаса. Сам воздушный корабль, от которого отделилась наша спасательная капсула, похоже, рухнул в море. Я спросил у Трэи, как вышло, что выжить посчастливилось именно нам.

— Не ***нам***, а ***тебе***, — уточнила она. — Корабль спасал тебя. Я просто оказалась рядом.

— Почему меня?

— Мы ждали тебя несколько столетий. Тебя и таких, как ты.

Я ничего не понял. Но ей здорово досталось при посадке, и она была явно не в себе, так что я не стал продолжать расспросы. Она заверила меня, что помощь обязательно придет. Ее соплеменники нас найдут и пришлют за нами судно, даже если Вокс-Кор подвергся разрушениям. Нас ни за что не бросят на произвол судьбы.

Как потом оказалось, она ошибалась.

* * *

Корпус нашей спускаемой спасательной капсулы еще был раскален, а от травы, на которую мы опустились, ничего не осталось — одна обожженная почва. Внутри капсулы было такое пекло, что об ее использовании в качестве укрытия нечего было мечтать. Нам с Трэей оставалось только спасать то, что уцелело. В нашем отсеке нашлось много всевозможного добра, которое я счел медикаментами и медицинским инвентарем; упаковок, названных Трэей запасами съестного, оказалось меньше.

Я хватал коробку, на которую она указывала, и тащил ее поддерево неподалеку (неизвестного мне рода). Пока что это дерево служило нам приемлемым укрытием — теплынь, в небе ни облачка.

И хотя мне пришлось изрядно потрудиться, я ***чувствовал*** себя прилично — гораздо лучше, чем когда очнулся посреди пустыни. Не было ни усталости, ни даже тревоги — скорее всего, благодаря тем лекарствам, которыми меня накачала Трэя. Это не было типичное отупляющее действие успокоительного средства, а просто я был спокоен, энергичен и совершенно не склонен задумываться о грозящих нам опасностях. Трэя смазала чем-то собственные ссадины и порезы, и они сразу затянулись. Потом она приложила к внутренней стороне своей руки синюю стеклянную трубочку. Прошло несколько минут — и она уже не уступала силой и деловитостью мне, только лицо оставалось опечаленным.

Как только солнце осветило горизонт, я смог лучше разглядеть место, где мы приземлились. Пейзаж был великолепный. В детстве мать читала мне детскую иллюстрированную Библию, и вид этого острова напомнил мне акварельные картинки Эдема до Грехопадения. Волнистые луга, густо усыпанные мелкими цветочками типа клевера, плавно переходили, куда ни взгляни, в рощи, где ветви гнулись от крупных плодов. Правда, здесь не водились кудрявые ягнята или гривастые львы. Не было людей, дорог и даже

тропинок.

— Было бы неплохо, если бы ты могла хоть немного объяснить мне, что происходит.

— Как раз этому меня и учили — помогать тебе понять. Только без Сети мне трудно решить, с чего начать.

— Просто расскажи про то, что, по-твоему, хотелось бы узнать совершенному чужаку.

Она подняла глаза к небу, потом перевела взгляд на колоссальный столб дыма и поежилась. В ее глазах отражались облака.

— Хорошо, я расскажу тебе, что сумею. Все равно нам придется подождать, пока прибудет помощь.

* * *

Вокс построило и заселило сообщество людей, считавших своим предназначением путешествие на Землю и установление прямого контакта с гипотетиками.

С тех пор, по словам Трэи, минуло четыре мира и пять столетий. Все это время Вокс упорно работал для достижения своей цели. Он преодолел три Арки, имел на своем счету много временных союзов, сражался с заклятыми врагами, прирастал новыми сообществами и новыми искусствен-

ными островами, пока не обрел нынешнюю конфигурацию и не стал Архипелагом Вокс.

Враги («кортикальные демократии») считали любую попытку привлечь внимание гипотетиков не просто заведомо провальной, а самоубийственной и, хуже того, представляющей опасность не только для самого Вокса. Эти противоречия время от времени приводили к настоящим войнам, и за истекшие полтысячи лет Вокс уже дважды оказывался на грани полного разгрома. Но его население было сплоченнее и умнее своих врагов. Так по крайней мере утверждала Трэя.

Когда Трэя, задохнувшись от волнения, стала терять в своем повествовании темп, я спросил:

— Как вам удалось найти меня в пустыне?

— Это было запланировано с самого начала, задолго до моего рождения.

— Вы рассчитывали там меня найти?

— Мы знаем по опыту и из наблюдений, как действуют гипотетики. Геология свидетельствует, что цикл повторяется раз в девять тысяч восемьсот семьдесят пять лет. Как явствует из исторических анналов, некоторых людей забирали для цикла возрождения из экваторианской пустыни, в том числе тебя. А что попадает к ним, затем возвращается. Момент был предсказан с

точностью почти до часа. — Ее голос зазвучал благоговейно. — Ты побывал рядом с гипотетиками. Значит, ты особенный. Поэтому ты нам нужен.

— Для чего?

— Арка, соединяющая Экваторию с Землей, бездействует уже не одно тысячелетие. Все это время на Земле никто из нас не бывал. Но мы считаем, что туда можно будет переправиться, пока ты и такие, как ты, будете с нами. Теперь понятно?

Какое там! Но мне хотелось продолжения.

— Ты говоришь о «таких, как я». Кто они такие?

— Другие люди, тоже прошедшие цикл обновления у гипотетиков. Ты был там, Турк Файндли. Ты не мог ее не видеть, даже если сейчас не помнишь этого. Арку — не такую грандиозную, как те, что соединяют миры, но все равно огромную, поднимающуюся из пустыни!

Кое-что я все же помнил — так вспоминают при пробуждении ночные кошмары. Вызванные Аркой землетрясения сеяли смерть. Машины гипотетиков стягивало к ней со всей Солнечной системы, и они прямо сыпались с неба, как ядовитый пепел. Арка уничтожила моих друзей. Трэя назвала ее «Аркой Времени», и я так понял ее, что эта Арка представляет собой одну из частей

жизненного цикла гипотетиков. Но тогда мы этого еще не знали.

Несмотря на окружающее тепло и блаженство, растекавшееся по моему телу по милости препарата Трэи, я поежился.

— Арка втянула тебя в себя на целых десять тысяч лет, — продолжила она. — Она тебя ***пометила***, Турк Файндли. Гипотетики тебя знают. Поэтому ты так важен для нас. Ты и остальные тоже.

— Назови мне их имена.

— Их имен я не знаю. Меня приставили именно к тебе. Если бы Сеть работала, как полагается. Но она не работает… — Она запнулась. — Вероятно, во время нападения на Вокс-Кор все они находились там. Ты можешь оказаться единственным, кто выжил. За нами обязательно явятся, как только смогут. Нас найдут и заберут домой.

Так она твердила, а небо по-прежнему оставалось голубым и пустым.

* * *

Днем я разведал местность, где мы приземлились, не теряя из виду наш лагерь, и заодно собрал хвороста для костра. По словам Трэи, на многих деревьях Архипелага Вокс росли съедоб-

ные плоды, поэтому я кое-что сорвал. Хворост я стянул прихваченной на корабле веревкой, плоды деревьев — желтые стручки размером со сладкий перец — сложил в матерчатый мешок, взятый там же. Эти полезные занятия доставили мне удовольствие. Если не считать редких птичьих голосов и шороха листьев, тишину здесь нарушали только мое дыхание и шелест шагов по луговой траве. Плавные очертания ландшафта действовали бы успокоительно, если бы не столб дыма на горизонте.

Обеспокоенный этим, я вернулся в лагерь. Спросил Трэю, не применено ли ядерное оружие и нет ли опасности радиоактивных осадков и облучения. Но она ничего об этом не знала — термоядерное оружие при атаках на Вокс не применялось «со времен Первых Ортодоксальных войн», а они отгремели больше чем за двести лет до ее рождения. В той истории, которую она изучала, не было упоминания о каких-либо последствиях его применения.

— Какая, впрочем, разница, если мы все равно ничего не можем изменить, — сказал я. — К тому же ветер дует не в нашу сторону. — Об этом можно было судить по наклону дымового столба.

Трэя нахмурилась, приставила ладонь козырь-

ком ко лбу и посмотрела в направлении города.

— Вокс — это корабль на ходу, — произнесла она. — Мы находимся на корме, значит, по отношению к Вокс- Кору здесь должна быть наветренная сторона.

— И что?

— А то, что мы могли остаться без руля.

Мне было невдомек, как это понимать (и что может служить «рулем» судну размером с небольшой континент), ясно было одно: Вокс-Кор сильно пострадал, а значит, помощь придет не так скоро, как надеялась Трэя. Мне показалось, что она пришла к такому же выводу. Помогая мне выкопать небольшую ямку для костра, она была насупленной и не склонной общаться.

* * *

У нас не было часов для отсчета времени. Когда перестали действовать стимулирующие препараты, я немного прикорнул и проснулся, когда солнце уже заходило. Стало прохладнее. Трэя научила меня пользоваться каким-то приспособлением из капсулы для разжигания костра.

Когда огонь разгорелся, я принялся обдумывать наше положение — то есть местоположение Вокса относительно берега Экватории. При мне

Экватория служила форпостом в Новом Свете и пересадочной планетой на пути с Суматры через Арку гипотетиков. Если Вокс направлялся к Земле, то его путь должен был лежать к экваторианскому краю той же Арки. Поэтому я не удивился, когда сразу после заката в темнеющем небе начала мерцать вершина Арки.

Арка была сооружением гипотетиков и, соответственно, имела непостижимый масштаб. На Земле ее опоры покоились на дне Индийского океана, а вершина уходила за земную атмосферу. Ее экваторианский близнец имел те же размеры и был, возможно, в некотором смысле тем же физическим объектом. Одна Арка — два мира. Еще долго после заката ее верхушка продолжала отражать солнечный свет, серебряной полоской высоко в небе. За десять тысяч лет ничего не изменилось. Трэя застыла с запрокинутой головой и что-то шептала на своем языке. Когда она умолкла, я спросил, что это было — песня, молитва?

— Наверное, то и другое. Можешь считать это поэмой.

— Как она переводится?

— Она о небесных циклах, о жизни гипотетиков. В ней говорится, что не существует ни начала, ни конца.

— Я об этом ничего не знаю.

— Боюсь, есть многое, чего ты не знаешь.

Выражение ее лица при этом было очень горестным.

Я сказал, что не понимаю, что произошло с Вокс-Кором, но скорблю вместе с ней о ее потере.

Печальная улыбка в ответ:

— А я — о твоей.

До этого я не думал о случившемся со мной в таком смысле — как о потере, достойной траура. Но она была права: меня отрезали от дома десять непреодолимых тысячелетий. Все, что я знал и что было мне дорого, сгинуло.

Почти всю жизнь я только и делал, что возводил стену между собой и своим прошлым, но так ее и не выстроил. Чего-то тебя лишают, что-то ты сам отбрасываешь, а что-то несешь с собой, и это «что-то» — бесконечно, как мир.

* * *

С утра Трэя снова угостила меня препаратом из своего, похоже, неисчерпаемого запаса. Это было единственное утешение, имевшееся у нее для меня, и я с радостью принимал его.

5

— Если бы нам хотели помочь, то помощь бы уже пришла. Нельзя ждать бесконечно. Надо идти.

Трэя имела в виду идти в Вокс-Кор, пылающую столицу ее плавучего народа.

— Это возможно?

— Думаю, да.

— У нас здесь достаточно еды. Если мы останемся на месте крушения, то нас будет легче обнаружить.

— Нет, Турк. Мы должны попасть в Кор до того, как Вокс пересечет Арку. Но дело не только в этом. Сеть по- прежнему не работает.

— Чем это нам грозит?

Она нахмурилась, и я уже успел привыкнуть к этой ее манере. Она подыскивала английские слова, чтобы лучше растолковать чуждые мне понятия.

— Сеть — это не просто пассивное соединение. От нее частично зависят мой организм и сознание.

— То есть как зависят? Ты вроде в порядке.

— Это благодаря препаратам, которые я себе ввожу. Но их хватит ненадолго. Мне необходимо

вернуться в Вокс-Кор, поверь, без этого мне не обойтись.

Раз она настаивала, у меня не было оснований ей возражать. Я видел, как она что-то себе вводила дважды этим утром, и заметил, что эффективность инъекций уже не так велика, как накануне. Мы собрали все, что могли унести, и отправились в путь.

Мы двигались в хорошем темпе, не бегом, но и не волоча ноги. Если война и продолжалась, заметных признаков этого не было. Трэя объяснила, что неприятель не располагает на Экватории постоянными базами, и нападение, едва не погубившее нас, стало последней отчаянной попыткой помешать нам пересечь Арку. Прежде чем лишиться своих оборонительных возможностей, Вокс нанес по противнику ответный удар; теперешнее пустое небо могло быть признаком того, что контратака удалась. Никаких серьезных преград на нашем пути не встречалось, а ориентиром по-прежнему служил столб дыма на горизонте. К полудню мы оказались на вершине холма, откуда открывался вид на весь остров: океан с трех сторон и суша с наветренной стороны — вероятно, следующий остров гряды.

Меня больше заинтересовали четыре баш-

ни, возвышавшиеся над лесом, — рукотворные черные сооружения без окон, каждое высотой в двадцать-тридцать этажей. Башни отстояли одна от другой на много миль, и для того, чтобы добраться до любой из них, нам пришлось бы сделать изрядный крюк, но я предположил, что там могут быть люди, способные нам помочь.

— Нет! — Трэя решительно помотала головой. — Нет, внутри башен никого нет. Это машины, а не человеческие жилища. Они собирают внешний свет и переправляют его вниз.

— Вниз?

— Внутри острова пустота, там находятся фермы.

— У вас подземные фермы? Зачем? Здесь, наверху, полно плодородных земель, не говоря о солнечном свете.

Нет, возразила она, ведь Вокс предназначен для путешествий в неблагоприятной или меняющейся среде по всему Кольцу Миров. Все миры в Кольце обитаемы, но условия на планетах разные. Источники продовольствия на архипелаге пришлось защитить от изменений в продолжительности дня, от смены сезонов и больших температурных скачков, от ультрафиолета и радиации. Длительное время поддерживать сель-

скохозяйственное производство на открытом воздухе было бы невозможно — все равно, что выращивать урожай на борту воздушного судна. Цветущий вид здешних лесов объясняется тем, что на протяжении большей части последнего столетия Вокс находился в благоприятных климатических условиях. («Если мы отправимся на Землю, это может измениться», — заметила Трэя.) Первоначально эти острова представляли собой голые глыбы искусственного гранита; почвенный слой наращивался веками, со временем на нем стали произрастать культурные растения, прижились и пошли в рост занесенные естественным путем семена с островов и континентов двух соседних миров.

— А мы можем спуститься вниз, на обрабатываемые земли?

— Не исключено. Только это было бы неразумно.

— Почему? Ваши крестьяне — опасный народ?

— При неработающей Сети — возможно. Это трудно объяснить, но Сеть действует и как механизм общественного контроля. Пока ее не восстановят, нам лучше избегать неискушенных толп.

— Крестьянство, спущенное с поводка, прояв-

ляет склонность к буйству?

— Я удостоился ее презрительного взгляда.

— Пожалуйста, не торопись с умозаключениями о вещах, которых не понимаешь.

Она поправила свою ношу на плечах и ушла на несколько шагов вперед, оборвав разговор. Я спустился следом за ней с холма и снова оказался под тенистым пологом леса. Чтобы определить, сколько мы прошли, я искал взглядом черные башни, выходя на открытое место. По моим прикидкам, через день-другой мы могли добраться до побережья.

Днем погода испортилась: собрались тяжелые тучи, налетел порывистый ветер, то и дело припускал дождь. Мы упорно шли вперед, пока не начало темнеть. Наконец нашли дерево с густой кроной и устроились на ночлег, натянув между ветками над головой тент из непромокаемой ткани. Мне удалось развести небольшой костер.

С наступлением ночи мы устроились под своей утлой крышей. Пахло дымком и мокрой землей, я разогревал ужин, Трэя мурлыкала себе под нос песенку — ту же, что в полете, перед тем, как нас подбили. Я опять задал ей вопрос, откуда она знает популярную мелодию десятитысячелетней давности.

— Она входила в программу моей подготовки. Извини, я не знала, что она будет тебя раздражать.

— Эта песенка меня совсем не раздражает. Я услышал ее впервые в Венесуэле, ожидая танкера, на котором должен был работать. Там в маленьком баре звучали американские мелодии. А ты где могла ее слышать?

Ее взгляд был направлен поверх костра в густую тьму леса.

— Она звучала с файл-сервера в моей спальне. Родителей не было дома, я сделала звук громче и пустилась танцевать.

Мне пришлось напрячь слух, чтобы разобрать ее ответ.

— А где вы жили?

— В Шамплейне.

— Шамплейн?..

— Штат Нью-Йорк, недалеко от канадской границы.

— Это что же, на ***Земле?!***

Она странно на меня посмотрела, ее глаза расширились, она прикрыла ладонью рот.

— Трэя, ты в порядке?

Конечно же, нет. Она схватила свой рюкзак, порывшись в нем, достала лекарственный дозатор

и прижала его к руке.

Отдышавшись, она проговорила:

— Мне очень жаль. Я совершила ошибку. Пожалуйста, не спрашивай меня больше о таких вещах.

— Может, все же лучше, если ты объяснишь мне, что к чему?

— Только не сейчас.

Она улеглась поближе к костру, поджала колени и закрыла глаза.

* * *

К утру дождь прекратился и сменился туманом. Ветер стих, но за ночь успел сбросить с веток достаточно спелых плодов, чтобы мы смогли позавтракать.

Облачность мешала разглядеть столб дыма, поднимавшийся над Вокс-Кором, но две из четырех черных башен находились так близко от нас, что могли служить ориентиром. Постепенно туман рассеялся, а к полудню растянуло и тучи, и мы услышали шум моря.

При свете дня Трэя разговорилась — наверное, повлияли медикаменты, которые она себе ввела, опять две ампулы. Видимо, они заменяли ей потерянную «Сеть» — тогда я не знал еще, чем

она была для Трэи. Тем не менее ее самочувствие ухудшалось, это тоже было очевидно. Как только мы свернули лагерь, она принялась болтать, причем это был не столько разговор, сколько нервный и рассеянный монолог — в былые времена, в совсем других краях, я бы назвал его «кокаиновым». Я слушал ее, не перебивая, хотя половина из того, что она говорила, была для меня бессмыслицей. В те редкие моменты, когда она умолкала, шум ветра в кронах деревьев казался особенно громким.

Она рассказала, что родилась в рабочей семье в далеком подветренном углу Вокс-Кора. У ее матери и отца были нейронные интерфейсы, благодаря которым обоим оказались доступны десятки квалифицированных профессий в сфере «управления инфраструктурой и внедрения новых технических средств». Каста, к которой они принадлежали, была ниже «менеджерской», зато они гордились своей универсальностью. Трэю с рождения готовили к работе в группе психотерапевтов, ученых и врачей, чьей единственной задачей было взаимодействие с выжившими, которых подбирали в экваторианской пустыне. В качестве «терапевта-связного», приставленного лично ко мне (и знавшего ровно столько,

сколько можно было извлечь из метрик — имя и дату рождения, а также то обстоятельство, что я исчез в Арке Времени) она должна была владеть разговорным английским, который был в употреблении еще десять столетий назад.

Язык она выучила благодаря Сети. Но Сеть дала ей гораздо больше словаря, целую вторую личность — набор имплантированных воспоминаний, синтезированных из документов двадцать первого века и передаваемых из интерактивного узла, подключенного к ее спинному мозгу сразу после рождения. Она называла свою вторую личность «имперсональной» — не просто внедренным в нее лексиконом, а целой жизнью, с соответствующим контекстом мест и людей, мыслей и чувств.

Основным материалом для создания этой имперсональной личности послужила женщина по имени Эллисон Пирл, родившаяся в Шамплейне, штат Нью-Йорк, вскоре после конца Спина. Дневник Эллисон сохранился в качестве исторического документа, и Сеть синтезировала из записей этого дневника имперсону для Трэи.

— Когда мне нужно какое-то английское слово, я беру его у Эллисон. Она обожала слова и любила их записывать. Скажем, слово «апельсин». Это

фрукт, которого я никогда не пробовала и даже не видела, а Эллисон любила апельсины. От нее я получила слово и понятие — нечто округлое и яркое, апельсинового цвета, вот только вкус его мне неизвестен… Но подобные воспоминания опасны. Их приходится держать под контролем. Без нейронных сдержек Сети личность Эллисон начинает давать метастазы. Место моих собственных воспоминаний занимает ее память. Это… сбивает меня с толку. Дальше будет только хуже. Препараты помогают, но только на время…

Трэя много чего наговорила. То, что я понимал, звучало как будто убедительно. Я ей верил, поскольку голос ее звучал очень по-американски, речь была расцвечена выражениями прямиком из дневника Эллисон Пирл — больше им неоткуда было взяться. Получили объяснение и песенка, которую она безотчетно напевала, и ее приступы рассеянности, и то, как она застывала, уставившись в пространство и наклонив голову, словно прислушиваясь к голосу, которого я не мог слышать.

— Знаю, эти воспоминания ненастоящие, это созданная Сетью комбинация фактов давних времен, но даже от одного разговора о них появляется странное чувство, как будто…

— Как будто что?

Она обернулась и впилась в меня взглядом. Наверное, только сейчас спохватилась, что разговаривала вслух. Зря я ее перебил.

— Как будто я нездешняя. Как будто все это — какое- то невероятное ***будущее.*** — С досады она топнула ногой по мокрой земле. — Как будто я здесь чужая. Как ты.

* * *

Перед закатом солнца мы подошли к краю острова. Именно к краю, а не к берегу. Здесь становилась очевидной искусственность этой суши. Оставив позади лес, мы вышли на поляну и приблизились к каменному обрыву. Голая скала уходила вертикально вниз на добрые пятьсот футов. Недалеко, всего в миле от нас, начинался следующий остров архипелага Вокс.

— Жаль, моста нет, — сказал я.

— Мост есть, — возразила Трэя. — Подобие моста. Отсюда он должен быть виден.

Она плюхнулась на живот, подползла к самому краю скалы и поманила меня. Я не очень боюсь высоты, — недаром авиация была в прошлой жизни моей профессией, — но свешивать голову с вертикального уступа даже для меня было не

самым приятным делом.

— Там внизу, — показала пальцем Трэя. — Видишь?

Солнце уже садилось, пропасть тонула в сумерках.

Морские птицы, гнездившиеся здесь столетиями вопреки ветрам и дождям, наделали дыр в твердом искусственном камне. Слева вдали я разглядел то, на что указывала Трэя. Острова соединял крытый переход — я увидел только его край у гладкой стены острова. Переход сливался по цвету с морем. От головокружения и странного ракурса глаза его истинный размер трудно было оценить, но, думаю, по нему легко могла бы двигаться шеренга из шести фур, и сбоку бы еще осталось место. При таких колоссальных размерах ни балок, ни ферм, ни тросов, ни других поддерживающих элементов я не увидел — сооружение просто висело в воздухе. У каждого острова архипелага имелась особая система дорог, управлявшаяся с центрального пульта в Вокс- Коре. Было невозможно понять, как держится на весу это средоточение между двумя необозримыми плавучими массами.

— Автоматические грузовики везут по тоннелю сырую биомассу в Вокс-Кор, а фермерам обратно

— готовую продукцию, — сказала Трэя. — Пешком по нему не пройти, но попасть на ту сторону нам все равно надо.

— Как мы проникнем внутрь?

— Мы не станем туда проникать. Придется пробираться по наружной стороне.

Мне страшно было даже представлять себе что-то такое.

— В скале вырублены ступени, — начала объяснять Трэя. — Отсюда их не разглядеть. Их сделали, когда все это создавалось, и с тех пор они могли стереться… — Даже сверхпрочный материал, из которого создавались острова, не способен бесконечно долго сопротивляться ветрам и соленой воде. — Нас ждет нелегкая задача.

— Крыша тоннеля выглядит покатой и довольно скользкой…

— Она может оказаться шире, чем кажется отсюда.

— Или уже…

— Все равно у нас нет выбора.

Через час-другой должно было совсем стемнеть, и поэтому попытку перехода пришлось отложить на следующий день.

* * *

Новый лагерь мы разбили на лесной опушке. Я наблюдал, как Трэя делает себе очередную инъекцию.

— Эта штука кажется неиссякаемой, — сказал я, указывая на ее приспособление.

— Самопополнение. Внутри происходит автономный метаболизм. При инъекциях отсасывается немного крови, и она используется как сырье для катализа активных молекул. Действует от тепла тела и естественного освещения. Для тебя было синтезировано средство подавления тревоги. Я получаю нечто другое.

Сам я еще накануне отказался от этих вливаний бодрости, решив самостоятельно справиться со своей тревогой.

— Откуда этот аппарат знает, что ему синтезировать?

Она нахмурилась — такой была ее стандартная реакция при столкновении с понятием, для которого у ее призрачной наставницы Эллисон Пирл не было наготове точного слова.

— Решение подсказывает химический анализ крови. Ты предположил, что емкость никогда не кончится, но это не так. Содержимое требуется

освежать, иначе оно портится. Но если ты хочешь им воспользоваться, оно еще годится.

— Нет, благодарю. Что получаешь от него ты?

— Как бы тебе это объяснить… Можно назвать это когнитивным усилением. Помогает сохранить различие между моей собственной и виртуальной памятью. Но это временное решение. — Она поежилась, хотя от костра шел сильный жар. — На самом деле мне необходима Сеть.

— Расскажи мне подробнее о Сети. Это что-то вроде внутреннего беспроводного интерфейса?

— Не совсем так, но в некотором смысле — да. С той разницей, что получаемые мной сигналы выражены как биологические и неврологические регуляторы. Все на Воксе как бы «узелки», и Сеть всех нас связывает. Сеть помогает формулировать лимбический консенсус. Не знаю, почему ее никак не починят. Даже в случае поломки ретрансляторов в Вокс-Коре рабочие уже должны были восстановить основные функции. Разве что повреждены сами процессоры… Но они конструктивно способны выдержать любое воздействие, кроме прямого попадания сверхмощного заряда.

— Вдруг это и есть прямое попадание?

Вместо ответа она жалобно пожала плечами.

— Иными словами, нас могут ждать радиоактивные руины.

— У нас нет выбора, — вновь отрезала она.

* * *

Она уснула, а я остался сидеть, поддерживая огонь.

Благодаря отказу от успокоительного на меня нахлынули воспоминания. Казалось, всего несколько дней тому назад я напрягал все силы, чтобы выжить при серии сейсмических толчков в экваторианской пустыне, вызванных выходом Арки Времени из спящего состояния. И вот я здесь, на Воксе. События такого рода вряд ли возможно осмыслить. Их можно только перетерпеть.

Я дал костру прогореть дотла. В небесах мерцала Арка гипотетиков — ироничная ухмылка среди звезд. Шум моря усиливался эхом, отражающимся от ближних скал. Я размышлял о тех, кто спалил ядерным огнем Вокс-Кор, — о «кортикальных демократиях», о причинах их неистовства и о том, так ли эти причины поверхностны, как представляется Трэе.

В этом конфликте я был нейтральной стороной, насколько это было возможно. Это была не моя борьба. Любопытно, насколько может быть

нейтральна также Эллисон Пирл, «Призрак из Шамплейна»? Возможно, именно это и сбивало Трэю с толку — мы оба, «Эллисон» и я, были тенями из безучастного прошлого, потенциально нелояльными Вокс-Кору.

6

Мы свернули свой лагерь и шли вдоль изогнутого края скалы, пока не достигли того, что Трэя громко назвала «ступеньками», — уступов, вырубленных в граните. Время превратило их в стертые впадины, расстояние между которыми порой достигало десяти футов — хороша лесенка! Все это было покрыто скользким мхом и птичьим пометом. Чем ниже мы спускались, тем громче становился шум океана. В конце концов верхушки двух островов сомкнулись над нашими головами, небо померкло, оставив нам для освещения два-три косых солнечных лучика. Мы спускались медленно, и дважды за спуск Трэя останавливалась для инъекций своим немыслимым шприцем. Выражение ее лица было при этом мрачным, а если приглядеться, то испуганным. Она не переставала смотреть вверх и по сторонам, словно боялась, что нас преследуют.

Был уже полдень, судя по углу падения света,

когда я подал ей руку, чтобы помочь спрыгнуть на крышу тоннеля. Она действительно оказалась шире, чем представлялось сверху, и на ней можно было устоять без опасения съехать, как ни страшно было на головокружительной высоте идти по поверхности, покатой с обеих сторон. Дальний край тоннеля окутывал туман. Нам предстояло пройти туда, где нас ждало не облегчение, а еще одно испытание — карабканье наверх. Оставалось надеяться, что мы успеем это сделать до ночи. Здесь, в этой пропасти, она наступала очень быстро.

Ради разнообразия я спросил Трэю, что она (или Эллисон Пирл) помнит о Шамплейне.

— Я не уверена, что отвечать на этот вопрос — безопасное дело, — вздохнула она и продолжила: — Шамплейн… Зимой мороз, летом жара. Купание в озере в Кэтфиш Пойнт. Моя семья почти всегда сидела без гроша. Это были годы после Спина, когда все только и делали, что обсуждали великодушие защитивших нас гипотетиков. Только я никогда не верила этому. Я шагала по тротуару в Шамплейне — а знаешь, как мерцает на летнем солнце бетон? Мне было тогда всего ничего, десять лет, но я помню свои тогдашние мысли: такими же и мы кажемся гипотетикам,

причем не только мы сами, но и вся наша планета, — мерцанием под ногами, которое если заметишь, то сразу забываешь.

— Трэя высказывается о гипотетиках иначе.

Она сердито глянула на меня.

— Я и есть Трэя.

Пройдя еще несколько шагов, она продолжила:

— Эллисон ошибалась. Гипотетики по любым нашим меркам — боги, и они не ***безразличны***.

Она остановилась и повернулась ко мне, вытирая с глаз соленые брызги:

— Тебе положено это знать!

Может, и положено. Еще не добравшись до середины пути, где ветер ревел с особенным неистовством, мечась между циклопическими стенами и поднимая колоссальные волны, мы были вынуждены встать на четвереньки и уподобиться двум муравьям, вцепившимся под дождем в бельевую веревку. Здесь разговор стал невозможен. Мои ладони чувствовали вибрацию тоннеля, стон металла, испытывающего невероятное напряжение. Что нужно, чтобы разорвать эту нить, связывающую бусины-острова, — новый ядерный удар? Или, учитывая то, что уже произошло, хватило бы шторма и урагана? Я представил себе рвущиеся тросы толщиной с

вагон метро, опрокидывающиеся острова, выплескивающие свое содержимое в бушующий океан… Не слишком ободряющие фантазии! Если бы не Трэя, я бы по вернул обратно. С другой стороны, не будь ее, я бы здесь вообще не оказался.

Наконец мы вошли в тень противоположной отвесной стены. Здесь ветер уже не надрывался, а негромко подвывал, и мы смогли распрямиться. Вырубленные в граните «ступеньки» были ровно такими же, как и на другой стороне — выветренные, заросшие мхом, крутые, пахнущие морем. Мы преодолели первые десять из них, как вдруг Трэя ахнула и замерла.

На выступе над нашими головами теснились люди.

* * *

Наверное, они высмотрели нас издали и сначала прятались, а теперь решили показаться. Меньше всего они походили на делегацию, готовящую нам радостный прием.

— Фермеры… — прошептала Трэя.

Их было десятка три, мужчин и женщин, насуплено разглядывавших нас. У многих было в руках что-то, способное служить оружием. Трэя оглянулась на оставшийся позади нас мост.

Нет, слишком поздно и слишком темно, чтобы спасаться бегством. Мы были в численном меньшинстве и зажаты в угол.

Трэя схватила и стиснула мою руку. Я ощутил холод ее руки и сумасшедший пульс.

— Позволь, я с ними поговорю, — сказала она.

Я подсадил ее на следующую ступеньку, она подтянула меня за собой, и мы оказались на одном уровне с фермерами. Они обступили нас. Трэя сделала обеими руками примирительный жест. Из толпы выступил предводитель.

Во всяком случае, я принял его за вожака. У него не было никаких символов главенствующего положения, но его авторитет никем не оспаривался. У него в руках был стальной штырь, похожий на трость, с заостренным кончиком. Как и люди позади него, он был богатырского роста, и его темное лицо было изборождено морщинами.

Трэя, не дав ему раскрыть рот, заговорила на родном языке. Он слушал, выказывая признаки нетерпения.

— Я сказала ему, что ты принадлежишь к Посвященным, — шепнула она мне по-английски. — Не знаю, имеет ли это для них смысл.

Ни малейшего смысла. Мужчина что-то пролаял, обращаясь к Трэе, она неуверенно ему

ответила. Снова лай. Она уронила голову, вся дрожа.

— Что бы ни произошло, не вмешивайся! — приказала она мне шепотом.

Главарь фермеров схватил ее за плечи, надавил, принудив опуститься на скользкий гранит, толкнул, заставив распластаться на животе. Она до крови расцарапала о камень щеку и зажмурилась от боли.

У меня в жизни было столько драк, что кулаки давно перестали чесаться. Да и не больно-то хорош я был в этом деле. Но и смотреть на происходящее безучастно я не мог. Я набросился на главаря. Не тут-то было: его подручные схватили меня и оттащили. Потом они заставили и меня упасть на колени.

Главарь наступил Трэе на плечо, не давая подняться. Потом он занес свой посох и медленно опустил. Острие уперлось в утолщение у Трэи на спине, чуть пониже шеи. От его прикосновения она напряглась всем телом.

Затем главарь с силой вонзил в нее свой посох.

Глава 3
САНДРА И БОУЗ

Сандра пошла спать с убеждением, что эти записи — фальшивка, дурацкий розыгрыш, хотя звонить Боузу и обвинять его в этом было уже поздно. Хотя если это было шуткой, то уж очень старательной и вздорной. Ей не верилось, чтобы такое мог написать робкий и невнятный молодой человек по имени Оррин Матер, с которым она беседовала в приюте. Пока что она придумала единственное объяснение: он переписал текст из какого-то фантастического романа и выдает его за собственное сочинение… Но зачем?

Оставалось только отмахнуться от бесполезных вопросов и попытаться выспаться.

Утром она прикинула, что поспать ей удалось всего часа три, а значит, весь наступивший день она проведет в раздражении и со слезящимися глазами. А день опять предстоит жаркий, судя по мареву за окном гостиной — этому хьюстонскому августовскому смогу.

Она попробовала позвонить Боузу из машины, но попала на голосовую почту. Сообщив свое

имя и номер рабочего телефона, она добавила: «Возможно, вы по ошибке прислали мне не тот файл? Если это не так, то вы сами — кандидат на собеседование в приюте. Пожалуйста, позвоните мне, как только сможете, чтобы внести ясность в эту историю».

* * *

Сандра проработала в приемнике социальной службы Большого Хьюстона достаточно долго, чтобы срастись с этим заведением, с его внутренним распорядком и повседневным ритмом. Иначе говоря, всегда могла определить, все ли идет своим чередом. В то утро она сразу смекнула: что-то не так.

То, чем она занималась, всегда, даже в лучшие времена, было отчасти сомнительным с точки зрения морали. Система социального попечительства была учреждена Конгрессом в период неразберихи после Спина, в разгар эпидемии душевных болезней, когда катастрофически возросло число бездомных. У законодателей были самые благие намерения, и для любого, у кого всерьез закатились шарики за ролики, жить за счет государства было не в пример лучше, чем на улице. Врачи выбивались из сил, чтобы им

помочь, правильный подбор препаратов творил чудеса, предоставлявшееся бедолагам жилье, пусть скромное, отличалось чистотой и безопасностью.

Но слишком часто на попечении государства оказывались не те люди: мелкие правонарушители, агрессивно настроенные нищие, да и просто те, кого экономические неурядицы доводили до состояния умственного расстройства. А покинуть приют, будучи туда зачисленным не по своей воле, было непросто. В стране не стихали кампании протеста против вышвыривания на улицу пациентов приютов, а осуществлению программ штатов по строительству дешевого жилья препятствовали горластые активисты, кричавшие: «Только не по соседству с нами!» Поэтому население приютов неуклонно росло, тогда как их финансирование не увеличивалось. Неизбежным следствием были низкие зарплаты персонала, перенаселенные лагеря и периодические скандалы в прессе.

Задачей Сандры, работающей в приемном отделении, было стараться минимизировать эти проблемы, что называется, «на входе», — то есть принимать только тех, кто действительно нуждался в уходе, и отваживать (или переправлять

другим социальным службам) людей с временно возникшими психологическими трудностями. Теоретически это было несложно: зафиксировать симптомы, дать рекомендацию. Но на деле ей часто приходилось строить догадки и принимать болезненные решения. Если слишком многим даешь от ворот поворот, то это вызывает недовольство полиции и судов; слишком часто включаешь «зеленый свет» — администрация начинает жаловаться на «перенаселенность». А главное, она имела дело не с абстракциями, а с живыми людьми: травмированными, смертельно уставшими, обозленными, подавленными, иногда необузданными; слишком часто эти люди принимали приют за тюрьму, а помещение туда за приговор — собственно, они не очень ошибались.

Поэтому спокойно работать было невозможно, приходилось балансировать и выкручиваться, да и в самом учреждении словно были натянуты невидимые струны, по-разному вибрировавшие от верных и неверных нот. Войдя в корпус, где находился ее кабинет, Сандра заметила, что дежурная медсестра исподтишка провожает ее взглядом. Струна завибрировала. Уже насторожившись, Сандра задержалась перед батареей

пластмассовых шкафчиков для деловых бумаг сотрудников. Дежурная сестра по фамилии Уотмор сказала ей:

— Можете не искать личное дело Матера, доктор Коул. Его забрал доктор Конгрив.

— Не понимаю. Доктор Конгрив забрал дело Оррина Матера?

— Разве я непонятно выразилась?

— С какой стати он его забрал?

— Спрашивайте об этом его самого. — С этими словами сестра Уотмор отвернулась к своему монитору и защелкала по клавишам, давая понять, что разговор окончен.

Сандра поспешила к себе в кабинет и позвонила доктору Конгриву, своему непосредственному начальнику. Ему подчинялись все, кто занимался приемом новых пациентов. Сандре он был не по душе: надменный, равнодушный, уделяющий чрезмерное внимание гладкой статистике, которая должна была умаслить комитет по бюджету. После его назначения год назад двое лучших докторов приемного отделения предпочли уволиться, возмутившись установленными им квотами на зачисление в приют. Сандра гадала, зачем он забрал дело Матера, даже не предупредив ее. Обычно Конгрив не удостаивал своим

вниманием истории конкретных пациентов.

Как только она соединилась с ним, он тут же начал говорить:

— Чем могу быть вам полезен, Сандра? Я в крыле В, тороплюсь на совещание, так что давайте побыстрее.

— Сестра Уотмор сказала, что вы забрали дело Оррина Матера.

— Действительно… Да, я видел, как она сверлила меня своими маленькими глазками… Извините, что заранее с вами не поговорил. Просто к нам в приемное отделение поступил новый сотрудник, доктор Эйб Фейн, вот я и подумал, что ему лучше начать с какого-нибудь беспроблемного дела. Среди всех наших нынешних кандидатов на зачисление Матер — самый тихий, не хочется, чтобы новый сотрудник сразу нарвался на буйного. Вы не возражаете? Я его проинструктирую.

— Не знала, что у нас новенький.

— Проверьте в своих папках, у вас должна быть эта информация. Фейн был интерном в больнице «Бейлор» в Далласе, очень многообещающий специалист, но я все равно буду держать его на коротком поводке, пока он не разберется, что здесь к чему.

— Дело в том, что я уже начала работать с Ор-

рином Матером. У меня уже установились с ним доверительные отношения.

— Полагаю, все имеющее отношение к делу Фейн найдет в ваших записях. Что-нибудь еще, Сандра? Не хочу быть невежливым, но меня люди ждут.

Она знала, что давить бессмысленно. Несмотря на достаточно скромную квалификацию, Конгрив приглянулся совету директоров именно как способный управленец. Психиатров приемного отделения он считал всего лишь наемным персоналом и своими подчиненными.

— Нет, у меня все.

— Хорошо, поговорим позже.

Обещание или угроза?

Сандра устроилась за рабочим столом. Она была, конечно, разочарована и немного злилась на Конгрива за его начальственный тон, хотя уже могла бы к нему привыкнуть.

Что она записала в личном деле Оррина Матера? Кажется, ничего, что касалось бы интереса, проявленного к его делу полицейским Боузом. Она обещала Боузу не разглашать то, что относится к фантастической истории, якобы сочиненной Матером. Но стоит ли держать слово в сложившихся обстоятельствах?

По долгу службы она обязана была сообщить Конгриву (или новенькому, Фейну) все, что имело отношение к оценке потенциального пациента. С другой стороны, процедура оценки была рассчитана на целую неделю, так что с полным раскрытием информации можно было не торопиться. Во всяком случае, лучше сперва разобраться в причинах заинтересованности Боуза и понять, сам ли Оррин Матер написал то, что она прочла накануне. Надо расспросить об этом Боуза, и чем скорее, тем лучше.

А что касается самого Оррина… правила не запрещали ей навестить его хотя бы из вежливости. Даже если он больше не ее пациент.

* * *

Смирным пациентам на стадии проверки предоставлялась возможность общаться между собой в комнате отдыха в присутствии врача, но Оррин был необщительным. Сандра полагала, что застанет его в палате, и не ошиблась. Он восседал на матрасе со скрещенными ногами, как костлявый Будда, уставившись в голую стену напротив окна. Несмотря на маленькие размеры, комнаты в приюте были вполне ничего себе, если постараться забыть, что на самом деле это

тюремные камеры: не- бьющиеся окна из стекловолокна, подозрительное отсутствие каких-либо вешалок, крючков, острых углов. Комнату Оррина недавно перекрасили, замазав непристойные рисунки на ее стенах.

Он встретил Сандру улыбкой. На простодушной физиономии легко читались его чувства. Большеголовый, скуластый, приятные, но слишком широко распахнутые глаза. Такого обмануть ничего не стоит.

— Доброе утро, доктор Коул. А мне сказали, что я вас больше не увижу.

— Твое дело, Оррин, передано другому врачу. Но мы все равно можем побеседовать, если хочешь.

— Пожалуй, хочу, — откликнулся он.

— Вчера я говорила с полисменом Боузом. Ты его помнишь?

— Да, мэм, конечно, помню. Боуз — единственный полисмен, проявивший ко мне интерес. — (В простецком выговоре Оррина «полисмен» стал «плиз-меном»). — Только он взялся позвонить Эриел, моей сестре. Вы не знаете, она еще не приехала?

— Не знаю, но я собираюсь переговорить с Боузом и обязательно его об этом спрошу.

Решив, что незачем ходить вокруг да около,

она сказала:

— Он упомянул о тетрадях, бывших с тобой, когда тебя подобрала полиция.

Оррина как будто не удивило и не огорчило, что Сандре известно про тетради, но выражение его лица стало не столь радостным.

— Полисмен Боуз сказал, что они останутся в полиции, но со временем мне их вернут. — Он нахмурился, на высоком лбу образовалась V-образная морщина. — Ведь вернут, правда? Что бы про меня ни решили здесь?

— Если Боуз так сказал, значит, так и будет. Эти тетради настолько для тебя важны?

— Да, мэм, полагаю, что важны.

— Можно спросить, что в них написано?

— Это трудно объяснить…

— Рассказ?

— Думаю, можно сказать и так.

— О чем там говорится, Оррин?

— Мне трудно удержать все это в уме, поэтому мне лучше иметь при себе тетради, чтобы освежать память. Там рассказывается об одном мужчине и одной женщине. Но не только. Это еще… можно сказать, про Бога, да? В общем — про гипотетиков. (Они у него превратились в каких-то «гипо-ДЕТИ-ков».)

— Ты сам пишешь этот рассказ?

Оррин почему-то покраснел.

— ***Я его записал***, — ответил он, помолчав, — но не уверен, что могу назвать себя его автором. Какой из меня писатель? Никакой. Учительница в школе в Парк-Вэл- ли, — это дома, в Северной Каролине, — говорила, что я не способен отличить существительного от глагола. Наверное, она права. Со словами у меня туго, но только не с…

— Только не с чем, Оррин?

— Только не с ***этими*** словами.

Сандре не хотелось на него наседать.

— Понимаю, — сказала она, хотя ничего не поняла, и не удержалась от еще одного вопроса:

— ЭтотТурк Файндли… Ты его придумал, или это реальный человек?

Оррин покраснел еще гуще.

— Вряд ли он настоящий, мэм. Скорее всего, это моя выдумка.

Он, несомненно, врал, но Сандра решила его не уличать. Она улыбнулась и кивнула.

Когда она встала, чтобы уйти, Оррин спросил ее о цветах в садике за окном его палаты-камеры — знает ли она, как они называются?

— Эти? Их называют «райские птицы».

Его глаза расширились, он усмехнулся.

— Это что же, их настоящее название?

— Нуда…

— Ух ты! Потому, что они похожи на птиц, да?

Желтый клюв, круглая головка, глазки, как капельки густого сока…

— А что, разве не похожи?

— Они похожи на цветы, вообразившие себя птицей. Только откуда у них такие фантазии? Разве что от Бога.

— От Бога или от природы.

— Возможно, это одно и то же. Всего хорошего, доктор Коул.

— Спасибо, Оррин. И тебе того же.

* * *

Боуз отозвался на ее сообщение только днем. Разобрать его слова было трудно: казалось, что он звонит из большой толпы, которая что-то скандирует.

— Прошу прощения, — сказал он, — я сейчас на судоходном канале, тут демонстрация защитников окружающей среды. Человек пятьдесят уселись на железнодорожные рельсы, чтобы помешать загружать нефтеналивные танкеры.

— Желаю им удачи! — сказала на это Сандра, симпатизировавшая демонстрантам. Они тре-

бовали запрета на импорт ископаемого топлива из-за Арки гипотетиков, чтобы глобальное потепление не превышало пяти градусов Цельсия. На планете, по их мнению, и так хватало запасов углеводородов, и Сандра полагала, что они совершенно правы, удивляясь, что кто-то не согласен с этим. Как и эти активисты, она считала, что разработка огромных нефтяных запасов под экваториальной пустыней представляет собой нарастающую катастрофу — приобретение бешенного благосостояния ценой удвоения выбросов углекислого газа. Поколение, выросшее после Спина, жаждало дешевого горючего и промышленного бума и не желало слышать возражений, а расплачиваться за все это придется (или даже уже приходится) всему человечеству.

— Не уверен, что если кого-нибудь из протестующих раздавит товарный состав, то от этого будет какая-то польза, — сказал Боуз. — Вы получили от меня документ?

— Получила. — Она соображала, с чего начать.

— Прочли?

— Да. Послушайте, мистер Боуз…

— Для друзей я просто Боуз.

— Как хотите. Послушайте, я не пойму, чего вы хотите от меня. Вы что, верите, что присланный

вами текст Оррин Матер написал сам?

— Знаю, что это кажется невероятным. Даже Оррин не спешит признать свое авторство.

— Я его об этом спрашивала. Он говорит, что записал все это, но не уверен, что сам сочинил. Можно подумать, что ему кто-то диктовал. Думаю, это кое-что объяснило бы. В общем, чего вы ждете от меня? Литературной критики? Вообще-то я не такая уж любительница научной фантастики…

— Вы прочитали в этом тексте не все, что в нем есть. Надеюсь, смогу прислать вам сегодня продолжение, после чего хорошо бы встретиться — как насчет завтрашнего ланча? — и поговорить подробнее.

Но готова ли она сделать еще шаг навстречу этим чудачествам? Как ни странно, она поймала себя на том, что да, готова. Наверное, причиной было любопытство. И сочувствие к застенчивому мужчине-ребенку, каким оказался Оррин Матер. К тому же она была совсем не против общества полисмена Боуза. Она позволила ему прислать ей новую порцию отсканированных страниц, но оговорилась:

— Появилась, правда, одна сложность, вам надо быть в курсе. Я больше не занимаюсь Оррином.

Мой босс передал его дело практиканту.

Настал черед Боуза молча переварить услышанное. Сандра попыталась разобрать, что скандирует толпа вокруг него. Что-то вроде ***«дети наших детей...»***.

— Вот чертовщина! — произнес Боуз.

— Сомневаюсь, что мой босс захочет с вами откровенничать, только не обижайтесь. Он такой...

— Вы о Конгриве? Парни из полиции Хьюстона говорят, что тот еще бюрократ, пробу ставить негде.

— Без комментариев.

— Ну что ж... У вас остается доступ к Оррину?

— Я могу с ним разговаривать, если вы об этом. Но принимать решения теперь не в моей власти.

— Это усложняет дело, — согласился Боуз. — Но для меня все равно ценно ваше мнение.

— Повторяю, чтобы быть вам полезной мне надо знать, почему вам так важен Оррин с его тетрадками.

— Об этом нам лучше потолковать завтра.

Они условились о встрече в одном заведении неподалеку от приюта, несколько более приличном, чем придорожные кафе. Потом Боуз сказал:

— Ну, мне пора. Спасибо, доктор Коул.

— Сандра, — поправила его она.

Глава 4
РАССКАЗ ТРЭИ / РАССКАЗ ЭЛЛИСОН

1

Хотите знать, что случилось с Боксом и что было потом?

Расскажу.

Надо ведь что-то оставить после себя.

Чтобы было, что читать ветру и звездам.

2

Я родилась от Трэи (у ее имени был пятисложный суффикс, но я не стану его здесь повторять), но лучше считать меня Эллисон Пирл-Марк Второй. Вынашивали меня десяток лет, восемь дней рожали в муках, и само мое появление на свет сопровождалось травмой. С первого дня своей жизни я знала, что являюсь подделкой, но при этом понимала, что лишена выбора и вынуждена такой оставаться.

Я родилась за семь дней до того, как Воксу полагалось проплыть через Арку и попасть на

древнюю Землю. Роды приняли мятежные фермеры, при рождении по моей спине обильно струилась кровь. Когда ко мне вернулся дар речи, кровь уже высохла и превратилась в корку.

Фермеры выковыряли и вырвали из моего тела, а потом уничтожили мой персональный лимбический имплантат — мой сетевой интерфейс или «узел». «Узел» сразу после прежнего рождения был вставлен в мой позвоночник, у третьего позвонка, так что боль от его потери была невыносимой. Когда я очнулась, волны адской боли прокатывались по мне от этого позвонка до макушки и обратно, но еще хуже было то, что остальное мое тело онемело, и я его совсем не чувствовала. Ниже плеч как будто ничего не было — только онемение, беспомощность и тихий ужас. В конце концов фермеры накачали меня каким-то варварским анестетиком из своей первобытной аптечки — подозреваю, что не из сострадания, а просто устав от моих воплей.

Когда я снова пришла в себя, все мое тело нестерпимо ныло, я ощущала ломоту во всех членах, и это было прекрасно, так как означало, что я оживаю. Даже без «узла» мой окрепший организм бодро сращивал разорванные нервные волокна и сокрушенные кости. Рано или поздно я

смогу садиться, вставать, потом ходить. Осознав это, я заинтересовалась наконец тем, что меня окружало.

Я лежала в повозке, на подстилке из какой-то сушеной травы. Повозка быстро ехала. Ее борта были слишком высокими, чтобы видеть, что за ними, зато в глаза мне бил свет дня. Я могла любоваться небом, облаками, проплывающими мимо верхушками деревьев. Определить, как давно меня схватили, не было возможности, а именно этот вопрос не давал мне покоя больше всего. От ответа на него зависело расстояние до Вокс-Кора и от Вокс-Кора до Арки гипотетиков.

Несмотря на пересохший рот, я смогла громко крикнуть: «Эй!» Крикнув так пару раз, я спохватилась, что кричу по-английски, и перешла на вокский:

— Вех-э! Вех-э ми!

Чтобы кричать, надо было расходовать силы, и я быстро унялась, убедившись, что на меня не обращают внимания.

* * *

Когда повозка остановилась, уже спускались сумерки. В небе загорались первые звезды. Лазурный отлив неба напомнил мне витражи в церкви

Шамплейна. Я не большая любительница церквей, но витражи мне всегда нравились, особенно просвеченные воскресным утренним солнцем. До моего слуха донеслись голоса фермеров. Фермеры говорят по-вокски с акцентом, как будто перекатывают во рту камешки. Я почувствовала запах их стряпни — новая пытка, ведь меня не удосужились до сих пор покормить.

Вскоре над бортом повозки возникла мужская физиономия, темная и морщинистая, как у всех фермеров. Лысый череп, кустистые брови, желтая радужная оболочка глаз, откровенная неприязнь во взгляде.

— Эй, ты, — произнес он, — сесть можешь?

— Мне надо бы поесть.

— Если сможешь сидеть, значит, сможешь и поесть.

Следующие несколько минут я пыталась привести свое непослушное тело в сидячее положение. Фермер и не думал мне помочь. Он наблюдал за мной с каким-то медицинским безразличием. Умудрившись привалиться спиной к борту повозки, я простонала:

— Я сделала, что ты хотел. Пожалуйста, дай поесть.

Он бросил на меня сердитый взгляд и удалился.

Я не была уверена, что он вернется. Но он принес миску с чем- то зеленым и тягучим и поставил ее передо мной.

— Если тебя слушаются руки, приступай.

Он развернулся, чтобы уйти.

— Погоди!

Он нехотя обернулся.

— Чего еще?

— Назови свое имя.

— Зачем оно тебе?

— Незачем, просто хочу знать.

Он ответил, что его зовут Чой, а фамилия — Диггер, он с семьей живет на Третьем уровне Урожайного сектора. «Чой Диггер», перевела я мысленно на английский.

— А ты Трэя, рабочая, сопровождающий, терапевт.

Эти принятые в Коре определения он произнес с усмешкой.

— Меня зовут Эллисон Пирл, — услышала я собственный голос.

— Мы прочли твои бирки. Лучше не ври.

— Эллисон, — уперлась я. — Пирл.

— Называй себя, как хочешь.

Я сунула непослушную руку в миску с едой, зачерпнула мерзкой зеленой гущи и запихнула

себе в рот. Гуща имела вкус сена, по пути ко рту я половину расплескала, но мой организм так изголодался, что принимал и такое. Чой Диггер дождался, пока я доем, и забрал миску. Голод не прошел, но Чой Диггер и слышать не хотел о добавке.

— Вот, значит, как вы обращаетесь со своими пленниками?

— Мы пленных не берем.

— А кто тогда я?

— Заложница.

— Вы так дорого меня цените?

— Почему бы и нет? Если ошибаемся, то не составит труда тебя прикончить.

* * *

Поскольку ко мне вернулась способность двигаться, фермеры из осторожности связали мне руки за спиной и в таком виде оставили на ночь — это оказалось даже хуже, чем парализованной. Утром они выволокли меня из повозки и потащили к другой, похожей на прежнюю как две капли воды, с той разницей, что в ней сказался Турк Файндли.

Пока меня волокли, я осмотрела стоянку фермеров. На этой оконечности того самого острова,

где находился Вокс-Кор, присутствие человека почти не ощущалось. Разве что все фруктовые деревья стояли без плодов, которые пошли в пищу фермерам.

Фермеров оказалось много, целая армия. Только на одном лугу я насчитала их добрую тысячу, а неподалеку виднелись дымки других стоянок. Оружием им служили самодельные сабли и всевозможные детали от комбайнов и молотилок. Все это было бы смешно, если бы им противостояло организованное Сетью ополчение Кора; но в сложившихся обстоятельствах исход подобного противостояния было трудно предугадать. Все фермеры как один были темноликими и морщинистыми потомками очень давней марсианской диаспоры. Чой Диггер провел меня сквозь толпу своих собратьев, провожавших меня недобрыми взглядами и порой кричавших мне вслед оскорбления.

Повозка, к которой он наконец подвел меня, была просторнее прежней. Внешне она походила на двухколесный ящик с длинными оглоблями, который могло тащить и животное, и робот, и просто могучий фермер. Казалось бы, нехитрое устройство, но примитивным оно только казалось. Повозки фермеров были изготовлены из

особого материала, который позволял использовать энергию толчков для поступательного движения. При этом они продолжали сохранять равновесие даже на пересеченной местности. И тюремная камера из такой повозки была что надо, если покрепче связать заключенного.

Турка связали на совесть, меня тоже. Чой Диггер откинул задний борт повозки, втолкнул меня внутрь и снова запер борт. Я оказалась вплотную прижата к Турку Файндли, у которого руки тоже были связаны за спиной. Мы долго возились, принимая более удобное положение и вытягивая ноги, чтобы сесть лицом к лицу. Фермеры сильно избили Турка — скрутить его оказалось не так-то просто. Вся его левая щека превратилась в черный синяк, уже приобретавший зеленый отлив, левый глаз затек. Поглядывая на меня, он не скрывал удивления. Думал, наверное, что меня уже нет в живых, что выдирание из позвоночника лимбического имплантата несовместимо с жизнью.

Мне хотелось его как-то подбодрить, но я никак не могла решить, с чего начать. Ведь он помнил меня как Трэю из Вокс-Кора и почти не ошибался. Я оставалась Трэей — в каком-то смысле. Но только в каком-то.

У меня был выбор из двух историй. Трэя называла Эллисон Пирл своей виртуальной наставницей, учившей ее американским культурным традициям и языку двадцать первого века. Тогда «Эллисон Пирл» не была реальностью — если понимать это слово в его расхожем значении. Но теперь я сама была Эллисон из плоти и крови, Эллисон, включившейся в игру и «психологически закаленной», по выражению Менеджеров.

Впрочем, пока что главной проблемой было не это.

— Ты жива! — выдавил он из себя.

— Как видишь.

В его взгляде появилось любопытство — Трэя ответила бы иначе.

— Я думал, они тебя убили. Столько крови!

Вся моя одежда была в запекшейся крови.

— Они убили не меня, а мой сетевой интерфейс. «Узел» на позвоночнике посылает сигналы в головной мозг. У фермеров тоже есть имплантаты, но они, очевидно, вывели их из строя, как только отключилась Сеть. Они ненавидят свои «узлы», делающие их работящими и покладистыми.

— Они, что же, рабы? Это восстание рабов?

— Нет, все не так просто.

Я стала Эллисон Пирл и не взялась бы компе-

тентно судить о социальной структуре Вокса. Зато у меня сохранилась сильная вторичная память о воинственной гражданственности Трэи. Трэя была неплохим человеком, хотя и дроном. Мне не хотелось, чтоб он счел ее надсмотрщицей за рабами.

— Предки этих людей попали в плен много веков назад. Они были радикальными бионормативами из марсианской диаспоры, отказывавшимися ассимилироваться. Им предложили сделку, в результате которой сохранили им жизнь, но обрекли на труд на земле.

Турк все еще смотрел на меня с сомнением, что и понятно: окровавленная одежда, манера речи. Поэтому я решила расставить точки над і насколько это возможно.

— У меня теперь нет «узла». Трэя была переводчицей, так? Много лет у нее была вторая индивидуальность — Эллисон Пирл. Я была для нее младшим сознанием — улавливаешь? Многое из ее собственных воспоминаний и личных свойств диктовалось Сетью. Мы были тесно переплетены, я и Трэя, но «узел» всегда обеспечивал ее превосходство надо мной. Но теперь «узла» не стало, и верховожу я. Похоже, за последнее десятилетие она передала мне весомую долю своих

мозговых активов. Что было ее большой ошибкой, если попытаться посмотреть ее глазами, но вряд ли она рассчитывала, что племя взбунтовавшихся фермеров лишит ее сетевого интерфейса.

— Прошу прощения, — проговорил Турк медленно, — с кем я сейчас разговариваю?

— С Эллисон. Теперь я — Эллисон Пирл.

— Эллисон… — повторил он. — А что с Трэей? Она умерла?

— Сеть сможет снова ее оживить, если захочет. Пока что она «невоплощенный потенциал», на грубом языке технических терминов.

Турк обдумывал услышанное.

— Признаться, будущее представляется довольно поганым местом временами.

— Попробуй принять на веру, что я теперь Эллисон. Может, тогда мы сумеем придумать, как спастись.

— Ты знаешь, как это сделать?

— Штука в том, что мы умрем, если не попадем в безопасное место, прежде чем Вокс пересечет Арку.

— Похоже, мы обречены. Ты видела небо перед рассветом? Арка находится в зените, выглядит как прямая линия. Это значит…

— Я знаю, что это значит. — Мы находились в

опасной близости к Переходу.

— Где же в таком случае нам спасаться, Эллисон Пирл? И как нам туда попасть?

Тем временем фермеры закончили завтрак, свернули лагерь и были готовы продолжить поход на Вокс-Кор. Двое мужчин схватили оглобли повозки, и мы превратились в горошины, перекатывающиеся в кастрюле с длинной ручкой. Обстановка не благоприятствовала беседе. Но я все равно сумела сообщить Турку все, что ему следовало знать. Он уже был в курсе дела, когда мы добрались до развалин Вокс-Кора.

3

Турк все быстро схватывал, хотя за десять тысяч лет, проведенных среди гипотетиков, мало чему научился. Но иначе и быть не могло. «Среди них» он толком никогда и не был, хотя людей, прошедших через Арку Времени, и принято было считать наделенными неким особым сверхзнанием. Трэя воображала, что он провел все эти годы в восхитительном обществе гипотетиков, не важно, помнил ли это он сам, но для меня, ставшей теперь Эллисон Пирл, это было просто псевдорелигиозной болтовней. Совершивший путешествие через любую из Арок, связывавших

все Восемь Миров, превращался в «бывшего среди гипотетиков» — вот и Турк принадлежал к их числу. Многие даже при моей жизни (я о жизни Эллисон) проходили через Арку и попадали из Индийского океана на Экваторию, а это значило, что силы гипотетиков подхватывали их и несли среди звезд. Но это не делало их ни богами, ни даже подобиями богов — это не делало их вообще никем, за исключением того, что они совершали необыкновенное путешествие. Правда, время — особое измерение. Жутковатое.

Арки Времени стояли, конечно, и в других краях. Это обычные сооружения гипотетиков. Геологические раскопки свидетельствовали, что Арки Времени появлялись и исчезали примерно раз в десять тысяч лет. Они были для гипотетиков частью системы обратной связи, накапливавшей и распределявшей информацию. Но та Арка, которая выросла в экваторианской пустыне и втянула, в частности, Турка Файндли, была первой, начавшей ***заглатывать*** живых людей. То есть она должна была стать первой, ***исторгающей*** свой людской груз, — что она и сделала, точно по расписанию, пару недель назад.

Получается, Турк был одним из тех первых людей, что вернулись живыми из Арки Времени.

Но сколько же ерунды умудрились нагромоздить вокруг этого нехитрого факта! На Воксе служило постулатом незыблемой веры, что выжившие выйдут из Арки преображенными, прямо- таки проводниками между человечеством и силами, смастерившими Кольцо Миров. Этим выжившим якобы будет под силу провести нас через бездействующую Арку назад, на «старую добрую Землю».

Трэя никогда не сомневалась в этой догме, в которой, возможно, и присутствовала доля истины. Но даже если бы нам удалось перенестись на Землю, это оказалось бы не решением проблемы, а новой проблемой. Ведь Земля, судя по всему, уже перестала быть обитаемой планетой.

Частично я поделилась этими мыслями с Турком. Он в ответ спросил, в своем ли уме жители Вокса, раз верят в такое. Я почувствовала, какое оскорбление наносит такая реакция призраку Трэи.

— В своем ли они уме? Это смотря с чем сравнивать. Вокс существует как функционирующее общество уже сотни лет. У него за плечами уйма сражений. Это лимбическая демократия, регулируемая Сетью, и все, что относится к гипотетикам и к представлениям о старой доброй Земле, за-

писано в ее кодексе. Я не удивлюсь, если это частично окажется правдой.

— Но у Вокса есть враги, — резонно заметил Турк, — которые решились даже на то, чтобы его разбомбить.

— Они бы уже нас прикончили, если бы у них оставалось хоть что-то, что можно на нас сбросить.

— Значит, мы так или иначе все же проскользнем под Аркой?

— Существует две возможности, — сказала ему я. — Если ничего не получится, мы окажемся беззащитными и станем дрейфовать в экваториальном океане. Тогда, скорее всего, бионормативы вторгнутся и оккупируют нас, если сумеют объединиться.

— А если нам удастся попасть на Землю?

— Об этом можно только гадать. Когда Арка перестала действовать, Земля еще оставалась обитаемой, только с тех пор минула уже примерно тысяча лет. Океаны становились все более безжизненными, катастрофически разросшиеся колонии бактерий отравляли воздух сероводородом. Надо готовиться к тому, что атмосфера там стала непригодной для дыхания и смертельной для любого незащищенного живого существа.

Так что даже если мы туда попадем, лучше будет не высовываться наружу.

— Где же нам искать защиты?

— Единственное по-настоящему безопасное место — Вокс-Кор. Там возможна полная герметичность и замкнутый цикл снабжения воздухом. Фермеры туда и направляются. При поломке Сети и других систем находиться на мелких островах опасно. Вот они и спешат оказаться внутри стен до Перехода. Только в Коре нет места для всех коммун Архипелага. Фермерам, чтобы попасть туда, придется сражаться.

4

После очередного дневного перехода фермерское ополчение устроило привал на ночь. Чой Диггер откинул задний борт повозки, поставил на ее дно две миски с зеленым месивом и развязал нам руки, чтобы мы могли поесть. Турк впервые задень выпрямился в полный рост и стал разминать суставы, тереть запястья. Потом припал к высокому борту повозки и стал вертеть головой, чтобы оглядеться. Так он впервые увидел Вокс-Кор.

Мне было забавно наблюдать за выражением на его лице — смесью восхищения и страха.

Большая часть Вокс-Кора находилась под землей, но и то, что было наверху, производило сильное впечатление. Фермеры устроили привал на склоне невысокого холма, и Вокс-Кор выглядел отсюда как шкатулка с драгоценностями, оброненная расточительным божеством. Собственно шкатулкой были оборонительные стены высотой в полмили, а ее бесценным содержимым — сотни сохранившихся многогранных башен, служивших пунктами связи и передачи энергии, улавливающие свет панели, посадочные площадки для летательных аппаратов, жилые корпуса. Турку все это могло показаться слишком уж цветастым, но я-то знала (поскольку это знала Трэя), что каждый материал и каждая поверхность служат здесь определенной цели: черные фасады поглощали тепло, белые излучали, сине-зеленые панели производили фотосинтез, рубиново-красные и дымчато-синие окна блокировали или, наоборот, усиливали световые волны. В лучах заходящего солнца представшая картина производила мягкое, успокаивающее впечатление.

Значительная часть всего этого великолепия осталась нетронутой. Во мне, оказывается, сохранилось достаточно от Трэи, чтобы скорбеть по его другой, погубленной части.

Почти четверть города в правой его части лежала в руинах. Это было очень скверно, поскольку именно под ней располагалась жизненно важная инфраструктура Вокс- Кора. Благодаря комплексной взаимосвязи всех структур Вокс в прошлом выдерживал сильнейшие удары, не утрачивая работоспособности. Но даже самая децентрализованная сеть даст сбой, если утратит значительную долю проходимости, а именно это и произошло, видимо, когда нашу оборону сокрушил ядерный удар. Похоже, что мозг Вокса постиг сильнейший апоплексический удар, и повреждения оказались так обширны, что весь организм утратил способность нормально функционировать. Эпицентр катастрофы все еще был окутан дымом. В стене города зияла огромная дыра, в которую устремились бы силы фермеров, если бы не завал из все еще дымящихся радиоактивных обломков.

Трэя прожила в этом городе всю жизнь, и ее потрясение передалось мне, так что на глаза даже навернулись слезы.

Турк, убедившись, что Чой Диггер отошел достаточно далеко и не сможет нас слышать, попросил:

— Расскажи о тех, кто все это натворил.

— Построил город или сбросил бомбу?

— Сбросил бомбу.

— Это альянс кортикальных демократий и бионормативов-радикалов. Они решили во что бы то ни стало не дать нам пересечь Арку. Боятся, как бы мы не навлекли беду, не привлекли внимание гипотетиков.

— По-твоему, это могло бы случиться?

Трэя вести такую беседу не стала бы. Как истинная гражданка Вокса, она была слепо уверена благосклонности гипотетиков и в возможности установить контакт с ними. Но, будучи Эллисон, я могла позволить себе сомневаться в этом.

— Пока не знаю, — сказала я.

— Рано или поздно нам придется выбрать, на чьей мы стороне.

«Выбрать» — какая роскошь!

Но пока что это был беспредметный разговор. Мы съели месиво горохового цвета из мисок и привстали, чтобы напоследок изучить окрестности, прежде чем Чой Диггер снова свяжет нас на сон грядущий. Небо потемнело, и верхушка Арки серебрилась чуть не над нашими головами. Вокс-Кор наполнился густыми тенями.

Для меня самым грустным было именно это — погружение Вокс-Кора в темноту. Всю мою жизнь

(то есть всю жизнь Трэи) это был город света. Свет сиял из него, как из бездонного решета, он был его сердцебиением. И вот он погас, не осталось даже маленького проблеска.

Если фермеры решатся атаковать, то ждать их атаки придется недолго. Пока что нам оставалось только таращиться на небо и снова убеждаться, что, судя по нахождению Арки в зените, мы достигли критического момента для перехода. Архипелаг Вокс был так велик, что частично мог уже миновать разделительную черту. Хотя это не имело значения: Вокс преодолеет Арку сразу, целиком, или не преодолеет ее совсем. Уже много столетий назад было ясно, что любая Арка больше похожа на разумный фильтр, чем на дверь. Раньше, когда эта Арка еще функционировала, она была способна отличить летящую птицу от плывущей лодки: лодку она перемещала с Земли на Экваторию, а птицу оставляла, что не так просто. Арка должна была обладать умением опознавать людей и продукты их труда и игнорировать другие бессчетные живые существа, обитавшие в обоих мирах (или населявшие их прежде). Иначе говоря, переход через Арку не был механическим процессом. Арка смотрела на тебя, оценивала и принимала или отвергала.

Старая добрая Земля останется для нас недосягаемой — такой исход был наиболее вероятным. Но меня больше пугала другая возможность. Еще до того, как Арка перестала функционировать, Земля претерпела такие изменения, что Турк ее просто не узнал бы. Последние беженцы из полярных городов живописали катастрофические сдвиги океанских побережий, бьющие из глубин мертвых вод фонтаны сероводорода, внезапные провалы в преисподнюю обширных участков суши…

Я закрыла глаза и погрузилась в то полубессознательное состояние, которое заменяет сон при крайней усталости, голоде или боли. Время от времени я открывала глаза и видела Турка, лежавшего в темноте со связанными за спиной руками. В нем не было ничего от того эмиссара гипотетиков, которого рисовало воображение Трэи. Он выглядел именно тем, кем был, — неприкаянным скитальцем, уже немолодым и смертельно изможденным.

Ему, наверное, что-то снилось, потому что время от времени он стонал.

Наверное, мне тоже что-то снились.

В следующий раз я очнулась беспросветной ночью из- за громкого резкого звука, вспоровшего

темноту, как острый кинжал. Это был какой-то свист и вой, нескончаемый и бесчеловечный, но откуда-то мне знакомый… Спросонья я не сумела опознать этот истошный звук, а когда все-таки опознала, то почувствовала то, чего, казалось, уже давно лишилась: надежду.

Я лягнула Турка, чтобы его разбудить. Он открыл глаза, заморгал, кое-как сел.

— Слышишь? — сказала я ему. — Знаешь, что это? Это сирена тревоги, Турк, она призывает: «Все в убежище!» — Я постаралась как можно адекватнее перевести вокское понятие на древнеанглийский: — Воздушная тревога, будь она неладна!

Нестерпимый вой раздавался с самых высоких башен Вокс-Кора. Этот сигнал предупреждал о нападении врага. Смысл сигнала не мог измениться. А если Вокс-Кор мог включить сирену, это значило, что энергоснабжение хотя бы частично восстановлено.

Вокс-Кор жив!

— Ну и что? — промямлил Турк, еще борясь со сном.

— А то, что у нас есть шанс вырваться! — Я попыталась привстать и осмотреться. Вокс-Кор по-прежнему почти полностью тонул во тьме.

Но я не успела отчаяться, как с ближайшей башни ударил луч прожектора. Он скользнул по лишенному деревьев лугу и осветил фермеров, уже тушивших свои костры и хватавшихся за оружие. Луч прожектора недолго оставался в одиночестве: башня за башней, квартал за кварталом Вокс-Кор неумолимо восставал из тьмы, опоясываясь огнями. Аэродромы на крышах высотных зданий стали россыпями огоньков: там готовились к взлету несущие смерть боевые воздушные машины.

У меня пошла кругом голова. Я услышала собственный отчаянный крик: «Мы здесь! Сюда!» Может, из меня вырвалось не буквально это, но какая-то похожая дурь. Гражданственный пыл Трэи бурлил и рвался из моей глотки.

А потом мы попали под смертоносный огненный град, косивший фермеров одного за другим.

Глава 5
САНДРА И БОУЗ

Сандра отметила в журнале два часа предстоящего отсутствия, присоединив к обеденному перерыву лишний час, который раньше хотела посвятить очередной беседе с Оррином Матером. Ресторанчик, где она назначила встречу Боузу, был забит продавцами из магазина ковров на другой стороне автострады, но она выбрала столик подальше от столпотворения, за пластмассовым фикусом — каким-никаким поглотителем шума. Здесь как будто можно было спокойно побеседовать. Боуз, появившись, одобрительно кивнул.

Он был в цивильной одежде и в таком виде понравился Сандре больше: ему шли джинсы и белая рубашка, делавшая его еще смуглее. Она осведомилась, на работе он сегодня или у него выходной.

— На работе. Но я не всегда ношу форму. Я ведь из отдела расследования грабежей и убийств.

— Ух ты!

— Это не так романтично, как кажется. После Спина у нас прошла серьезная реорганизация.

Отделы расформировывали и снова создавали, прямо как из деталей «лего». Я не детектив, а так, занимаюсь рутинной работой. И вообще новый человек в дивизионе.

— Но что вас связывает с Оррином Матером?

Он нахмурился.

— Сейчас объясню. Но сначала я бы хотел обсудить текст.

— Я заметила, что вы избегаете называть это «текстом Оррина». Не верите, значит, что он это сам написал?

— Я этого не говорил.

— Иными словами, хотите сначала услышать мое мнение, а уже потом поделиться своим. Ну что ж, начнем с самого очевидного. Вы прислали мне приключенческую повесть, действие которой разворачивается в будущем. Язык, которым она написана, резко отличается от речи Оррина. Сюжет повести не больно изобретательный, но нюансы человеческого поведения, которые в ней описаны, достаточно сложны и не похожи на то, что успел проявить за наше недолгое общение Оррин. Может быть, орфография текста подверглась исправлению, а если нет, то грамматика и синтаксис сильно отличаются от стиля речи Оррина.

Боуз кивнул, соглашаясь с этим.

— Но с заключением вы все-таки не спешите?

Подумав, она ответила:

— В общем-то, да.

— Почему?

— По двум причинам. Одна из них побочная. То, что автор — не Оррин, как будто очевидно, но тогда непонятно, зачем он так осторожничает, и ***для*** чего вам мое мнение… Вторая причина — профессиональная. У меня есть опыт общения с множеством людей, страдающих всякими психическими отклонениями, и я научилась не доверять первым впечатлениям. Бывают пленительные психопаты и очень разумные параноики. Поведение Оррина может быть напускным, возможно даже, что это сознательный обман. Вдруг он хочет, чтобы мы принимали его за дурачка, тогда как он вовсе не дурачок?

Загадочный взгляд, которым на нее смотрел Боуз, и его неуместная улыбка ее смутили.

— Хорошо, даже отлично! А сам текст? Что о нем скажете?

— Я не изображаю из себя литературного критика. Но если считать этот текст сочинением пациента, то нельзя не обратить внимания на то, какое значение в нем придается индивидуально-

сти, особенно смешанной. Повествование ведут от первого лица двое, даже трое, ведь девушка никак не разберется, кто она на самом деле. Даже рассказчик-мужчина нарочито лишен прошлого. А тут еще гипотетики и возможность взаимодействия с ними… В реальной жизни утверждение человека, что он общался с гипотетиками, — первый признак шизофрении.

— То есть, если Оррин сам все это написал, то он, по-вашему, шизофреник?

— Ничего подобного! Я говорю, что на текст можно посмотреть и так, только и всего. На самом деле мое первое впечатление от Оррина — что его, скорее, можно отнести к аутистам. Это еще одна причина, почему я не исключаю, что автором может быть и он сам. Деятельные аутисты часто бывают красноречивыми и выразительными писателями, даже оставаясь совершенно неспособными к обшению с другими людьми.

— Что ж, — задумчиво проговорил Боуз, — неплохо, это может нам помочь.

Принесли заказ. Боуз выбрал ресторанный сандвич и жареную картошку. Салат, заказанный Сандрой, оказался таким неаппетитным, что она к нему почти не притронулась. Она ждала от Боуза чего-то более одобрительного, чем

«неплохо».

Он вытер с верхней губы каплю майонеза.

— Мне нравится то, что вы говорите. Звучит разумно. Я боялся, что вы заморочите меня психиатрическим жаргоном.

— Я рада, спасибо. Но услуга за услугу. Теперь ваша очередь.

— Для начала позвольте передать вам вот это. — Он подвинул через стол большой конверт. — Это очередной отрывок. Только теперь уже не расшифровка, а фотокопия оригинала. Читать труднее, зато очень выразительно.

Конверт был пугающе толстый. Не сказать, что Сандра не спешила его забирать — ее уже давно разбирало профессиональное любопытство. Но раздражало то, что Боуз никак не соберется высказать, чего он добивается от нее.

— Благодарю, но…

— Позже мы сможем побеседовать свободнее. Как насчет сегодняшнего вечера? У вас найдется время?

— Время у меня есть и сейчас. Я еще не доела свой салат.

— Штука в том, что за нами наблюдают, — произнес Боуз совсем тихо.

— Простите?..

— Видите женщину в отсеке за пластиковыми растениями?

Сандра покосилась в указанном направлении и чуть не расхохоталась.

— Господи! — Подражая ему, она перешла на шепот. — Это же Уотмор, медсестра из нашего приюта!

— Она вас выследила?

— Страшно назойливая особа, но в данном случае это, уверена, простое совпадение.

— Ну, не знаю, слишком уж ее заинтересовал наш разговор. — Он шутливо приложил ладонь к уху.

— Это в ее духе.

— Так, значит, да вечера?

С таким же успехом можно было бы пересесть за другой столик, подумала Сандра. Или попросту постараться говорить тише. Но она оставила эти предложения при себе, потому что перенос беседы на вечер мог быть просто предлогом, чтобы снова с ней увидеться. В общем, она гадала, как ей относиться к Боузу. Кто он ей — коллега, сотрудник, кандидат в друзья, а то и в любовники (как, несомненно, заподозрила несносная Уотмор)? Двусмысленное положение! И потому, наверное, увлекательное. Сандра не имела дела с мужчина-

ми с тех пор, как порвала с Энди Бьютоном, тоже работавшим врачом в приюте, но уволенным при прошлогоднем сокращении штатов. С тех пор она отдавала себя только работе, и эта работа ела ее поедом.

— Что ж, — протянула она, — тогда до вечера. — И, ободренная его улыбкой, добавила: — Но у меня в распоряжении остается еще целый час.

— Тогда давайте поболтаем о чем-нибудь еще.

И обернулось так, что о самих себе. Для начала оба рассказали истории своей жизни.

Боуз родился в Мумбай от неудачного брака своей матери с индийским инженером, строившим ветряные электростанции, и рос там до пятилетнего возраста. (Вот и объяснение, откуда у него специфический выговор и более галантные, чем у обычного техасца, манеры). Потом его привезли в Техас, где он закончил школу и, переняв у матери «активное неприятие несправедливости», поступил в полицейскую академию, когда в Хьюстоне проводился массовый набор в слуги закона. Непривычный для полицейского юмор, с которым он рассказывал о себе, поразил Сандру. Может, ей раньше попадались неправильные копы?

В свою очередь она попотчевала его сокращенной — и, если честно, тщательно отредактиро-

ванной — версией жизни Сандры Коул. Детство в Бостоне, учеба на врача, работа в приюте. Когда Боуз спросил, чем она руководствовалась при выборе профессии, она ответила: желанием помогать людям; ни слова о самоубийстве отца и о судьбе Кайла, брата.

За кофе разговор понемногу съехал на общие места, и, покидая ресторан, Сандра ломала голову, как ей ко всему этому относиться: как к профессиональному сотрудничеству или как к знакомству с мужчиной? Она пока не решила, чего бы ей самой больше хотелось. Боуз показался ей, на первый взгляд, привлекательным. И не только из-за голубых глаз и смуглой кожи. На нее действовала его манера говорить: казалось, слова рождаются в каком-то спокойном, разумном, счастливом месте где-то глубоко у него внутри. Он как будто тоже ею заинтересовался — или это ее выдумки? А главное, нужно ли ей это?

Чего уж точно хотелось бы избежать, так это сплетен, которые непременно поползут среди сотрудников приюта. Сестра Уотмор поспешила обратно на службу и, как видно, уже успела всем сообщить, что Сандра обедает с копом. Медсестры в приемном отделении встретили ее понимающими взглядами и улыбочками. Не повезло. Но

Уотмор — это стихия, ее так же не остановить, как морской прилив.

Но приливная волна, как известно, приходит и уходит. Сандра знала, что сама Уотмор, вдова сорока четырех лет, спала с тремя из четырех бывших вахтеров отделения. «Эта женщина живет в стеклянном доме и не следует ей кидаться камнями, — сказала Сандре одна из медсестер в кафетерии для персонала. — Не она ли совсем недавно рассталась с доктором Конгривом?»

Сандра заспешила к себе в кабинет и заперлась там. Ее ждали два личных дела. Кинув на них виноватый взгляд, она отодвинула папки. Место на столе заняли полученные от Боуза страницы, исписанные убористым почерком. Она приступила к чтению.

* * *

На вечернюю встречу с Боузом она явилась, переполненная новыми вопросами. В этот раз ресторан выбирал Боуз: ему приглянулся паб в английском стиле, где подавали пастуший пирог и пиво «Гиннесс», а столы были застелены зелеными бумажными скатертями, украшенными изображениями арф. Он пришел раньше ее и приготовил сюрприз: за столом с ним сидела

незнакомая женщина.

На женщине было синенькое платье в цветочек, не самое свежее и нуждавшееся в починке. Худая на грани изможденности, нервная, злющая. Сандру она встретила враждебным взглядом.

Боуз поспешно встал.

— Сандра, познакомьтесь. Это Эриел Матер, сестра Оррина.

Глава 6
ИСТОРИЯ ТУРКА ФАЙНДЛИ

1

Пока я находился в плену, у меня бывали такие моменты, что я уже не знал, чего мне больше хочется — жить или умереть. Если в моей прежней жизни, — от непростительного поступка, который вынудил меня много лет назад покинуть Хьюстон, до пробуждения в экваториальной пустыне, — существовал какой-то смысл, то теперь его было не разглядеть. И вдруг во мне проснулось безумное желание жить, какая-то звериная жажда жизни. Глядя, как воздушные силы Вокса поливают огнем бунтарей-фермеров, я думал только об одном: как бы мне очутиться в безопасном месте.

2

Из повозки на склоне холма мы наблюдали, как открытая равнина вокруг Вокс-Кора превращается в арену апокалипсиса. Полчища фермеров начали отступать сразу же, как зазвучали си-

рены. При виде приближающейся воздушной армады они побросали свое самодельное оружие и рассыпались по равнине, но летательные аппараты Вокса пикировали на разбегающуюся толпу, как хищные птицы. Они применяли неизвестное мне оружие — стремительно катившиеся по земле огненные валы. Они исчезали в одно мгновение, как летние молнии на небе, но на их месте оставалась выжженная дотла почва и горы обугленных трупов. Сопровождалась эта бойня каким-то подземным гулом, отдававшимся в моей грудной клетке. И все это — под непрекращающийся похоронный вой сирен.

На короткое время у меня возникло ощущение, что здесь, на холме, самое безопасное сейчас место. Одна из боевых машин пролетела буквально над нами, словно изучая нас. До нас донесся запах дыма и горелой плоти. Наша охрана разбежалась, ища спасения в чаще. Остался один Чой Диггер, который, казалось, был парализован. Поймав его взгляд, я понял, что он ни жив ни мертв от страха. Я вытянул перед собой связанные руки в надежде, что он сможет понять мой жест: «Не оставляй нас связанными, как свиней на бойне!» Эллисон добавила несколько слов по-вокски, едва слышных в окружающем грохоте.

Но Чой Диггер отвернулся от нас.

— Развяжи нас, трусливая скотина! — заорал ***я,*** Он, конечно, не понимал по-английски, но все-таки оглянулся, борясь со страхом. Потом откинул щеколду, рассек на нас веревки ножом, с которым не расставался: первый взмах освободил Эллисон, второй меня. У меня оказалось распоротое запястье, но я тут же об этом забыл и чуть не прослезился от приступа признательности.

Эллисон сказала что-то по-вокски — наверное, благодарила. Я не понял ответ фермера, но смысл уловил: проваливайте ко всем чертям!

Тем временем смертоубийство на равнине было в самом разгаре, оттуда доносился тошнотворный запах горелого человеческого мяса. Чой Диггер хотел было пуститься следом за своими соплеменниками, искавшими спасения в лесу, но тень, внезапно заслонившая огни Вокс-Кора, снова заставила его замереть на месте. Низко над ним завис один из вокских аппаратов. В глаза ударила волна нестерпимо яркого света, барабанные перепонки едва не лопнули от обрушившегося на нас с небес голоса.

— Не двигайся! — перевела мне Эллисон, схватив меня за руку. — Замри!

* * *

Нас спасла одежда — потные, заляпанные кровью, изодранные желтые робы.

Сеть опять заработала, и будь лимбический имплантат Эллисон в сохранности, он бы оповестил вооруженные силы Бокса о нашем присутствии. Но фермеры уничтожили ее «узел», а у меня его отродясь не было, поэтому мы с ней были неотличимы от остальных, обреченных на истребление.

Единственное, что позволило нас опознать, это одежда. На ней были миниатюрные передатчики радиочастот, позволившие идентифицировать нас, благодаря этому, как участников экваториан-ской спасательной экспедиции. Этого оказалось достаточно для нашего выживания. Летательный аппарат приземлился, открылся люк, выскочившие из него солдаты с оружием окружили нас и взяли на прицел.

Чой Диггер тоже оказался в окружении. Он как будто сообразил, что плен для него — единственный способ выжить. Поэтому он рухнул на колени и заложил руки за голову — поза, всем понятная на любом поле боя что десять тысяч лет тому назад, что двадцать. Эллисон сбивчиво

обратилась к солдатам, наставившим на нас оружие, то ли объясняя, то ли о чем-то прося.

Коротко посовещавшись, солдаты указали на свою боевую машину.

— Они доставят нас в Вокс-Кор, — сказала Эллисон с явным облегчением. — Они не уверены, что я говорю правду, но поняли, что мы не фермеры, а это главное.

Но столь же понятно было им и другое: что Чой Диггер — самый что ни на есть фермер. Один из солдат прицелился ему в голову.

— Я никуда не полечу, пока этот человек не уберет свое оружие от его головы, — сказал я. — Так им и передай.

Вокруг нас по-прежнему кипела бойня. Одним больше, одним меньше… Спасти Диггера Чоя могло только чудо. Но он ради нас рисковал жизнью, пусть даже без особого желания, и я отказывался стать свидетелем его казни.

Эллисон озадачено на меня глянула, но как будто верно уловила мое настроение и отрывисто перевела своим соплеменникам мои слова.

Солдат заколебался. Я подошел к фермеру, схватил его за руку и рывком поднял, чувствуя, как сильно он дрожит.

— Беги!

Эллисон перевела ему мой приказ. Повторять не пришлось: Чой Диггер припустил в сторону леса, еще не охваченного пламенем. Солдаты пожали плечами и не стали стрелять ему вслед.

Благодаря мне он пожил еще. Но только самую малость.

* * *

Летательный аппарат поднял нас над полем боя, перенес через городскую стену и опустил на крышу одной из башен. За время этого короткого полета солдатам Вокса, похоже, подтвердили, кто мы такие, и они, посовещавшись, стали обращаться со мной почтительнее, а с Эллисон заговорили сочувственным тоном. Еще до посадки мы получили свежую одежду — новенькие комбинезоны, на этот раз голубые. Один из солдат, наверное, фельдшер, мою кисть, случайно пораненную Чоем Диггером, разрезавшим на нас веревки, обработал каким-то бальзамом. Он же хотел было осмотреть рану на спине у Эллисон, оставшуюся после выдирания «узла», но она только фыркнула и отстранилась от него. Нам дали напиться воды — чистой, прохладной, божественной.

На крыше башни, куда мы опустились, свирепствовал ветер, но здесь, наверху, было не так жарко, как внизу, и я с наслаждением подставил ему лицо.

ствовал ветер. Солдаты отвели нас к огромному ангару, у входа в который Эллисон задержалась и о чем-то спросила наш конвой. Солдат, к которому был обращен вопрос, вытаращил глаза. Она повторила свой вопрос и получила короткий ответ. Обмен репликами стал походить на спор, и в конце концов солдат утвердительно кивнул — видно, чтобы отвязаться.

— Процесс перехода через Арку в самом разгаре, — сказала Эллисон мне. — Сеть оценивает время до завершения перехода, если все получится, примерно в двадцать минут. Я подожду здесь.

Я не понял зачем. Окажется ли Вокс на Земле, как будто никак не зависело от того, где мы проведем оставшееся время — здесь, на ветру, или ниже, в более комфортабельном месте.

— Мне все равно, — сказала она и добавила, понижая голос: — Я хочу это видеть. Я сказала им, что ты тоже хочешь этого. Мои желания им не важны, но ты — другое дело, ты — Посвященный.

Нас отвели на закрытый балкон под посадочной площадкой, и мы очутились высоко над городом — два угрюмых, измазанных кровью пугала, озирающих остров Вокс и мерцающее вдали под маленькой экваторианской луной

море. Поля, где гибли фермеры (к этому моменту все они уже, должно быть, были мертвы), окутывал дым, но ветер сносил его в сторону, и небо над нашими головами было ясным и звездным. Боевые машины кружились в нем, возвращаясь друг за другом на свои базы.

Эллисон заговорила с ближайшим к ней солдатом из нашего конвоя. Свои вопросы и его ответы она старательно переводила мне. Верит ли солдат, что Воксу удастся попасть на Землю? Да, он уверен в этом, пророчества рано или поздно сбываются; среди нас находятся Посвященные. А что стало с Посвященными, которых привезли в Вокс-Кор перед бомбардировкой города? Им не повезло, ответил солдат. Одна из ракет преодолела оборонительные рубежи Вокса и повредила жизненно важную инфраструктуру Вокс-Кора; и самое скверное — что Посвященные оказались слишком близко к эпицентру взрыва…

Для меня осталось неясным, сколько этих «Посвященных» сумели подобрать в экваториальной пустыне. Возможно, мальчишку-гибрида Айзека Двали, его мать, нескольких злополучных штатских, случившихся поблизости… Неужели они все погибли?

— Все, кроме одного, — перевела Эллисон.

— Кто этот один?

— Самый младший.

Значит, мальчишка, Айзек.

— Только у него тяжелые ранения, — добавила Эллисон. — Состояние критическое.

— Разве этого достаточно, чтобы привлечь внимание гипотетиков? Вы думаете, что они соизволят открыть закрытую Арку и перенести нас на Землю потому лишь, что опознают раненого молокососа и сбрендившего бывшего матроса?

На этот вопрос у нее ответа не было. Ответ пришел с неба, в виде яркой зеленой вспышки.

3

Экваторианский океан тонул в ночи, а на Земле был день.

Перемещение произошло так же внезапно и непостижимо просто, как и в первый раз на ржавом грузовом судне — с Суматры прямиком на Экваторию. Я ощутил некоторую тяжесть в теле — земное притяжение несколько превышает экваторианское, — но это было не более чем перегрузка в быстро поднимающемся лифте. Прочие перемены были более ощутимыми.

Все заливал тусклый дневной свет. Воздух разъедал глаза. Море вокруг Вокса до самого

горизонта было плоским и маслянистым, а небо имело неприятный зеленоватый оттенок.

— Боже, нет! — прошептала Эллисон.

Солдаты просто остолбенели.

— Яд! — простонала Эллисон. — Сплошная отрава кругом…

Сирены прекратили свой вой и смолкли. В наступившей тишине солдаты застыли, словно внимая недоступным мне голосам — возможно, это и происходило: у них в наушниках могли звучать инструкции Сети или их командиров.

Потом один из них что-то сказал, обращаясь к Эллисон.

— Нам всем приказано спускаться вниз, — перевела она мне. — Для нас больше не делают исключения. Сейчас произойдет герметизация города.

Перед уходом я в последний раз взглянул на поле за стеной. На выжженной земле лежали обугленные трупы фермеров, еще более страшные при угрюмом зеленом свете дня. Среди них ползали немногочисленные выжившие, но даже с такой высоты было видно, что они контужены и движутся без всякой цели. Я спросил у Эллисон, нельзя ли занести хотя бы немногих внутрь, в качестве пленных.

— Нет! — отрезала она.

— Но раз воздух отравлен…

— Скажи спасибо, что спасли НАС!

— Там несколько сот человек. По-твоему, это нормально — бросить их умирать?

Она решительно кивнула.

— Кто здесь у вас командует? Эти люди готовы взять на себя ответственность за такое преступление? У них что, совсем нет совести?

Она с любопытством покосилась на меня.

— Вокс — лимбическая демократия. Совесть здесь одна-единственная. Она зовется «Корифей», и Корифею наплевать, сколько фермеров умрет.

Глава 7
САНДРА И БОУЗ

— Познакомьтесь, это Сандра Коул, — начал Боуз. — Она врач Оррина в государственном приюте.

— Строго говоря, я уже не его врач… — поправила его Сандра, чувствуя, что угодила в западню. Эриел Матер полоснула ее, как ножом, острым взглядом, и она запнулась на полуслове. Голова Эриел, высокой и тощей, находилась на одном уровне с головой Сандры, хотя она сидела, а Сандра еще стояла. Рядом с Оррином его сестра тоже выглядела, наверное, смешной дылдой. У нее было такое же, как у брата, костлявое лицо и такие же искрящиеся карие глаза. Зато она была напрочь лишена его неуверенности, от ее взгляда ослепла бы даже кошка.

— Вы посадили моего брата под замок?

— Я бы так не сказала. Он проходит проверку на соответствие требованиям, предъявляемым к взрослым кандидатам на участие в программе опекунства штата Техас.

— С чем это едят? Он вправе удрать от вас?

Эту женщину устроит только прямой ответ. Сандра уселась и дала именно такой:

— Нет, такого права у него нет. По крайней мере, пока.

— Не беспокойтесь, Эриел, — вмешался Боуз, — Сандра на нашей стороне.

Какие еще «стороны»? Похоже, Сандру без ее ведома зачислили в чей-то лагерь…

Напуганный официант принес корзиночку с ролами и был таков.

— Я знаю одно, — заговорила Эриел. — Этот человек звонит мне и говорит, что Оррину на улице накостыляли по шее, а потом его же законопатили в каталажку. Выходит, в Техасе схлопотать промеж глаз — уже преступление!

— Его заключили под стражу для его же безопасности, — объяснил Боуз.

— Ну, под стражу, велика разница! Я хочу его забрать. Он мой младший братишка. Я пекусь о нем всю его жизнь и половину своей. Я приехала за ним. И что я узнаю? Что Оррин уже не в каталажке, а в каком-то приюте. Это вы там заправляете, доктор Коул?

Сандра помедлила, приводя в порядок мысли, и нарочито медленно намазала кусочек хлеба маслом под взглядом Эриел.

— Я — психиатр приемного отделения. Я работаю в приюте, это так. Когда полисмен Боуз доставил к нам Оррина, я первой с ним разговаривала. Вам известно, как в нашем штате функционирует попечительская система? Полагаю, не совсем так, как в Северной Каролине.

— Мистер Боуз говорит, что это типа тюряги для сдвинутых.

Сандра склонялась к тому, что мистер Боуз такого не говорил.

— Когда у нуждающихся, улиц без определенного места жительства и без средств к существованию возникают сложности с полицией, их могут передавать в приют штата, даже если они не совершали правонарушений, особенно в случаях, когда их, по мнению полиции, нельзя оставлять на улице, так как это подвергло бы их опасности. Приют — не каталажка. И не дурдом. Проверка занимает неделю. Мы определяем, нуждается ли поступивший в постоянном уходе и в опеке. По истечении недельного срока кандидат либо отпускается, либо получает статус зависимого.

Она сознательно употребляла слова, которые могли быть для Эриел непонятными, хуже того, это были термины из трехстраничной брошюры приюта, предназначенной для родственников

пациентов. С другой стороны, где было взять другие слова?

— Оррин не сумасшедший.

— Я сама проводила с ним собеседования и склонна с вами согласиться. В любом случае кандидата, не склонного к насилию, всегда можно отдать на попечение желающего этого родственника, располагающего средствами к существованию и легальным местом жительства.

Она с упреком посмотрела на Боуза — мог бы и сам объяснить все это заранее.

— Если вы можете подтвердить, что приходитесь Оррину сестрой, — годятся водительские права или карточка социального страхования, — если вы имеете работу и готовы подписать соответствующие документы, мы сможем отдать вам Оррина практически без промедления.

— Я уже говорил все это Эриел, — подал голос Боуз. — И даже звонил в приют, предлагал предоставить все полагающиеся документы. Но возникла проблема. Ваш начальник, доктор Конгрив, утверждает, что сегодня днем у Оррина случился приступ буйства. По словам Конгрива, он напал на санитара.

Сандра прищурилась.

— Серьезно? Я ни о каком приступе буйства не

слыхала. Если Оррин на кого-то напал, для меня это новость.

— Чушь собачья, вот что это такое! — рявкнула Эриел. — Вы говорили с Оррином совсем немного и то знаете, что это чушь. Оррин в жизни ни на кого не поднимал руку. Он и букашки не раздавит, не попросив у нее прощения.

— Возможно, это обвинение не соответствует действительности, — сказал Боуз, — но вопрос с освобождением осложняется.

Сандра все еще обдумывала услышанное.

— Честно говоря, насколько я могу судить, это не похоже на Оррина. — Но так ли хорошо она его знает после двух бесед? — Погодите, вы допускаете, что Конгрив лжет? Но зачем ему лгать?

— Чтобы не отпускать Оррина, — сказала Эриел.

— Да — но зачем? Нам и так недостает средств, а приют перегружен. Возвращение пациента в семью — оптимальный выход для всех. Как мне кажется, и Конгрива к нам взяли именно потому, что совет директоров решил, что он сумеет разгрузить наше заведение. («Не считаясь с моральными требованиями», — добавила она про себя.)

— А может, вы просто не знаете всего о том

месте, где работаете? — предположила Эриел.

Боуз кашлянул и сказал:

— Не забывайте, что Сандра здесь, чтобы помочь нам. Никто, кроме нее, не добьется, чтобы с Оррином поступили по справедливости.

— Я постараюсь побольше разузнать об этом инциденте. Не знаю, смогу ли помочь, но сделаю все от меня зависящее. Мисс Матер, вы не откажетесь ответить на кое-какие вопросы об Оррине? Чем больше я о нем буду знать, тем проще мне будет разобраться с его делом.

— Я все уже рассказала мистеру Боузу.

— Я бы попросила повторить то же самое мне, если не возражаете. Мой интерес к Оррину несколько отличается от интереса к нему полисмена Боуза. — (И даже очень сильно отличается! До Сандры только сейчас дошло, как сильно она недооценивала Джефферсона Эмрита Боуза.) — Оррин жил с вами?

— Да, пока не сел в автобус и не подался в Хьюстон.

— Вы его сестра. А что с вашими родителями?

— У нас с Оррином разные отцы, оба куда-то запропастились. Наша мать, Дэниела Матер, умерла, когда мне исполнилось шестнадцать лет. Она хорошо о нас заботилась, но и легко

забывала о своих обязанностях… Под конец она пристрастилась к наркотикам, встречалась с кем попало, понимаете? В итоге Оррин остался у меня на руках.

— Вам нелегко с ним пришлось?

— И да и нет. Не сказать, чтобы он требовал много внимания. Оррин отлично мог себя занять: листал книжки с картинками и все такое. Даже малышом почти совсем не плакал. Но в школе дела у него пошли худо, — когда мама отводила его туда, он плакал навзрыд, поэтому часто оставался дома. Еще у него были проблемы с едой: перед ним дважды в день ставили еду, а он к ней не притрагивался и ходил голодный. Вот каким он был.

— То есть отличался от других детей?

— Еще как отличался! Но не сказать, чтобы отставал в развитии, ни в коем случае. Он умел писать письма и читать слова. Ему бы хватило ума, чтобы прилежно вкалывать, если бы кто-нибудь предложил ему место. У нас в Рейли он работал ночным сторожем, здесь тоже, как сказал мне полисмен Боуз, пока его не уволили.

— Слышит ли Оррин голоса и видит ли то, чего на самом деле нет?

Эриел Матер сложила руки на груди и возму-

щенно фыркнула.

— Говорю вам, он не псих. Просто у него хорошее воображение. Это было заметно, еще когда он был мал: сочинял всякие небылицы про свои игрушки и всякое такое. Бывает, таращится на экран, а телек даже не включен, но ему интересно, словно там идет занятная передача. Или в небо смотрит, как там плывут облака. В дождливые и ветреные дни его было не оторвать от окна. Но, думаю, это еще не значит, что у него мозги набекрень.

— Я тоже так думаю.

— И что же теперь? Отоприте дверь, выпустите его — и дело с концом.

— Единственное, что я могу сделать, — если у меня получится, — это убедить моих коллег, что, окажись Оррин на улице, ему ничего не будет угрожать. То, что вы рассказали, может мне помочь в этом. Думаю, полисмен Боуз затем нас и познакомил. — При этом Сандра покосилась на Боуза. — Так вы говорите, Оррин никогда не был агрессивным?

— Какое там, чтобы избежать споров, он просто затыкал уши! Да он сама робость! Когда мать приводила домой мужчину, он очень переживал и прятался, особенно если возникали какие-нибудь

размолвки или неприятности.

— Простите меня за этот вопрос, но ваша мать поднимала на Оррина руку?

— Иногда у нее от наркоты ехала крыша, особенно под конец. Без скандалов не обходилось. Но больше по мелочам, ничего серьезного.

— Вы говорили, что Оррин любил рассказывать истории. Он их записывал? Вел дневник?

Вопрос, кажется, вызвал у Эриел удивление.

— Не припомню такого. Почерк у него аккуратный, но нельзя сказать, чтобы он много писал.

— Дома, когда он вернулся в Рейли, была у него подружка?

— Да нет, он стесняется женщин.

— Его это беспокоит, он переживает?

Эриел Матер только пожала плечами.

— Что ж, я признательна вам за терпение, Эриел. По- моему, Оррин не нуждается в опеке. Ваши ответы это только подтверждают. («Но при этом возникают новые вопросы», — мысленно оговорилась Сандра.)

— Вы сможете его отпустить?

— Это не так просто. Сначала предстоит разобраться с сегодняшними событиями, из-за которых доктор Конгрив решил, что Оррин расположен к насилию. Но я сделаю все возможное.

Сандру посетила новая мысль.

— Если позволите, еще один вопрос. Что заставило Оррина уехать из Рейли, и почему именно в Хьюстон?

Эриел заколебалась. Ее осанка при этом осталась прямой, как у кочерги. Словно чувство собственного достоинства у нее отдавало команду спинным позвонкам.

— Иногда на него что-то находит…

— В каком смысле?

— Ну, обычно Оррин кажется младше своих лет — наверное, вы это заметили. Но изредка на него накатывает, и тогда он уже не выглядит так молодо — смотрит сквозь вас так, что может показаться, будто он старше луны и звезд… Вроде как у него внутри завывает какой- то древний ветер, — так мамаша говорила, когда на него находила эта блажь.

— Это как-то связано с его отъездом в Хьюстон?

— Он тогда был как раз в таком состоянии. Не знаю толком, собирался он в Техас или еще куда. Ничего мне не сказал, просто забрал пятьсот долларов, которые я копила на новую машину — стащил их из ящика, пока я была на работе. Попросил нашу соседку, миссис Бостик, отвезти его на автобусную станцию. Уехал без вещей,

с одним старым блокнотом и ручкой — как та говорит. Она решила, что на станции у него с кем-то встреча, и Оррин не стал отнекиваться. Когда она его высадила, он, видать, купил билет и сел на междугородний автобус. Перед этим он несколько дней был сам не свой — ну, смирный такой, все глядел вдаль… — Эриел с сомнением посмотрела на Сандру. — Надеюсь, это не изменит ваше отношение к нему?

Усложнит, скорее, подумала Сандра, но решительно помотала головой: конечно, не изменит.

* * *

Эриел Матер приехала в город рано утром. Боуз помог ей поселиться в мотеле, потом она, не разбирая вещей, отправилась с ним в приют — с известным удручающим результатом. Теперь ее разбила усталость, и она сказала Боузу, что хочет выспаться.

— Спасибо за угощение, и вообще…

— Мне еще надо кое-что обсудить с Сандрой, — сказал Боуз и, попросив официанта вызвать для Эриел такси, продолжил: — Пока мы ждем, можно еще один вопрос?

— Спрашивайте.

— Оррин связывался с вами после того, как

приехал в Хьюстон?

— Разок позвонил, чтобы успокоить — мол, у него все в порядке. Я было набросилась на него за то, что он удрал, и он повесил трубку, я потом жалела, что не сдержалась, надо было взять себя в руки. Сколько на него ни ори, толку никогда не было. Спустя неделю получаю письмо: дескать, получил работу, надеюсь, ты не сердишься… Я бы ответила, но он не написал обратного адреса.

— Он сообщил, что у него за работа?

— Не припомню такого.

— Не на складе? Не упоминал про некоего Файндли?

— Нет, сэр. А что?

— Так, ничего. Еще раз спасибо, Эриел.

Боуз пообещал ей позвонить завтра и сообщить, как идут дела. Она встала и пересекла ресторан с гордо задранным подбородком.

— Ну, что? — обратился Боуз к Сандре. — Какое у вас мнение?

Сандра покачала головой.

— Ничего не получится. Вы ничего от меня не добьетесь, пока сами не ответите на пару-тройку вопросов.

— Справедливо. Кстати, мне еще надо добраться до дому — сюда я приехал с Эриел на такси. Не

подбросите?

— Пожалуй. Только не вздумайте вешать мне лапшу на уши, иначе высажу вас на пол пути, даю слово!

* * *

Как оказалось, Боуз жил в новом квартале на западе города, и чтобы туда добраться, Сандре пришлось сделать изрядный крюк, но она не роптала: зато было время собраться с мыслями. Боуз спокойно сидел рядом с ней, положив руки на колени, и наблюдал, как она перестраивается на загруженной дороге с полосы на полосу. Вечер был изнуряюще жаркий, но к этому пора было уже привыкнуть. Кондиционер в машине трудился на пределе возможностей.

— То, что вы делаете, явно выходит за рамки стандартной полицейской процедуры, — нарушила она молчание. То есть?

— Я не специалист. Но ваш интерес к Оррину кажется мне необычным с того момента, как вы доставили его в приют. Я видела, как вы дали Эриел деньги на такси — а как же чек? И разве вы не должны были допрашивать ее там, у себя?

— Где?

— В полицейском участке. Судя по кино, поли-

цейские всегда…

— Так то в кино.

Она почувствовала, что краснеет, но не унялась.

— Если бы только это! Мы в приюте каждый день имеем дело с лицами, доставляемыми полицией. Многие из них гораздо менее сговорчивы, чем Оррин, и многие так же напутаны и беззащитны. Профессиональный долг требует от меня одинакового отношения к ним всем. А для полицейских, которые их нам сдают, это скучная необходимость, и они торопятся вон, облегченно переводя дух. И совершенно не интересуются теми, кого сдали. Ни один коп не станет наводить справки о ком-то из них, если его не заставят. Но вы — другое дело. Похоже, что Оррин вам небезразличен. Так что сначала объясните мне, чем это вызвано, а потом мы вернемся к теме сочинений Оррина и моего мнения об его сестре. Выкладывайте, в чем состоит ваш интерес.

— Что, если он просто мне приглянулся? Или мне показалось, что у него серьезные неприятности?

— Неприятности с кем?

— Толком не знаю. И если не до конца откровенен, то только потому, что не хочу, чтобы и вам

грозили неприятности.

— Ценю ваше благородство, но я уже увязла в этой истории.

— Если мы наделаем ошибок, то под угрозой может оказаться ваша работа.

Сандра неожиданно рассмеялась.

— За последний год дня не было, чтобы я сама не мечтала об увольнении. Забросала своим резюме все больницы страны.

Это соответствовало действительности.

— Нашлось для вас местечко?

— Пока еще нет.

— Боуз вгляделся в мерцающую темноту за лобовым стеклом.

Если честно, то вы угадали: это не обычная полицейская работа.

* * *

Во время Спина службам правопорядка и безопасности по всему миру пришлось нелегко, особенно при устрашающем финале, когда в ночном небе снова зажглись звезды, а солнце, состарившееся за последнее пятилетие на добрых четыре миллиарда лет, пересекло зенит, как кровоточащий символ апокалипсиса. Все это сильно походило на конец света. Множество

сотрудников полиции, пренебрегая своим долгом, бросили службу, чтобы провести последние часы с родными. А когда выяснилось, что конец света откладывается, что гипотетики отфильтруют достигающее Земли излучение и понизят до приемлемого уровня, дав планете еще один шанс, многие из этих дезертиров так и не вышли на работу. Жизнь изменилась неузнаваемо и непоправимо, невзирая на всеобщую амнистию.

Пришлось нанимать новичков, зачастую почти без всякой квалификации. Боуз поступил на службу в полицию двумя десятилетиями позже, когда многие из этих случайных людей уже заняли командные посты. Полицию Хьюстона раздирали конфликты, шла война поколений. Карьера Боуза поэтому двигалась с черепашьей скоростью.

Он объяснил Сандре, что все дело в неискоренимой коррупции, развившейся за годы, когда процветал порок, а добродетель подвергалась осмеянию. Нахлынувшая волна экваторианской нефти все только усугубила. С виду Хьюстон казался довольно-таки пристойным городом: полиции города удавалось держать закрытой крышку на кастрюле, где варились посягательства на собственность и тьма насильственных

преступлений. И даже если под глянцевой наружностью протекала река незаконной торговли и отмывания денег, то задачей полицейского управления было сделать так, чтобы это не привлекало излишнего внимания.

Боуз старался держаться подальше от темной стороны своего ремесла. Он добровольно взваливал на себя рутинную работу, лишь бы не нарываться на сомнительные поручения, и, бывало, отклонял предложения продвинуться по службе. Этим он заработал репутацию лишенного воображения сотрудника, если не глупца. Но поскольку он никогда и ни в чем не обвинял своих коллег, его считали полезным работником, уделяющим внимание мелочам и тем самым позволяющим более корыстным сослуживцам набивать карманы.

— Не желаете пачкаться? — сделала вывод Сандра, постаравшись не показать, что ей пришелся по душе автопортрет Боуза.

— Насколько получается. Я тоже не святой.

— Почему бы вам не обратиться к вышестоящему начальству и изобличить коррупционеров?

Он улыбнулся.

— Простите, это не для меня. В этом городе деньги и власть — друзья не разлей вода. Вы-

сокое начальство гребет больше остальных… На ближайшем перекрестке сверните направо, мой дом — второй слева после светофора. Хотите услышать продолжение — милости прошу в гости. Больших развлечений не обещаю, разве что бутылочка вина… — Оказывается, он умел быть застенчивым. — Конечно, если вам интересно.

Интересно, еще как! И дело было не только в любопытстве. Вернее, ее любопытство не ограничивалось историей Оррина Матера и продажностью хьюстонской полиции. Ей был все более любопытен сам Джефферсон Боуз.

* * *

Назвать его знатоком вина не поворачивался язык. Он принес пыльную бутылку не самого лучшего «Шираза» — скорее всего, чей-то подарок, залежавшийся в кухонном шкафу. Сандра высказалась в пользу пива, благо что его холодильник был забит «Короной».

Жилище Боуза было прилично обставлено и относительно ухожено — уборка явно была недавней, хотя, кажется, проводилась без особенного рвения. Квартира находилась на третьем этаже, но из ее окон открывался неплохой вид на небоскребы Хьюстона — все эти безвкусные башни,

выросшие после Спина, бесконечные соты окон, перемежающиеся черными провалами тьмы.

— Деньги порождают коррупцию, — рассуждал Боуз, вручая ей холодную запотевшую бутылочку и опускаясь напротив нее в видавшее виды кресло. — Деньги и кое- что еще, что ценнее денег.

— Это что же?

— Жизнь. Долголетие.

Он имел в виду торговлю марсианскими лекарственными средствами.

Соседкой Сандры по комнате в кампусе медицинского факультета была одна девушка, учившаяся в магистратуре на биохимика и проявлявшая чрезвычайный интерес к марсианским средствам продления жизни, доставленным на Землю Ван Нго Веном. Она подозревала, что их живительное действие вызвано неврологическими модификациями марсиан, однако правительство не соглашалось на проведение анализов. Препараты сочли слишком опасными для широкой продажи, и соседка Сандры сделала хорошую, но вполне обыкновенную карьеру, хотя интуиция относительно марсианских снадобий ее не подвела. Все они в конце концов очутились на черном рынке.

Марсиане считали, что с продлением жизни

обретается мудрость и некие моральные обязательства, и синтезировали свои препараты соответствующим образом. Знаменитая «четвертая стадия жизни», зрелость после зрелости, изменяла сознание: агрессивность снижалась, сочувствия к другим, наоборот, становилось больше. Сандра считала это неплохой идеей, но не видела шансов на ее коммерческий успех. Умельцы черного рынка сумели отпереть «замок» биохимической комбинации и создали более успешный продукт. Теперь обладатель больших денег и нужных связей мог прикупить себе двадцать-трид- цать лет жизни, не испытывая при этом ненужного прилива человеколюбия.

Все это, ясное дело, было совершенно незаконно, но очень прибыльно. Всего неделю назад ФБР накрыло дилерскую сеть во Флориде, в Бока-Ратоне, прокручивавшую за год больше наличности, чем пятьдесят самых крупных в мире корпораций, — и это была всего лишь часть рынка. Боуз прав: в конце концов почему бы не воспользоваться готовностью кое-кого выкладывать за продление жизни головокружительные суммы?

— Снадобье долголетия — непростая штука, — продолжил Боуз. — Это и молекула, и целый

организм. Требуется запас генетического материала, производительный биореактор, много различных чистых химикатов и катализаторов. Понятно, что приходится платить кое- кому за согласие отвернуться.

— В том числе чинам из хьюстонской полиции?

— Вполне логичное умозаключение.

— Вы располагаете информацией?

Он пожал плечами.

— Но ведь у вас есть, куда обратиться, не знаю, хотя бы в ФБР или в управление по борьбе с наркотиками…

— Уверен, федеральным органам сейчас не до этого.

— Допустим. — Сандра вздохнула. — Но как все это связано с Оррином Матером?

— Дело не в нем самом, а в том месте, где он работал. Как только он вылез из автобуса, его нанял некий Файндли, владелец склада — перевалочного пункта для всякой пластмассовой дешевки из Турции, Ливана, Сирии… Большинство его работников это иммигранты без документов… Он не спрашивает их номеров социального страхования и платит наличными. Оррин делал у него то, к чему привык — таскал и грузил. Файндли

он показался необычным работником, поскольку являлся на работу вовремя и трезвым, проявлял толковость при выполнении поручений и никогда ни на что не жаловался, не искал местечко получше, если ему вовремя платить. Со временем Файндли перевел его в ночные сторожа. С полуночи до рассвета Оррин сидел взаперти на складе с телефоном и совершал обход по графику. Заметив что-то неожиданное, он обязан был позвонить по определенному номеру — вот и все обязанности.

— По определенному номеру? Не в полицию?

— Какая полиция! Через этот склад проходили не только штампованные игрушки и кухонные изделия из пластмассы, но и специфические химикаты, предназначенные для черного рынка.

— Оррин знал что-то об этом?

— Пока неясно. Возможно, он что-то заподозрил. Во всяком случае, пару месяцев назад Файндли его уволил — возможно, потому что Оррин слишком близко познакомился с характером его деятельности. Некоторые незаконные партии товара поступали на склад на считанные часы, за ними быстро приезжали. Оррин мог увидеть кое-что, не предназначенное для его глаз. Увольнение стало для него ударом — думаю, он отнесся к этому как к наказанию за какой-то проступок.

— Он вам об этом говорил?

— Немного и нехотя. Он, дескать, не сделал ничего плохого и мог бы поработать еще…

Сандра попросила у Боуза еще пива, чтобы было время пораскинуть мозгами. Только что услышанное еще больше ее запутало, и она решила сосредоточиться на том, в чем хорошо разбиралась и на что могла повлиять: на обследовании Оррина в приюте.

Боуз принес новую бутылку, она взяла ее, но тут же поставила на столик, весь в пятнах от бутылок, стоявших на нем раньше. Ему нужна новая мебель, мелькнуло у нее в голове. Или хотя бы набор подставок…

— Вы считаете, что Оррин мог располагать информацией, опасной для преступников-контрабандистов?

Боуз кивнул.

— Это не имело бы последствий, если бы Оррин был просто одним из бродяг, ненадолго нанимавшихся на склад Файндли. Он бы уехал отсюда, нашел другую работу, убрался с глаз долой, примкнув к другим нищим бедолагам. Но он опять всплыл, когда попал к нам. Хуже того, когда его спросили, где и когда он работал, он рассказал о шести месяцах, проведенных на складе. От на-

званных им имен некоторые забеспокоились.

— Чего именно боятся контрабандисты? Что Оррин разболтает их секреты?

— Я же говорю, федеральные агентства слишком заняты, чтобы обращать внимание на коррупцию в полиции Хьюстона. Но следствие по делу сетей, торгующих средством долголетия, идет своим чередом. Для Файндли и для тех, на кого он работает, Оррин стал нежелательный свидетелем с момента появления его имени и истории в нашей базе данных. Улавливаете суть?

Сандра кивнула.

— Состояние его психики…

— Вот-вот. Если Оррина поместят в приют, то это будет равносильно официальному признанию его недееспособности. Тогда любым его показаниям будет грош цена.

— И потому мое заключение о нем имеет такую важность… — Она отхлебнула пива. Вообще-то она редко пила пиво, потому что его вкус был для нее сродни запаху грязных носков. Но сейчас холодная мага была как раз тем, что ей требовалось, как и состояние легкого опьянения. — Только я им больше не занимаюсь. Ничем не могу ему помочь.

— Помощи от вас я не жду. Наверное, не надо

было вам все это рассказывать, но вы правы, услуга за услугу. Меня интересует ваше мнение о записях Оррина.

— Думаете, это какие-то зашифрованные показания?

— Честно вам говорю, я не знаю, что это такое. И хотя там упоминается про склад, я…

— Упоминается?

— Да, в той части, которую вы еще не читали. Но вряд ли суд согласился бы принять такие показания. Так что у меня это просто… — Он поискал правильное слово. — Назовем это профессиональным любопытством.

Называй, как хочешь, подумала Сандра, всей правды от тебя все равно не дождешься.

— Послушайте, Боуз, я видела, как вы себя вели, когда привели его к нам. Это было не простое любопытство. Он вам был по-настоящему небезразличен, по-человечески, что ли…

— К тому моменту я успел лучше с ним познакомиться. Бедняге досталось незаслуженно. Он такой… В общем, вы сами знаете, какой он.

— Уязвимый. Сама невинность.

Хотя то же самое можно было сказать о многих, с кем Сандра имела дело, ничего оригинального. И все же…

— Он действительно производит странное, подкупающее впечатление.

Боуз кивнул.

— Помните, что сказала его сестра? Про какой-то ветер у него в голове… Не совсем уверен, что она имела в виду, но очень похоже на правду.

* * *

Сандра не смогла бы ответить, когда именно она решила остаться на ночь. Скорее всего, решение пришло поэтапно. В ее небогатой интимной истории обычно это походило на медленное скольжение, в котором играли роль не слова, а действия: встреча глаз, первое прикосновение (она сама первой накрыла ладонью пальцы Боуза, подчеркивая какую-то свою мысль), то, как он сел с ней рядом, бедро к бедру, как будто они были знакомы уже лет сто. Странно, пронеслось у нее в голове, он словно давний добрый знакомый. Странно, но не переспать с ним превыше ее сил… все произошло само собой, и он оказался именно таким нежным любовником, как она надеялась. Она уснула с ним в обнимку.

Он встал так осторожно, что она не проснулась, но когда вернулся из ванной, она чуть разомкнула веки и сумела его разглядеть в янтарном свете

городских огней, проникавшем в окно спальни. Бледный, но внушительный шрам, который она нащупала раньше, тянулся у него от пупка наверх, взбирался, как горная тропа, на грудь и доходил до правого плеча.

Хотелось спросить, откуда у него шрам, но он, поймав ее взгляд, поспешно отвернулся.

Утром Боуз поджарил гренки и сварил кофе, хотя толком насладиться завтраком у обоих не было времени. Он сновал по кухне: растапливая в кастрюльке масло, взбалтывал яйца. Все его движения были уверенными, ей было приятно за ним наблюдать.

Ночью ее посетила мысль, которую она решила высказать сейчас.

— Ты не работаешь на федеральные службы, — начала она, — и вряд ли ты из хьюстонской полиции. Но и не сам по себе занимаешься этим делом — на кого-то ты все же работаешь. Я права?

— Все на кого-то работают.

— На какую-то неправительственную организацию? Благотворительный фонд? Детективное агентство?

— Думаю, пора это обсудить.

Глава 8
РАССКАЗ ЭЛЛИСОН

1

После переноса на Землю менеджеры поместили нас в соседние палаты, и мы проспали почти два дня кряду. При мне постоянно находилось несколько сиделок, которых всякий раз, просыпаясь, я спрашивала о Турке. Они твердили, что с ним все в порядке и что скоро я смогу с ним поговорить. Ничего больше я не могла от них добиться.

Мне, понятное дело, требовался отдых. Так приятно было просыпаться, спать и видеть сны, снова просыпаться, не боясь за свою жизнь. Конечно, рано или поздно должны были возникнуть проблемы, весьма серьезные проблемы. Но препараты, которыми меня пичкали, делали меня непробиваемо спокойной.

Мои раны оказались небольшими и быстро заживали. Вскоре я почувствовала себя отдохнувшей и ощутила голод и легкое беспокойство. Я спросила дежурного санитара, — большеглазого

парня с застывшей улыбкой, — нельзя ли мне полакомиться чем-нибудь посущественнее протеиновой пасты.

— Только после операции, — ответил он вежливым тоном.

— Какая операция?

— По замене твоего «узла». — Голос у него был такой, словно он разговаривал с несмышленым малышом. — Я знаю, тебе без него пришлось несладко. Поломка Сети сказалась на нас всех. Это как остаться в одиночестве в кромешной темноте. — Он поежился от неприятных воспоминаний. — Ничего, тебя уже сегодня починят.

— Нет! — выпалила я.

— Извини?

— Не хочу операции. Не хочу опять «узла».

Сначала он нахмурился, потом опять заулыбался — от этой его снисходительной улыбочки можно было свихнуться.

— В твоем состоянии тревога — нормальная реакция. Я могу изменить для тебя набор медикаментов, хочешь?

На это я ответила, что дело не в лекарствах, просто я категорически против операции и имею на это право согласно всем законам Вокса.

— Это не хирургическое вмешательство, а так,

мелкий ремонт. Я видел твою историю болезни. Ты получила имплантат сразу после рождения, как все остальные. Мы не переделываем тебя, Трэя, а просто чиним.

Я долго с ним спорила, опрометчиво мешая вокские и английские слова. Он сначала поразился, потом замолчал. Мою палату он покидал с увлажненными глазами и скорбным выражением лица. Я даже вообразила, что одержала победу или, по крайней мере, добилась отсрочки.

Но не прошло и десяти минут, как в палату вкатили тележку с хирургическими инструментами, главное место на которой занимал набор скальпелей. Я подняла крик. Для громких воплей у меня не хватило сил, но все равно получилось внушительно, так что, наверное, было слышно и в соседних палатах.

Санитары уже собирались меня зафиксировать, когда в дверь ворвался Турк. На нем была больничная пижама, и вид у него был не страшный: за время плена он так исхудал и обгорел, что лицо его стало похоже на грецкий орех. Но санитары, видно, поняли по его глазам и стиснутым кулакам, что он настроен решительно. А главное, он был Посвященным, отмеченным прикосновением гипотетиков, что по вокским понятиям делало

его без пяти минут божеством.

Я объяснила ему в двух словах, что врачи пытаются восстановить мой лимбический имплантат и снова превратить в Трэю.

— Скажи им прекратить, — распорядился он. — Пусть уберут свои идиотские скальпели, не то я навлеку на Вокс гнев гипотетиков!

Я перевела смысл его угрозы, должным образом ее приукрасив. Доктора поспешили вон, побросав свои хирургические причиндалы и пряча глаза. Но и это оказалось только передышкой. Врачей почти сразу сменил мужчина в сером комбинезоне — администратор, он же менеджер, которого я помнила еще по тренировкам Трэи. Он был одним из моих наставников, причем из числа любимых.

С Турком они, похоже, уже успели познакомиться.

— Лучше не вмешивайтесь, Оскар, — сказал ему Турк.

Вокское имя администратора было длинным и увешанным почтительными титулами, но годилось и обращение «Оскар», тем более, что он на него откликался. Естественно, он владел английским. Его английский был несколько беднее моего, — он выучил его по старинным

учебникам и юридическим документам, — но вполне беглым, а главное, он, в отличие от меня, был уполномочен выступать от имени менеджерского сословия.

— Прошу вас, успокойтесь, мистер Файндли, — загнусавил этот бледнолицый коротышка-блондин, рано начавший стареть.

— Идите к черту, Оскар! Ваши подручные чуть не сделали насильственно операцию моей подруге. Я этого так не оставлю.

— Женщина, которую вы называете своей «подругой», серьезно пострадала в ходе восстания фермеров. Вы при этом присутствовали, не так ли? И сами пытались это предотвратить.

Оскар старался перевести спор на юридические рельсы, как его учили, то есть заболтать суть. Но Турк отвернулся от него и занялся мной.

— Ты как?

— Пока что неплохо. Но если они вернут «узел», мне поплохеет.

— Но это же абсурд! — возмутился Оскар. — Ты не можешь этого не понимать, Трэя.

— Меня зовут не Трэя.

— Снова абсурд. Такое отрицание — симптом помутнения рассудка. Ты страдаешь патологическим когнитивным диссонансом, который

требует экстренного устранения.

— Оскар, хотите знать, куда вам следует засунуть язык? Выметайтесь! Мне надо поговорить с Эллисон с глазу на глаз.

— Никакой «Эллисон» не существует, мистер Файндли. «Эллисон» — это выдумка, и чем дольше мы позволим Трэе поддерживать этот самообман, тем труднее будет излечение.

Сама Трэя подчинилась бы Оскару без лишних препирательств, я тоже ощущала в себе этот древний малодушный импульс, но он был мне теперь ненавистен.

— Оскар… — простонала я чуть слышно.

Он посмотрел на меня укоризненно и повторил свое вокское имя со всеми статусными довесками: я принадлежала к рабочей касте и позволила себе непочтительность, назвав его кратким именем.

— Оскар, — повторила я, — вы что, туги на ухо? Турк же сказал вам: выметайтесь!

Его обычно бледное личико побагровело.

— Не понимаю! Мы чем-то вас оскорбили, мистер Турк? Вам угрожали? Я неудовлетворительно исполняю свою роль посредника?

— Мой посредник не вы, а Эллисон.

— Никакой Эллисон не существует, эта женщина не может быть посредником, так как не

имеет больше нервного «узла» и не подсоединена к Сети!

— Она отлично говорит по-английски.

— Это мой родной язык, — поддакнула я.

— Вот именно!

— Но…

— Никаких «но». Я назначаю ее своей переводчицей, — отчеканил Турк. — Впредь мои контакты с Воксом будут осуществляться через нее. Врачи нам обоим пока что не требуются. Никаких скальпелей и таблеток! Вы можете это устроить?

Помявшись, Оскар обратился ко мне по-вокски:

— Если бы ты была полноценным человеком, то поняла бы, что твое поведение является предательским не только по отношению к административному классу, но и самому «Корифею».

Весомые слова! Трэю они повергли бы в трепет.

— Благодарю, но я знаю, что делаю, Оскар, — ответила я ему тоже по-вокски.

* * *

Как раз в это время Вокс начал свое неуклюжее и безнадежное плавание к Антарктиде.

Добыть надежные сведения у Оскара (продолжавшего появляться перед моим носом с удручающей регулярностью) было невозможно; но иногда удавалось разговорить медсестер, по-прежнему крутившихся рядом с нами, приносивших еду и справлявшихся о нашем самочувствии как назойливые родители. От них я узнала, что обитатели Вокса поначалу перешли от ликования («мы перебрались на Землю, пророчество исполнилось!») к смятению («Земля лежит в руинах, гипотетики по-прежнему не обращают на нас внимания!»), а потом к стоической верности древней клятве («раз гипотетики не идут к нам, мы сами их отыщем!»)

Но поиск гипотетиков оказался нелегким делом. Воздушные армии беспилотных аппаратов обследовали территории, бывшие некогда Южной Индией и Индонезией, но повсюду была только голая земля. Признаки жизни можно было обнаружить разве что у бактерий.

Океаны лишились всего кислорода. Когда-то, еще у себя в Шамплейне, я много читала о токсичности океанов. Углекислый газ, который мы тогда выбрасывали в воздух, сжигая топливо сразу двух планет, а не только собственное, сработал как спусковой механизм, хотя для достижения

полного эффекта потребовалась не одна сотня лет. От ускоренного потепления в морях образовались слои сульфатных бактерий, и в атмосферу повалил ядовитый сероводород. По-научному это называется эвтрофикация. Такое случалось и раньше без всякого участия человека — именно с эпизодами эвтрофикации было связано периодические вымирание на планете всего живого.

Административный класс Вокса изучил немногие сохранившиеся записи диаспоры землян и решил, что нам надо добраться до последнего известного места проживания людей у Южного полюса, на берегу моря Росса, как это называлось тогда. Тем временем беспилотные аппараты продолжали бороздить воздушное пространство над Евразией и обеими Америками.

Когда я рассказала все это Турку, он спросил, как долго продлится наше плавание в Антарктику. Вокс он воспринимал, скорее, как цепочку островов, чем как морское судно. Вокс настолько превосходил размерами любое судно, на котором Турку доводилось плавать, что его воображение не справлялось с мыслью, что это все же судно, с поразительно мелкой при таких размерах осадкой и неплохой маневренностью. Так что на плавание к морю Росса должно было уйти, по

моим прикидкам, месяца два. Я пообещала Турку как-нибудь совершить с ним экскурсию в машинное отделение и собиралась, — по причинам, которые не спешила ему объяснять, — сдержать свое обещание.

Многое я не могла ему объяснить, и причина тому была нехитрая: в Вокс-Коре даже у стен были уши, уши и глаза. Причем не обязательно, чтобы шпионить. Все эти нано-глаза и нано-уши, вделанные в стены, поставляли информацию в Сеть, которая фиксировала аномалии и поднимала тревогу при одной возможности возникновения нештатной ситуации, будь то ухудшение здоровья, технологический сбой, искра или даже запальчивый спор. Казалось бы, для нас двоих могли сделать исключение. Но в мою бытность Трэей меня учили, что при общении с Посвященными нет такого жеста или словечка, которым можно было бы пренебречь, во всем следовало искать любую информацию о гипотетиках и о том, что испытывали Посвященные, находясь среди них. Поэтому нас подслушивали не одни безжизненные «жучки». Я не позволяла себе сказать ничего такого, что не предназначалось бы для слуха администраторов. А успеть сказать надо было многое, причем поскорее.

(Даже если предположить, что нас не подслушивали администраторы, для «Корифея» наши беседы не могли составлять тайны. Я много думала о «Корифее», но не хотела, чтобы он об этом узнал.)

Мне хотелось научить Турка хотя бы азам географии и принципов функционирования Вокс-Кора, потому что эти знания могли ему впоследствии пригодиться. Несколько дней я оставалась его покладистой посредницей, делая то, чему научили Трэю, хотя больше я не была Трэей и не хотела ею быть.

Я отвела Турка в библиотеку, которая находилась совсем рядом по коридору. Библиотеку укомплектовали заранее еще несколько лет назад, чтобы Посвященные могли в ней заниматься, и она полностью соответствовала своему названию: помещение с бесконечными рядами книжных полок. На них стояли настоящие книги, что привело Турка в восхищение. Бумажные книги в обложках, свежеотпечатанные, но с таким допотопным содержанием, что голова шла кругом.

На всем Воксе таких книг не было больше нигде, и изготовили их специально для Посвященных. Это были главным образом исторические обзоры,

собранные учеными и переведенные на простой английский и пять других древних языков. Насколько я могла судить, этим сочинениям можно было доверять. Турка заинтересовали и одновременно напугали десятки наименований, и я помогла ему отобрать несколько томов:

«Упадок Марса и марсианская диаспора».

«О природе и назначении гипотетиков».

«Гибель природной среды Земли».

«Принципы и судьба государственности Вокса».

«Кортикальные и лимбические демократии Срединных Миров».

Ну, и еще парочку. Все вместе должно было дать ему базовое представление о Воксе и о причинах войн, которые велись им в Кольце Миров. Я успокоила его, сказав, что названия фолиантов звучат устрашающе, но воспринять их содержание будет ему нетрудно.

— Неужели? — не поверил он. — Действительно, «кортикальные и лимбические демократии» — тоже мне трудность!

Так называются способы осуществления консенсусного управления, взялась ему объяснять я. Нейронное приращение и Сети всеобщего охвата делают возможными различные варианты

совместного принятия решений. Большинство обществ Срединных Миров представляют собой «кортикальные» демократии, названные так потому, что в этих обществах установлено взаимодействие с корой человеческого мозга. Там при принятии политических решений используется коллективное мышление на основе предметной логики. (Турку же моргал, силясь не отстать от моей мысли, однако не перебивал.) «Лимбические» демократии, такие, как Вокс, действуют иначе: здесь Сети взаимодействуют с более примитивными участками мозга, создавая интуитивноэмоциональный, а не чисто логический консенсус. Если совсем грубо, то в «кортикальных» демократиях граждане совместно рассуждают, а в «лимбических» совместно чувствуют.

— Что-то я не совсем улавливаю… Разве это такая уж принципиальная разница? Почему не общая кортикально-лимбическая демократия? Взять из двух миров?

Что ж, такие попытки предпринимались, Трэя изучала их в школе. Те немногие кортикально-лимбические демократии, которые удавалось создать, какое-то время неплохо функционировали, бывали даже идиллически мирными. Но

рано или поздно проявлялась их внутренняя шаткость: почти всегда они деградировали в оцепенелые Сети, становились похожи на массовый суицид вследствие блаженного безразличия.

Нельзя сказать, что лимбические демократии оказались гораздо жизнеспособнее, — но я не говорила об этом там, где и стены умеют слышать. У этих демократий есть свои слабости, в частности, склонность к массовому помешательству.

За исключением нашей, конечно. Вокс — исключение из всех правил. По крайней мере так меня учили в школе.

* * *

Свои тревоги я держала при себе, чтобы не давать Оскару шанс меня одолеть. Но главное, не хотелось, чтобы Турк усомнился, что я — Эллисон Пирл, что хочу ею быть и останусь ею, пока меня не скрутят и не всадят мне «узел».

А ситуация была не такой простой.

Потому что ежедневно я просыпалась и засыпала с одним-единственным вопросом: вправду ли я Эллисон Пирс?

Если рассуждать без затей, то нет. Как я могу ею быть? Эллисон Пирл жила и умерла (предположительно) на Земле десять тысяч лет назад, когда

Земля еще была обитаемой планетой. Все, что от нее осталось, — пара гигабайтов каким-то чудом уцелевших дневниковых записей. Она начала делать их в десятилетнем возрасте и без видимой причины оборвала в 23 года. Трэя усвоила всю эту информацию (вместе со всевозможными подробностями жизни в XXI веке) корой головного мозга и лимбически — как информацию и личностные особенности. Конечно, Трэя никогда не считала себя настоящей Эллисон Пирл. Но Эллисон Пирл сидела, как прописи, глубоко в ее мозгу. Сеть поселила Эллисон Пирл в душе у Трэи, но возвела между Эллисон и Трэей строгие барьеры.

Строгие, но не непреодолимые. Я свято хранила свою тайну, никому ее не выдавая: еще до поломки Сети, до того, как взбунтовавшиеся фермеры уничтожили мой «узел», Эллисон проникла в кровь Трэи. Трэя не возражала против этого и не жаловалась своим начальникам на то, что с ней происходит. Она сделала это подспудное просачивание Эллисон Пирл в собственную повседневность своей тайной — постыдной тайной, поскольку в Эллисон было много такого, чем Трэе самой хотелось бы обладать.

Трэя была послушной, Эллисон — непокорной. Трэя стремилась подчинить свою личность

необъятной личности Вокса, а Эллисон скорее бы умерла, чем пошла на такое. Трэя верила всему, что слышала из уст непогрешимого начальства, а Эллисон принципиально не доверяла всем вышестоящим.

Но даже не в этих различиях была суть дела. Можно сказать, что благодаря Эллисон Трэя начала открывать для себя возможность критического отношения, неповиновения и сопротивления.

Поэтому теперь, когда дверь между Трэей и Эллисон оказалась настежь распахнутой, во весь рост вставал вопрос: кто я — Эллисон или Трэя, ставшая Эллисон?

Нет, не первое и не второе. Я нечто третье, я сама по себе.

Я — то, что я сама сложила из всех этих несочетаемых частей, и все мои воспоминания, настоящие и виртуальные, — только мои. Вокс выращивал обеих, Трэю и Эллисон, но не учел последствий такого сочетания. Да пусть он провалится, этот Вокс! Это и была та ересь, которой всегда сопротивлялась Трэя, но о которой беззвучно молил голос Эллисон: пусть провалится этот постылый Вокс со своей тихой тиранией, со своей замороженной религией-мечтой, со своим малодушным наваждением — гипотетиками! А

главное, с безумием, заманившим Вокс на загубленную Землю. Ко всем чертям то неизлечимое безумие, что вот-вот начнет бушевать на борту.

К чертям Вокс! И да будет благословенна Эллисон Пирл: не будь ее, я не смогла бы даже вымолвить что-то такое.

* * *

Свои скальпели Оскар спрятал, но с намерением склонить меня к операции не расстался. Он обрабатывал меня чужими руками, сталкивал меня с людьми, отказ говорить с которыми был для меня невозможен, — с прежними и нынешними друзьями Трэи, с ее родней.

Они ведь были и моими друзьями, моей родней, хотя сама я была уже не той, кого они знали, и тем более не той, кем они хотели меня видеть. Мое человеческое естество страдало от их непонимания и их уныния.

Однажды Оскар привел мою мать (то есть мать Трэи). Мой отец (отец на Воксе) работал на стройке и погиб при обвале стенки тоннеля вскоре после моего рождения. Меня растили мать и тетушки, которых я любила не меньше, чем они меня. Во мне осталось достаточно от Трэи, чтобы не потянуться к женщине, в чьих объятьях я так

часто получала утешение, чтобы, глядя прямо в перепуганные глаза, твердо заявить: нет, ее дочь не умерла, она просто переродилась, сбросила невидимые, но несносные оковы. Ничего из сказанного мной та не поняла и спросила: «Ты не хочешь приносить ПОЛЬЗУ? Ты уже не помнишь, что значит быть членом семьи?»

Я это помнила, и очень хорошо. Вместо ответа я сказала, что по-прежнему ее люблю. Сказала правду. Но это не стало для нее утешением, и не могло стать. Она лишилась дочери. Трэи не стало, ее место заняла я — упрямый монстр. Сказав, что люблю ее, я сразу увидела по ледяному выражению ее лица, что она теперь меня ненавидит, по-настоящему ненавидит, что она любит не меня, а ту тень, которую я перестала отбрасывать.

Что ж, возможно, она и права. Никогда мне не быть той дочерью, которую она знает. Уж какой я стала, такой стала. Я была той, что звалась Эллисон, Эллисон, Эллисон Пирл. Я повторяла это про себя шепотом еще долго после ухода матери.

Идти с такими переживаниями к Турку я не собиралась. У него своих забот хватало. Гордо сохраняя стоическое настроение «будь что будет», он уже одним этим заслуживал уважения. По существу ему было очень одиноко здесь, он должен

был ощущать себя чужаком, оказавшимся в чужих до ужаса местах. Мы жили с ним в соседних комнатах, и по ночам меня будили его шаги или бормотание. Его терзали неведомые мне страхи. Мне казалось, что он, вероятно, чувствует себя пленником сна, сознающим все безумие привидевшегося сюжета, но неспособным вырваться и вернуться в здравую реальность.

Я старалась не грузить его еще собственными надеждами и страхами. Но при этом не могла отделаться от мысли, что при всех наших различиях мы с ним схожи. Я постоянно гадала, мог ли он повстречаться с Эллисон Пирл в невообразимо далеком двадцать первом веке — случайная встреча в безликой американской толпе… Если кто-то в Вокс-Коре и мог бы понять Эллисон Пирл, то только Турк. Так что неудивительно, что в одну из таких ночей, когда нам обоим было не уснуть, я пришла к нему за утешением. Сначала мы разговаривали — так, как мы могли разговаривать только друг с другом: это была близость, рождавшаяся не благодаря тому, что мы друг о друге знали, а вопреки этому. «В этом мире я больше всех похожа на тебя, — сказала я ему, — а ты на меня». После этого уже нельзя было избежать утешения в объятьях друг друга, и меня перестало

интересовать, могут ли стены слышать и кому они нашепчут свои опасные секреты.

2

Утром я устроила Турку экскурсию по всему Вокс- Кору.

Конечно, увидеть город целиком было немыслимо, но я хотела, чтобы он получил более-менее полное представление о нем. Надземная часть Вокс-Кора имела размер скромного среднего города XXI века. Под землей, во чреве острова, он был несравненно больше, и если размотать всю эту путаницу и разместить ее на плоскости, то занял бы площадь, соперничающую с Коннектикутом и способную бросить вызов Калифорнии. Мы не совались в поврежденные зоны, еще проходившие обеззараживание, наш путь лежал по вертикали вниз. Там, где стены шахты были прозрачными, мы задерживались и любовались видами — всеми этими площадями, террасами и ярусами, просторными сельскохозяйственными угодьями, залитыми искусственным светом, алебастровыми спальными комплексами, разбросанными там и сям в густых лесных чащах…

Потом я потащила его еще глубже вниз, на технические уровни. Машины, приводившие

Вокс в движение, были колоссальны — скорее, целые территории, чем объекты. Я показала ему реакторные блоки размерами с маленькие города, омываемые опресненной водой; акры и акры специальных камер, куда текли потоки расплавленной стали, притягиваемые магнитными полями; я провела его вдоль катушек электромагнитов со сверхпроводимостью, где конденсировалась, превращаясь в снег, влага, несомая потоками нагнетаемого воздуха. Турк испытывал от всего этого благоговейный ужас, что не могло не понравиться администраторам, которые, несомненно, следили за каждым нашим шагом. Даже здесь у стен были уши.

Их не было только там, куда я завела его после. Мы вознеслись на верхний уровень и, пересев в вагончик, взлетели на высочайшую в Воксе башню. Еще две пересадки — и мы достигли самой высокой во всем Вокс-Коре платформы, игравшей роль смотровой площадки и доступной для посетителей.

В былые времена, когда Вокс бороздил океаны обитаемых миров, эта платформа была открытой. Теперь здесь был установлен осмотический периметр — Турку я назвала его «силовым полем», потому что этот устаревший термин, при всей его

неточности, был для него более-менее понятен.

— Не очень-то это поле срабатывает, — буркнул он, морща нос. — Запах как в свинарнике.

Я была готова с ним согласиться. Воздух при безветрии был какой-то тухлый, хотя мимо нас проносились облака, даже казалось, что до них можно дотронуться. Мы еще не подошли к краю платформы, а у меня уже закружилась голова. Я впервые была готова пожалеть об утрате «узла»: мне не хватало успокоительного присутствия этого невидимого якоря. Вдруг показалось, что внезапный порыв ветра может сбросить меня вниз.

Вокс двигался на юго-восток, из Индийского океана в южную часть Тихого. Вода до самого горизонта имела светло-пурпурный оттенок, а небо — цвет ядовитой охры. Отвратительное зрелище.

Турк, вглядываясь в мутный горизонт, уныло спросил:

— И так повсюду?

Я кивнула. Именно порча и гибель океанов привели к великому бегству с Земли, вызвавшему ожесточенные конфликты в Срединных Мирах, до того живших смирно.

— Гипотетики ничего не сделали, чтобы это

предотвратить. Развё не странно? Они спасали планету от расширявшегося Солнца, но ничего не сделали, чтобы не допустить катастрофы человеческого вымирания. Похоже, их устраивает Земля, заселенная одними бактериями. Понять бы, почему!

— А твой народ ожидал найти здесь что-то другое?

Да никакой они мне не мой народ! Но я не стала его поправлять.

— Они рассчитывали на прямой контакт с гипотетиками сразу по прибытии на Землю. Это вера, религия. Основатели Вокса были настоящими фанатиками. В исторических книгах этого не прочесть, но все так и есть. Вокс — это культ. Постулаты этого культа введены в Сеть и прописаны в лимбической демократии. Подключенным к Сети все эти доктрины представляются разумными, здравыми…

— Подключенным, но не тебе.

Мне — уже нет.

— И не фермерам. Фермеры — неполноценные граждане. Сеть принуждала их к повиновению.

— Иначе говоря, они были рабами.

— Наверное, можно сказать и так. Их захватили в плен в Срединных Мирах много поколений

тому назад. Они отказались от полного гражданства, поэтому их принудили к сотрудничеству.

— Запрягли и заставили пахать.

— Потому они и уничтожили свои «узлы», как только отключилась Сеть.

Правда, выживших, — тех, кто остался на своих закрытых полях под внешними островами, — к этому времени запрягли опять. А восставших уже наверняка не было в живых. В том числе и Чоя Диггера, которого Турк попытался спасти. И спас на какие-то полчаса. Даже если он не погиб тогда под бомбами, то задохнулся от отравленного воздуха Земли.

Турк, вплотную подойдя к ограде на краю платформы, изучал то, что стало с внешним периметром Вокса. Остров, не защищенный от атмосферы, выглядел мрачно, как на излете осени. Леса уже умерли, листья стали бурыми, плоды сгнили. Даже стволы деревьев казались пораженными проказой и готовыми переломиться. Ветер сотнями ломал ветви.

— Когда я говорю о Воксе, — продолжила я, — то имею в виду собирательный, лимбический Вокс, возомнивший себя возродившимся после прохождении Арки. Но ты прав, здесь их ждало совсем не то, на что они надеялись, и теперь они

смертельно разочарованы. Здесь, где нас никто не слышит, нам нужно обсудить именно это. Нам необходим план действий.

Он еще минуту разглядывал мертвый ландшафт, потом спросил:

— Насколько плохо все может обернуться, потвоему?

— В случае, если Вокс не отыщет лазейку в антарктический рай, то будет совсем худо. Слияние с гипотетиками — это не просто вера, а основа основ, смысл существования Вокса. Это обещание, которое нам всем дают, как только мы рождаемся, — вместе с «узлом». Сомнение невозможно, его не потерпели бы. А теперь…

— Вы уперлись лбом в неудобную правду.

— Они. Я к ним больше не принадлежу.

— Знаю, прости.

— Плавание в Антарктику — акт отчаяния, оттягивание неизбежной развязки.

— Правда рано или поздно всплывет — и что тогда? Хаос, анархия, кровь на улицах?

Дух Вокса выветрился из меня еще не до конца, и, отвечая на этот вопрос, я испытывала стыд.

— Другие, прежние лимбические культовые общества, потерпев крах, завершали свое существование… отвратительно. Страх и разоча-

рование усиливаются Сетью и приводят к жажде самоуничтожения. Люди набрасываются на соседей, на своих родных, потом кончают с собой.

Я не боялась, что нас подслушают, но все равно понизила голос.

— Разрушение общества, вероятность коллективного суицида… Опасность голода при прерывании поставок продовольствия. И никакого выхода. Нельзя просто переписать пророчества и выбрать себе другую веру — неустранимое противоречие заложено в самом «Корифее».

Признаки назревающего краха были заметны мне уже теперь, в поездке по городу: поголовная угрюмость, которой Турку по неопытности было не разглядеть, но для меня ошеломляющая, как гром серди ясного неба.

— Как нам от этого уберечься?

— Если мы останемся здесь — никак.

— Если бы мы смогли отсюда выбраться, то бежать все равно было бы некуда. Боже, Эллисон! — Его взгляд приковывал расплавленный горизонт, гниющий на корню лес. — В былые времена это была такая чудесная планета!

Я подошла к нему вплотную, потому что мы наконец-то добрались до самой сути.

— Слушай. На Воксе есть суда, способные про-

лететь от полюса до полюса без дозаправки. Поскольку ты Посвященный, Арка для нас до сих пор открыта. Мы можем сбежать. Если повезет, мы сможем вернуться на Экваторию.

А там можно будет сдаться заклятым врагам Вокса — тем, кто подверг Вокс-Кор ядерному удару в попытке не позволить нам провоцировать гипотетиков. Кортикальные демократии презирают Вокс и боятся его, но не откажутся принять парочку чистосердечных беженцев — так я по крайней мере надеялась. Может, они даже помогут нам перебраться с Экватории на один из более симпатичных Срединных Миров, где мы смогли бы зажить спокойно.

Турк выразительно посмотрел на меня.

— Ты умеешь пилотировать такие машины?

— Я — нет. Зато ты умеешь.

* * *

Я все ему выложила. Раскрыла план, придуманный бессонными ночами, когда одиночество Трэи угрожало прорвать оборонительные порядки Эллисон, когда почти невозможно было найти себе место между этими двумя сторонами меня самой, когда невозможно было даже уверенно сказать себе: я это я.

Я была уверена, что мой план может сработать. Но для этого от Турка требовалась жертва, которую он мог и не захотеть принести.

Поняв, о чем я его прошу, он не стал мне отвечать сразу. Сказал, что должен подумать. Я согласилась и предложила подняться сюда через несколько дней и продолжить этот разговор.

— А пока, — сказал он, — мне нужно сделать еще кое- что.

— Что?

— Я хочу повидать другого выжившего, Айзека Двали.

Глава 9
САНДРА И БОУЗ

Из кондоминиума Боуза Сандра поехала к себе домой переодеться и опоздала на работу на целый час. Впрочем, теперь это ее мало заботило. Накануне Оррина Матера обвинили во вспышке бешенства: если Боуз сказал ей правду, то причиной обвинения стало то, что Конгриву или кому-то над ним заплатили (наличными или долголетием), чтобы Оррин и дальше сидел взаперти. За рулем Сандра старалась сдержать гнев, но все равно кипела, хотя со стороны это было не очень заметно.

Артур Конгрив не понравился ей сразу, как только был назначен начальником, но раньше ей как-то не приходило в голову считать его продажным. Она знала о его связях с городскими властями — двоюродный брат Конгрива заседал в муниципальном совете, и хотя полицейские Хьюстона ворчали, что он слишком часто дает от ворот поворот потенциальным питомцам приюта, глава городской полиции уже дважды посещал при Конгриве приют и оставался до-

волен.

Сандра кое-как припарковала машину и бегом преодолела металлодетектор на входе. Она поспешила в то крыло здания, где находился изолятор. С виду оно ничем не отличалось от всех остальных. Здесь не должно было быть камер, как в федеральной тюрьме. Разве что побольше замков на дверях и неломающейся мебели в помещениях. Просто здесь содержались потенциально агрессивные пациенты — их ведь следовало изолировать от безобидных. Собственно, агрессивные были наперечет: приют предназначался для хронически бездомных, а не для отъявленных психов. Последние как раз доставляли меньше всего хлопот: сотрудники быстро приходили к согласию на их счет и без промедления переправляли их в психиатрические лечебницы.

Оррин Матер был кем угодно, только не психопатом, Сандра даже не побоялась бы в споре об этом поставить на кон свой диплом. Она намерена была как можно скорее положить конец его изоляции. Для этого требовалось узнать его версию случившегося.

Ей сразу не повезло: дежурила сегодня на входе в изолятор сестра Уотмор. Вместо того, чтобы без слов пропустить Сандру, она заявила:

— Извините, доктор Коул, у меня строгие инструкции.

Пришлось Сандре, у которой все закипало внутри, ждать, пока дежурная вызовет Конгрива. Тот, правда, не замедлил явиться — благо что его кабинет находился рядом, через несколько дверей. Он взял Сандру под руку и повел туда.

Закрыв за собой дверь, он сложил руки на груди. В его кабинете было ощутимо прохладнее, чем в коридоре, благодаря запущенным на полную катушку кондиционерам, но все равно пахло затхлостью. На столе валялось множество бумажных пакетов от съеденного фастфуда. Сандра открыла было рот, но Конгрив остановил ее властным жестом руки.

— Прежде всего я хочу, чтобы вы знали, что в последнее время вы сильно разочаровываете меня своим непрофессиональным поведением.

— Не понимаю, о чем вы. Какое непрофессиональное поведение?

— Вы говорили с пациентом Оррином Матером после того, как я передал его дело доктору Фейну. Видимо, сейчас вы опять к нему направлялись?

— Проконтролировать своего недавнего пациента, по-вашему, непрофессионально? Во вступительной беседе я сказала, что буду им

заниматься. Я хотела убедиться, что после того, как им занялся доктор Фейн, он не чувствует себя брошенным.

— После того, как я забрал у вас его личное дело, это перестало вас касаться.

— Забрали безо всяких на то оснований.

— Я не обязан оправдываться перед вами за такое свое решение, как и за любое другое. Не обязан перед вами, доктор Коул. Вот когда совет назначит начальницей вас — милости прошу, ставьте под сомнение мои распоряжения. А пока что выполняйте те обязанности, которые я на вас возлагаю. Кстати, у вас это лучше получится, если вы не будете впредь опаздывать.

Это было ее первое опоздание за год, а то и за полтора. Но она так завелась, что уже не могла остановиться.

— Что там за история с нападением Оррина на санитара?

— Прошу прощения — вы что, присутствовали при этом? Или знаете что-то, о чем мне не сообщили?

— Это выдумки. Оррин мухи не обидит.

Довод был хилый, она знала, что совершает ошибку, приводя его. Конгрив закатил глаза.

— Таков ваш вывод на основании двадца-

тиминутной беседы? Да вы непревзойденный диагност! Нам повезло, что среди нас такой есть.

У нее вспыхнули щеки.

— Я говорила с его сестрой…

— Неужели? Когда?

— Этот было вне стен нашего учреждения. Но…

— То есть вы консультировали родственников пациента в нерабочее время? Этот должно стать предметом служебного рапорта или по крайней мере служебной записки мне и доктору Фейну. Но вы ничего подобного не сделали, не так ли?

— Да, — призналась она.

— И все равно не усматриваете в своих действиях никакого непрофессионализма?

— Это еще не объяснение, почему…

— Хватит! Лучше остановитесь, иначе навредите себе еще больше. — Конгрив заговорил мягче. — Согласен, раньше у меня не было претензий к вашей работе. Я готов закрыть глаза на последние события как на результат стресса. Но вам необходимо задуматься о будущем. Почему бы вам не отдохнуть остаток недели?

Этого она не ожидала.

— Какая нелепость!

— Я передаю другим врачам ваших подопечных. Всех! Отправляйтесь домой, доктор Коул,

успокойтесь, разберитесь, что отвлекает вас от добросовестного выполнения служебных обязанностей. Потратьте на это неделю как минимум, можете и больше, если понадобится. И не возвращайтесь, пока к вам не вернется способность судить непредвзято и беспристрастно.

Сандра была в приюте одной из самых надежных сотрудниц, кому как не Конгриву это знать! Но, похоже, ему донесли о ее ленче с Боузом, и он решил от нее избавиться, чтобы она не помешала ему разобраться с Оррином по-своему. Кому же запродал он свою совесть, и почем нынче этот товар?

Эти вопросы уже готовы были сорваться с ее языка, даже с риском лишиться места, но она вовремя спохватилась. Так она только навлечет на себя новые беды, тогда как дело не в ее конфликте с Конгривом, а в участи Оррина. Ее острый конфликт с Конгривом не сулил бы Оррину ничего хорошего. Поэтому она коротко кивнула в знак согласия, стараясь не замечать торжествующий блеск его глаз.

— Хорошо, — сказала она с деланной покорностью. Неделя так неделя, если он так настаивает.

Удаляясь по коридору из его кабинета, она думала со злостью: пропуск и необходимые доку-

менты остались при ней, и если понадобится, она в любой момент сможет сюда вернуться… Она заскочила в собственный кабинет проверить, не поступило ли заслуживающих внимания документов. Потом чуть не налетела в коридоре на санитара Джека Геддеса.

— Мне поручено проследить, чтобы вы покинули здание приюта, — сообщил он, довольный ее удивлением.

Оскорбление за оскорблением!

— Я сказала Конгриву, что ухожу.

— Он велел мне в этом убедиться.

Сандру подмывало ответить ему резкостью, но срывать зло на балбесе-санитаре было бессмысленно. Оттолкнув локтем его руку, она выдавила из себя улыбку.

— Временная утрата популярности у начальства.

— Типа того, знакомая песня.

— Доктор Конгрив упомянул о вчерашнем инциденте с Оррином Матером. Знаете, кто это? Сидящий взаперти хилый паренек.

— Еще бы мне не знать! Это был не простой «инцидент», доктор Коул. Он сильнее, чем кажется. Так рвался на выход, словно ему подпалили задницу. Мне пришлось его держать, пока ему не

ввели успокоительное.

— Оррин пытался сбежать?

— Не знаю, как еще это назвать. Он расшвыривал сестер, как бейсболист, несущийся с мячом к линии ворот.

— А вы, значит, его заблокировали?

— Нет, мэм, я не успел. Я просто преградил ему путь и посоветовал не выпендриваться. Уж скорее, он меня заблокировал.

— Говорите, он первым прибег к насилию?

Услышав в ее тоне недоверие, Геддес остановился и закатал правый рукав. Предплечье между кистью и локтем было забинтовано.

— Вы уж простите, доктор Коул, но как вы сами это назовете? Нежным поцелуем? Щенок, чтоб ему пусто было, так впился в меня зубами, что потребовалась дюжина швов и прививка от бешенства. Ему бы не в изолятор, а в железную клетку!

* * *

Шагая по стоянке к своей машине, Сандра чуть не упала в обморок от жары.

В такую погоду нетрудно было представить, как в морских глубинах, — согласно сценарию конца света по Оррину, — ускоренно размножаются

анаэробные бактерии. Сандра слыхала, что в Мексиканском заливе уже обнаружили лишенную кислорода зону, каждое лето увеличивавшуюся в размерах. Уже много лет назад по этой причине там сошел на нет креветочный промысел.

Небо наливалось грозной синевой. Как накануне и позавчера, горизонт был затянут рыхлыми облаками, не приносившими ни малейшего облегчения. Она распахнула дверцу автомобиля, и изнутри на нее пахнуло раскаленной пластмассой. Пришлось подождать, пока салон машины перестанет быть жерлом раскаленной печи.

Сев за руль, она поняла, что ехать ей некуда. Позвонить Боузу? Но нет, она еще не до конца осмыслила услышанное от него, когда покинула этим утром его жилище. «Наверное, тебе лучше узнать обо мне побольше, прежде чем мы двинемся дальше…» Ей было необходимо время на размышление.

Она поступила так, как поступала почти всегда, если вдруг появлялась отдушина в графике и требовалось решение какой-то сложной проблемы: покатила в Лайв-Оукс к своему брату Кайлу.

Глава 10
РАССКАЗ ТУРКА

1

После разговора с Эллисон вопросов у меня осталось хоть отбавляй, но среди них выделялся один: насколько успешно я способен врать.

За жизнь мне приходилось врать немало, как в благих целях, так и с постыдными намерениями. Кое-какими сведениями о себе мне не хотелось делиться, и порой я их искажал. Но прирожденным лгуном себя не считал, что мешало, потому что теперь мне пригодилось бы именно это предосудительное качество. Ложь, на которую я должен был пойти и оставаться ей верен в любой момент бодрствования, а желательно бы и во сне, была той точкой опоры, на которой предстояло балансировать нашему будущему.

Вокс неумолимо приближался к Антарктике, развив внушительную скорость, — так, во всяком случае, представлялось мне, ведь это был здоровенный остров с населением в несколько миллионов душ. Еще дважды мы с Эллисон

поднимались на высочайшие башни Вокс-Кора для обсуждения того, что не подлежало огласке внизу, и всякий раз вид сверху был одним и тем же: безжизненный ландшафт в окружении бесцветной морской глади. День прибывал — в этих широтах стояло лето, — но солнце жалось к горизонту, как будто опасалось от него оторваться. Считалось, что Вокс — единственное оставшееся на Земле место обитания людей. Я не обсуждал этого с Эллисон, но, возможно, знание правды о нашем одиночестве и было одной из причин нашей близости.

Я прилежно постигал схему передвижения по городу'. Жители Вокса тщательно разграничивали зоны общественного доступа и частное пространство, и мне пришлось учиться различать по определенным признакам отдельные дома и общежития, общежития и места коллективного времяпрепровождения. Я даже усвоил некоторые слова вокского языка, чтобы меня понимали на местных рынках, хотя, если мне нужно было что-то купить, — еду или, скажем, медное ожерелье, из тех, которыми украшали себя вокские мужчины, — я все равно не мог обойтись без Оскара, который заключал сделку через Сеть. Я коротко постригся по вокской моде

и довольно скоро уже мог сойти (как уверяла Эллисон) за местного, хотя бы издалека. Вблизи никто из охваченных Сетью граждан ни за что не принял бы меня за кого-то из своих.

Ощущение было двусмысленным. Если смотреть на Вокс издали, то он представлялся обычным обществом из мужчин и женщин, работающих и растящих детей, совершающих обычные для людей и предсказуемые действия. Но, оказавшись в их гуще, нельзя было не почувствовать даже по их глазам напряжение Сети, управляющей любым их движением. Они дружно испытывали то воодушевление, то разочарование и походили на пшеничное поле, причесываемое ветром. И тот невидимый ветер крепчал с каждым днем, отчего становилось не по себе.

Я знал, чего хочет от меня Эллисон. Знал, что другого шанса выжить у нас может и не быть. Но мне было очень трудно скрыть свой страх: страх перед тем, что мне предстояло сделать, и страх того, во что мне это обойдется.

2

Оскар ни капельки не доверял Эллисон. Он считал ее изменницей и не стеснялся это высказывать. Но как администратор, несущий за

нас ответственность, он согласно нашему плану должен был испытывать хотя бы какое-то доверие к одному из нас. Вот я и стал к нему подлизываться. Я спрашивал его совета даже тогда, когда уже имел о том или ином предмете четкое мнение благодаря Эллисон. Задавал ему вопросы по историческим книгам, которые штудировал, демонстрируя незаинтересованность и налет скептицизма, чего он от меня и ожидал. Но и ему тоже хотелось ко мне подольститься, и чтобы он не терял надежды, мне достаточно было одного-двух слов благодарности хотя бы изредка. По-моему, он воображал, что рано или поздно обратит меня в правоверного жителя Вокса.

В нашей с ним дуэли на стороне Оскара было преимущество — Сеть с ее вездесущими глазами и компьютерными способностями. Но и у меня было оружие: я не был подключен к Сети, не был уроженцем Вокса и потому оставался до некоторой степени непроницаемым. Поэтому, впервые услышав мою просьбу о встрече с Айзеком Двали, Оскар не скрыл удивления, но все равно проявил рвение помочь мне. Я потребовал, чтобы меня сопровождала Эллисон, с чем, скрежеща зубами, он вынужден был согласиться.

Оказалось, что Айзека содержат неподалеку от

нас с Эллисон. Он проходил лечение в больничном блоке и Оскар повел нас по коридорам, не обращая внимания на косые взгляды, которыми нас провожали встречные медики. Он в который раз предостерег меня, что Айзек тяжело ранен, и что я могу быть шокирован тем, что увижу.

— Я много чего повидал на своем веку, — ответил я ему. — Меня нелегко шокировать.

Но оказалось, что я поспешил хорохориться.

Айзека не охраняли, но при нем постоянно находился медицинский персонал, который Оскару пришлось долго упрашивать, прежде чем нас пустили в палату, где он лежал среди приборов, поддерживавших его жизнь.

Впервые я увидел Айзека Двали в доме его отца в экваториальной пустыне. В нем и тогда было что-то сверхъестественное: этот подросток — результат гибридизации с применением нанотехнологии гипотетиков — рос в изоляции от остального мира. За время, проведенное вместе с ним в тех бесплодных краях, я так в нем толком и не разобрался — сомневаюсь, чтобы это вообще кому-то удалось, — но относился к нему дружелюбно и считал, что он ценит мою дружбу. Если кто-то из нас, затянутых в Арку Времени, и заслуживал второй жизни, то именно Айзек.

Заслуживал, но не такой жизни. И не так.

При атаке, обрушившейся на Вокс-Кор, он лишился большей части туловища, а то, что уцелело, страшно обгорело. Медицинская наука Вокса творила настоящие чудеса, ей помогала биотехнология гипотетиков, воплощением которой был Айзек, иначе он бы вообще не выжил.

Эллисон отшатнулась от опутавшего беднягу переплетения трубочек и проводков. Я услышал шепот Оскара:

— Многое приходится выращивать заново: левую руку, левую ногу, легкие… Почти все внутренние органы. От мозговой ткани уцелела только небольшая часть.

Голова Айзека покоилась в желатиновом шлеме, заменявшем отсутствующие участки черепа. Правый глаз, челюсть, скулы остались нетронутыми, но все остальное представляло собой розовую пенную массу. Как объяснил Оскар, происходило медленное восстановление кожи, костей, мозговой ткани.

Я шагнул к Айзеку, и он покосился на меня своим зрячим глазом. Это доказывало, что в этих останках теплится жизнь, возможно, даже человеческое существо.

— Айзек! — позвал я.

— Вряд ли он вас слышит, — сказал Оскар.

— Айзек, это Турк. Помнишь меня?

Бедняга не ответил. Его зрячий глаз продолжал следить за мной, другая глазная впадина выглядела, как чаша с лиловым желе.

— Тебе изрядно досталось, — не унимался я, — но ничего, тебя обязательно поставят на ноги. На это уйдет время. Пока ты будешь выздоравливать, я буду тебя навещать, не возражаешь?

Он открыл свой беззубый рот в знак согласия.

* * *

Судя по выражению лица Эллисон, ее разозлила эта встреча — я не понял, чем именно. Дождавшись, пока мы снова окажемся на пешеходном тротуаре, она набросилась на Оскара.

— Вы его не просто лечите, — произнесла она с холодным бешенством. — Я видела, вы подсоединили его к Сети.

— Айзек — особый случай. Ты сама это знаешь. Среди всех Посвященных он единственный, имевший связь с гипотетиками еще до попадания в Арку Времени. Он — наиболее эффективное связующее звено между Боксом и гипотетиками. Мы не могли полагаться только на слова в попытках установить с ним контакт. Айзеку требуется

взаимодействие со всем Боксом, а не просто со мной, с мистером Файндли, с кем-то еще.

— Вы заражаете его своим безумием.

В ответ Оскар произнес несколько слов на своем языке.

Позже Эллисон объяснила мне, что это была вокская пословица, гласившая в вольном переводе: «Не пристало пчеле судить улей».

3

По мере продвижения Вокса на юг все более крупные эскадры его беспилотников парили над континентами Земли, составляя их подробнейшие карты. Другие беспилотники, уже не воздухолеты, а космические зонды, достигали верхних слоев атмосферы и брали ее пробы для скрупулезнейшего анализа.

Поставлена была задача отыскать следы человеческой активности в настоящем или прошлом. Сначала попадались преимущественно безжизненные руины. Я уговорил Оскара показать мне то, что передавали на Вокс летательные аппараты, но быстро затосковал от увиденного, настолько бессодержательной оказалась вся эта съемка. Свои последние города люди строили в арктических зонах Северного полушария (для

меня это были еще Россия, Скандинавия, Канада), но и их они покинули вот уже тысячу лет назад. Все, что от них осталось, это едва различимые следы дорог и фундаментов — бледные борозды и пятна, почти не нарушавшие однообразия приполярной пустыни.

Я читал в исторических книгах об исходе землян. Само это слово как будто предполагало систематическую эвакуацию, но истина была гораздо непригляднее. Даже те многочисленные беженцы, которые попадали на Экваторию через Арку, представляли собой лишь малую часть населения планеты. Остальные попросту впадали в нищету и вымирали на протяжении нескольких веков. Их губил голод от неурожаев и сокращения обрабатываемых площадей, удушье по мере умерщвления океанов анаэробными бактериями и отравления воздуха. Сероводород, поднимавшийся из морей, делал бесплодными прибрежные равнины и речные дельты; через несколько десятилетий деградация неизбежно достигала и возвышенностей. Леса гибли от пожаров, дополнительно выбрасывавших в тающую атмосферу углекислый газ. За десятилетиями тьмы и холодов последовали десятилетия жары. Климат трясло и раскачивало, как треснувший

колокол.

По утверждению Оскара, спусковой крючок приведен был в действие еще при моей жизни. К тому времени люди уже сожгли большую часть накопленных на Земле углеводородов — нефти, угля и природного газа, последствия чего могли быть самыми плачевными. Но окончательным смертным приговором планете стало открытие нефтяных залежей в пустыне на Экватории — несметных сокровищ легкой, без труда добываемой и доставляемой по морю, через Арку гипотетиков, нефти. Возможно, последствия выжигания собственных углеводородов атмосфера Земли могла бы еще пережить, но выброс в атмосферу углекислого газа сразу двух миров превысил ее возможности.

Я сказал Оскару, что мы должны выглядеть в его глазах последними кретинами. Но он возразил: да нет, все это печально, но совершенно понятно. Десять миллиардов людей, не имевших ни кортикального, ни лимбического приращения, попросту стремились довести до максимума свое индивидуальное благосостояние. О долговременных последствиях они не думали, да и как могло быть иначе? Они не обладали надежным механизмом, позволяющим мыслить и действо-

вать коллективно. Винить этих людей в гибели экосистемы — все равно, что обвинять в цунами молекулы воды.

Наверное, так и есть. Но все равно тягостно было это сознавать, и я не скрывал своего настроения. Чтобы добиться доверия Оскара, я должен был показывать ему свои чувства. Хотя бы некоторые.

Он посоветовал мне попытаться взглянуть на случившееся через призму времени. Все это горе, все эти смерти остались в далеком прошлом. Когда свершится предназначение Вокса, начнется новая эра: в ней человечество породнится со своими господами на основе равенства.

— Многое прояснится, мистер Файндли. Станут возможны чудеса. Вы сами все увидите. Вам повезло, что вы попали на Вокс именно сейчас.

— Вы и вправду во все это верите?

— Конечно, верю.

— На основании нескольких пророчеств?

— Скорее, на основании расчетов и умозаключений основателей Вокса. Эти расчеты оказались верными: используя их, мы побывали в океанах полудюжины миров, а теперь попали на Землю.

— На мертвую планету.

Оскар улыбнулся. Он припас кое-что на закуску,

как фокусник на сцене, выбирающий правильный момент, чтобы извлечь бумажный цветок из рукава.

— Не совсем мертвую. У нас есть любопытная новая съемка Антарктики. Полюбуйтесь!

Он продемонстрировал мне новые кадры, снятые, как и все остальные, с большой высоты, из тропосферы, и их точно так же было трудно интерпретировать. На первый взгляд на них представала прежняя безрадостная пустыня, та часть света, что при мне была погребена под километровой ледяной толщей. Я видел то ли валуны, то ли гальку — масштаб был обозначен в непонятных мне символах. Но вот в центре картинки возникло что-то осмысленное. По мере снижения воздухолета изображение стабилизировалось. Я уже не сомневался, что вижу какие-то строения, квадраты и прямоугольники пастельных тонов. Некоторые из них, подсказал Оскар, сравнимы по размеру с надземным Вокс-Кором. Причем это не были руины и брошенные здания, как обычно. Мощная оптика позволяла заключить, что некоторые из этих объектов оставляют в антарктической пыли длинные следы. То есть движутся!

— Мы считаем, что это работа гипотетиков, —

произнес Оскар без всякого выражения.

Я был вынужден с ним согласиться. Объекты были непохожи на творения человеческих рук. Изображение тем временем погасло. Оскар объяснил, что на беспилотном аппарате отказали сенсоры. По тем же координатам были отправлены другие аппараты, но ничего не смогли зафиксировать. Оскар был склонен толковать эту неудачу с оптимизмом.

Ясно, что на Земле еще присутствуют гипотетики. Ясно и то, что они зафиксировали и отреагировали на появление наших беспилотных аппаратов. Из этого следует, как я полагаю, однозначный вывод: они знают о нас. — Он безмятежно улыбался. — Они знают о нашем приближении, мистер Файндли! Я считаю, что они ждут нашего прибытия.

Глава 11
САНДРА И БОУЗ

Учреждением, где содержался брат Сандры Кайл Койл, был комплекс проживания и ухода «Лайв Оукс». Этому заведению принадлежал большой земельный участок, бывшее ранчо. Неподалеку журчал бойкий ручей и росла дубовая роща, давшая название комплексу[2].

Решив отдать сюда Кайла, Сандра поинтересовалась, откуда взялось такое название — что значит «живые дубы»? Все оказалось очень просто: эти дубы были вечнозелеными, что для Техаса, впрочем, не такая уж редкость.

Однажды, еще ощущая себя чужой в Техасе и стесняясь своего акцента, выдававшего уроженку Новой Англии, она сказала дежурившей медсестре: «Хочу отвезти Кайла в рощу живых дубков у ручья», — и удостоилась непонимающего взгляда. Покраснев, она поправилась: «Я имею в виду — растущих у ручья» — медсестра поняла и кивнула.

---

[2] Примечания: 2
Live oaks — «живые дубы» (англ.).

Не важно, как называть эту рощу, но ее посещение превратилось для Сандры в обязательный ритуал, если позволяла погода. Большинство сотрудников комплекса уже узнавали ее, а она знала их по именам.

— Еще один жаркий денек, — сказала сестра-сиделка, помогая Сандре переместить брата из постели в кресло-каталку. — Но, думаю, Кайлу жара по душе.

— Ему по душе тень от деревьев.

Это было, конечно, только ее предположение. Кайл не отдавал предпочтения ни тени от деревьев, ни чему- либо другому. Он не мог ходить, связно говорить и даже мочился под себя. Свое огорчение он выдавал ухающими звуками и расцарапыванием лица. Радость или по крайней мере спокойное душевное состояние у него выражались гримасой, обнажавшей зубы и десны, — улыбкой животного. Ощущение счастья исторгало из его гортани тихие звуки: «ах-ах-ах».

Сегодня он был счастлив увидеть Сандру — ах! Он сидел, повернувшись к ней лицом, пока она катила его по выложенной камнями тропинке, а затем через зеленую опушку к дубовой роще. Сиделка надела ему на голову бейсболку, чтобы защитить козырьком глаза. Он так выворачивал

шею, что та могла свалиться, и Сандра нахлобучила ему ее по самые уши.

В роще стоял столик для пикника — скорее, для посетителей, чем для пациентов, по большей части лежачих. Сегодня роща была в полном распоряжении Сандры и ее брата. Благодаря тени листвы и влажной прохладе, тянувшейся от ручья, жара становилась терпимой и чуть ли не приятной. Слава Богу, дул какой-никакой ветерок, дубовые листья дрожали и волшебно рассеивали солнечный свет.

Кайл был на пять лет старше Сандры. Пока с ним не случилось то, что врачи называли «несчастным случаем», Сандра всегда могла поделиться с ним своими бедами. Он серьезно относился к своей роли старшего брата, хотя иногда шутил по этому поводу. «Мне нечего тебе посоветовать, Сэнди, — говаривал он. Никому, кроме него, она не позволяла так ее называть. — Разве что какую- нибудь гадость». Зато он всегда терпеливо ее выслушивал, и это было для нее важнее всего.

Она до сих пор любила с ним разговаривать, хотя он не понимал из ее разговоров ровным счетом ничего. Когда она говорила, он не спускал с нее глаз. Наверное, ему просто нравился звук ее го-

лоса, и она, даже помня приговор невропатолога, гадала, не сохранилась ли у него хотя бы частица памяти, тлеющий уголек самосознания, из которого мог бы вдруг вспыхнуть огонь узнавания.

— У меня небольшие неприятности… — начала она.

«Ах», — произнес Кайл. Звук столь же нежный и бессмысленный, как шелест листьев у них над головой.

* * *

Спин убил ее отца и превратил брата в инвалида.

Сандра годами ломала голову, силясь найти главную причину этой катастрофы. Было бы облегчением получить объект для ненависти и виновника несчастья — хоть человека, хоть предмет. Но в данном случае винить было некого. Она перебирала потенциальные мишени, но ни на одной не могла остановиться. За всеми банальными и будничными фактами, как и за всеми бессчетными непостижимыми случайностями, громоздился Спин. Это Спин изменил и искалечил миллионы жизней, в том числе жизнь ее брата и ее собственную.

Но для матери Сандры Спин оказался благом

в каком-то извращенном смысле. Ее карьера инженера-электронщика находилась в тупике, но грянул Спин — и спутниковая связь оказалась вчерашним днем, зато разразился бум на рынке устройств аэростатической передачи сигнала. Ее взяли в компанию магната аэростатики Э.Д. Лоутона, где она разработала систему стабилизации воздушных антенн, запущенную в промышленное производство. На нее имелся большой спрос, и одна командировка следовала за другой.

С отцом Сандры вышло наоборот. Хаос и смятение, последовавшие за исчезновением звезд с ночного неба, привели к глобальной рецессии, при которой отцовский программный бизнес увял, как рождественская елочка после Нового Года. Это — как и сам Спин — повергло его в сильнейшую депрессию. Со временем она утратила остроту, но до конца так и не прошла. «Он просто разучился улыбаться», — объяснял брат десятилетней Сандре, и та была вынуждена мириться с таким ущербным объяснением.

Для следующего поколения дело обстояло проще: для него уже привычным был факт, что Землю окружают безымянные инопланетяне, во власти которых были даже фокусы со временем; для этих богоподобных созданий сама челове-

ческая раса ничего не значила, хотя зачем-то была им все же нужна. Явное противоречие, с которым приходится жить и к которому привыкаешь. Сандра появилась на свет под конец Спина, когда в небе снова загорелись звезды, хотя в невиданном прежде порядке. Самим своим существованием она была обязана последней вспышке не то оптимизма, не то отчаяния у ее родителей, породивших новую жизнь в скатывавшемся в анархию мире.

Но для ее отца возвращение звезд уже не имело значения. У него внутри шел процесс разложения, который было уже не остановить. Об этом не принято было говорить. Мать Сандры, бывая дома, старалась создавать видимость нормальности. Сандра и Кайл не смели с ней спорить, поэтому поддерживать иллюзию было несложно. Отец часто хворал и подолгу оставался наверху, в постели. Понять это было нетрудно: грустно, неудобно, но жизнь продолжалась. Так шло до тех пор, пока однажды Сандра, вернувшись из школы, не нашла отца с братом в гараже.

За три недели до этого Сандре исполнилось одиннадцать лет. Дом оказался пуст, что ее удивило. Кайл был простужен и пропускал школу, но почему-то оставил свой компьютер включенным

на кухонном столе. Перед уходом он запустил какое-то кино, и по экрану с шумом пролетали самолеты, за кадром гремели взрывы, он любил такие вещи. Она выключила компьютер — и услышала шум работающего автомобильного двигателя. Мать укатила на работу на машине, значит, в гараже завели второй семейный автомобиль, на котором ездил отец до того, как залег в темной спальне.

Сандра знала, что такое самоубийство — во всяком случае, уже слышала, как люди кончают с собой, запираясь в замкнутом помещении, где работает на холостых оборотах двигатель. Отравление угарным газом. Кажется, — эта ужасная мысль не покидала ее несколько месяцев после смерти отца, — ей даже было понятно желание отца умереть. С людьми такое бывает, это как болезнь, и осуждать их за это не принято. Но зачем отец потащил с собой в гараж Кайла? И почему Кайл на это согласился?

Она приоткрыла дверь между гаражом и кухней. Ее затошнило от вони выхлопов, она выскочила наружу и подняла большие гаражные ворота, чтобы проветрить помещение. Ворота даже не были заперты и поднялись без труда, хотя отец заткнул щели тряпками, чтобы вы-

хлопной газ не утекал зря. Потом она распахнула переднюю левую дверцу машины, дотянулась до ключа зажигания и выключила мотор. Голова отца безжизненно моталась, лицо отливало синевой, на губах запеклась слюна. Она попыталась его растолкать, но толку не добилась. Кайл сидел рядом с отцом с пристегнутым ремнем безопасности. Может, он думал, что они куда-то поедут? Оба были бесчувственны к ее прикосновениям. Тогда она подняла крик.

Она набрала 911 и стала ждать «скорую» перед домом. Минуты ожидания казались часами. Она хотела позвонить матери, но мать улетела на Шри-Ланку, на промышленную выставку, и она не знала, как до нее дозвониться. Был май, ярко светило солнце, в бостонском пригороде, где они тогда жили, наступало лето. На улице не было ни души. Казалось, все дома погрузились в сон, соседи заперлись внутри и крепко уснули.

Врачи «скорой» увезли Сандру в больницу и подыскали ей место для сна. Мать прилетела из Коломбо на следующее утро. Отец, как выяснилось, умер задолго до того, как его нашла дочь. Врач объяснил, что молодой организм Кайла отчаянно сопротивлялся вдыхаемой отраве. Брат выжил, но его мозг оказался непоправимо

поврежден и навсегда утратил мыслительные способности.

* * *

Мать пережила отца на семь лет и умерла от рака поджелудочной железы, обнаруженного слишком поздно и уже неоперабельного. Она завещала деньги на образование Сандры и на гораздо более дорогостоящее содержание Кайла в специализированном учреждении. При переезде в Хьюстон Сандра поручила своему юристу найти для Кайла хорошее место неподалеку, чтобы она могла его регулярно навещать. Выбор пал на «Лайв Оукс»: специализацией этого комплекса был уход за тяжелыми инвалидами, и он котировался как один из лучших в стране по этой части. Его услуги стоили недешево, но учрежденный матерью фонд мог их оплачивать.

Перед перелетом на запад Кайла накачали успокоительными. Когда он очнулся, рядом с ним сидела Сандра. Возможно, незнакомая кровать в незнакомом помещении не доставила ему радости, но он не подал виду.

* * *

Нежась в волнах полуденного тепла, он как будто дожидался ее рассказа. В этот раз Сандра не знала, с чего ей начать, что было для нее необычно.

Сначала она повела речь о Джефферсоне Боузе: кто такой и насколько ей приглянулся.

— Думаю, тебе он тоже понравится. Он полицейский. — Она помедлила. — Но не только.

Тихо, хотя подслушать ее было некому, она продолжила:

— Тебе всегда нравились сюжеты про Марс и про времена Спина: как из поселений людей выросли целые цивилизации, пока Земля оставалась отгороженной Спином, как они стали достигать четвертой жизненной стадии — продления жизни при условии принятия на себя некоторых обязательств. Помнишь? Об этом мир узнал от Ван Нго Вена, которого потом убили…

В общем, Марс прекратил с нами контакты, но нашлись бессовестные люди, превратившие марсианские препараты для продления жизни в товар, выгодно сбываемый на «черном рынке». Но в окружении Ван Нго Вена были также люди вроде Джейсона Лоутона и его друзей, отнесшиеся

к марсианской этике серьезно. До меня доходили сведения, я читала об этом в Интернете, будто бы появились подпольные группы, достигавшие долголетия по-марсиански. Они соблюдали чистоту метода: не торговали препаратами, а делились ими, как и полагалось, и применяли его мудро…

Теперь она едва слышно шептала. Кайл не сводил глаз с ее губ.

— Раньше я всему этому не верила, а теперь, кажется, готова поверить.

Утром Боуз признался ей, что он не просто коп, а связан с людьми, следующими марсианским традициям. Сказал, что его друзьям ненавистен черный рынок. Полицию можно подкупить, а его друзей — нет, потому что они уже прошли лечение препаратами долголетия так, как оно задумывалось. И он, Боуз, действует в их интересах.

Теперь Сандра тихо пересказывала все это Кайлу.

— Тебе наверняка хочется спросить (как старший брат он наверняка бы об этом спросил), доверяю ли я ему.

Кайл бессмысленно моргал.

— Доверяю. — Он признания вслух ей полегча-

ло. — Меня тревожит неизвестность.

А еще смысл записанного Оррином Матером фантастического сюжета — если в нем имелся какой-то смысл. Бинт на руке Джека Геддеса и то, какое это имеет отношение к склонности Оррина к насилию. Шрам на теле Боуза, который тот пытался от нее скрыть и происхождение которого пока не объяснил.

Сандра забыла о времени. В дубовую рощу пришла медсестра, с трудом волоча ноги от жары.

— Ему пора возвращаться в постель, — напомнила она.

С головы Кайла свалилась бейсболка, но здесь, в тени, это не имело значения. У него были не по возрасту редкие светлые волосы, через которые просвечивал розовый, как у младенца, череп. Сандра подобрала бейсболку и водрузила ее брату на голову.

— Ах.

— Конечно, — сказала она. — Отдыхай, Кайл. Скоро увидимся.

* * *

Желая постичь природу отчаяния, Сандра изучала психиатрию, но ей далась только фармакологическая часть проблемы. Оказалось, что

человеческий мозг легче лечить с помощью лекарственных средств, чем понять. Со времен долгого и мучительного угасания ее отца появилось множество более удачных антидепрессантов, что было само по себе хорошо, но само отчаяние так и осталось клинической и человеческой загадкой — и как состояние, и как болезнь.

На обратном пути в Хьюстон Сандра миновала лагерь приюта — одно из тех мест, где размещали тех ее пациентов, кто получал статус опекаемых. Проезжая здесь, Сандра всегда испытывала угрызения совести и старалась смотреть мимо, благо что строения лагеря были невысокие, да и въезд в него ничем не выделялся и был помечен малозаметной табличкой; помогала и густая зеленая изгородь, пожелтевшая от засухи. Главное было не замечать высокие сторожевые башни с часовыми. Увы, она знала, что представляет собой лагерь: огромный двухэтажный жилой корпус и множество цельнометаллических трейлеров Агентства по чрезвычайным ситуациям, а по периметру все это обнесено колючей проволокой. Жившие там мужчины и буквально считанные женщины были предельно разобщены, и объединяло их только одно — нескончаемое ожидание. Других занятий в таком место быть не могло.

Ждать приходилось своей очереди на предоставление рабочего места, редкой возможности улучшить жилищные условия, получения писем от далеких и равнодушных родственников. Ждать, по мере угасания оптимизма, чуда — своего шанса начать новую жизнь.

Целый городок из колючей проволоки, листового железа и хронического отчаяния! Побороть отчаяние здесь пытались при помощи медикаментов — возможно, она сама кому-то что-то выписывала, и ее рецепты ежегодно возобновляли в лагерном диспансере. Иногда и этого оказывалось недостаточно — Сандра слыхала, что наибольшей проблемой безопасности в лагере является незаконное проникновение с воли жидкостей и веществ, помогающих забыться: спиртного, травки, опиатов и других наркотиков.

На рассмотрении у техасских законодателей находился законопроект о приватизации таких лагерей. В нем фигурировало разрешение на «трудовую терапию», то есть на наем здоровых лагерников на сезонные работы, чтобы компенсировать затраты штата на их содержание. По мнению Сандры, принятие такого закона означало бы окончательную гибель веры в по-

печительский проект, если она у кого-то еще оставалась. То, что задумывалось как утешение и защита хронически бедствующих, превращалось в узаконенное рабство — в едва замаскированный источник дешевой рабочей силы, подстриженной и в стиранных рубахах.

В зеркале заднего вида исчезли сторожевые башни, их заслонили желтые холмы. Сандра вспоминала, как ее разозлил Конгрив, отнявший у нее дело Оррина Матера, чтобы помешать поставить неудобный диагноз. Но разве у нее самой чистые руки? Сколько людей она обрекла на интернирование, решив, что они отвечают параметрам диагностики и статистики? Да, этим она спасала их от уличной жестокости и насилия, от эксплуатации, СПИДа, голода и наркотиков — казалось бы, откуда взяться угрызениям совести? Но для чего она их спасала?

Домой она добралась уже в сумерках. Наступил сентябрь, дни стали короче, но стояла жара почище, чем в середине августа.

Сандра проверила электронную почту на предмет новых сообщений от Боуза. Одно нашлось — всего лишь очередная часть опуса Оррина.

Она взялась разогревать в микроволновке обед, но тут зазвонил телефон. Она ответила сразу, так

как ждала, что это будет Боуз, но голос оказался незнакомый.

— Доктор Коул? Сандра Коул?

— Я слушаю. — Почему-то она сразу насторожилась.

— Надеюсь, вы с пользой навестили сегодня вашего брата.

— С кем я говорю?

— С тем, кому небезразличны ваши интересы.

От страха у нее свело живот, побежали мурашки по спине, стиснуло сердце. «Дело плохо!» — пронеслось в голове. Но она не прервала связь, а стала слушать дальше.

Глава 12
РАССКАЗ ТУРКА

1

— Самое величественное в них, — разглагольствовал Оскар, — почти непостижимо грандиозное — это их физическая структура, многие триллионы компонентов, от микроскопических до огромных, разбросанных по всей галактике! Человеческое тело по сравнению с этим — ничтожная, менее чем микроскопическая частица. И тем не менее мы им не безразличны. В некотором смысле мы — важная часть их существования. — Абстрактная улыбка, как у человека, любующегося священным видением, застыла на лице Оскара. — Они знают, что мы здесь, и движутся нам навстречу.

Речь шла, конечно же, о гипотетиках.

Оскар впервые пригласил меня к себе домой. Раньше мне как-то не приходило в голову, что у него есть дом и семья. Но они у него были, и он захотел, чтобы я это увидел. Симпатичный домик у правого борта Вокс-Кора — низенький,

из камня и дерева, лиственные деревья вокруг. При мне дома находились три женщины и двое детей — дочери восьми и десяти лет. Одна из этих женщин была его постоянной подругой, две другие — дальние родственницы; в вокском языке есть термин для их степени родства, но на английский его не перевести, и мы сошлись на «кузинах». Семейство ело тушеную рыбу с овощами, которой накормили и меня, заодно расспросив про двадцать первый век; потом кузины увели расшумевшихся девчонок. Подруга Оскара, обладательница кроткого взгляда по имени Брион (опуская цепочку почетных титулов) немного посидела с нами после трапезы, но затем попросила прощения и удалилась. Тогда Оскар и завел разговор о гипотетиках. Искусственный свет за окном тем временем понемногу померк, что означало наступление вечера.

Это была не просто беседа. Я сообразил, что Оскар пригласил меня с целью задать трудный вопрос или обратиться с тягостной просьбой.

— Допустим, они о нас знают, — сказал я ему. — Что с того?

Он прикоснулся к панели управления на столе, и в воздухе между нами повисло изображение машин гипотетиков, движущихся по антаркти-

ческой пустыне, вид с большой высоты — три безликих куба и еще с полдюжины параллелепипедов поменьше, простейшие фигуры, как из школьного учебника геометрии.

— За последнюю неделю они сменили направление своего движения, — сообщил Оскар. — Теперь наши траектории должны пересечься.

Не он один был горд этим очевидным подтверждением вокского пророчества: такую же понимающую улыбку я видел в тот день на многих лицах.

— Эти машины — назовем их так — снуют по всем континентам Земли. Теперь, зная, чего искать, мы можем опознавать и анализировать их маршруты. Есть свидетельства их перемещения даже по океанскому дну. По мнению наших ученых, они занимаются подробнейшей топографической съемкой земной поверхности.

— Зачем им это надо?

— Любой ответ будет гипотетическим. Но вы только представьте, мистер Файндли: эти машины — локальные воплощения интеллекта, буквально пронизавшего галактику, и они движутся навстречу нам!

Если это так, то они явно не спешили: машины гипотетиков покрывали за час километра два-три

по непересеченной местности. До них оставалось больше тысячи километров, они ползли пока что по открытой всем ветрам Земле Уилкса, и им еще предстояло перевалить через Трансантарктические горы.

— Мы решили отправить им навстречу экспедицию! — провозгласил Оскар.

Казалось, он ждет, что это известие приведет меня в такой же восторг, как его, что его воодушевление окажется заразительным — наверное, так оно и было бы, если бы я был подключен к Сети. Не дождавшись от меня реакции, он продолжил:

— Наши беспилотные аппараты немедленно выходят из строя, приближаясь к этим машинам на определенное расстояние. То же самое может произойти с пилотируемыми аппаратами. Поэтому мы собираемся достичь некоей точки вне этого радиуса и дальше продвигаться пешком.

— Зачем, Оскар? Что вам это даст?

— По меньшей мере мы проведем пассивную разведку. Возможно будет иметь место и взаимодействие с машинами.

Одна из кузин принесла нам стаканы с соком и вышла. За открытыми окнами дул вечерний ветерок. Видно было, как вдали идет дождь.

— В любом случае, — осторожно продолжил Оскар, — мы считаем, что в экспедиции было бы полезно присутствие одного из Посвященных.

В Вокс-Коре нас, Посвященных, было всего двое — я и Айзек Двали. Я следил за его исцелением. Ему успешно восстановили черепную коробку, он уже мог пройти несколько шагов и произнести несколько малопонятных слов. Но все еще был слишком слаб, чтобы рискнуть принять участие в экспедиции вглубь Антарктики.

— У меня есть выбор?

— Разумеется. В данный момент я всего лишь предлагаю вам подумать.

Собственно, я уже знал, что мне придется согласиться. Этим я укреплю веру Оскара в возможность превратить меня в приверженца вокских принципов. А верить в эту возможность Оскару было необходимо, так как без этого план Эллисон ни за что не осуществился бы.

Если такой план все еще существовал. Если мы не попали в плен нашей собственной лжи.

* * *

По правде говоря, у меня не было никакого другого дома на свете, кроме Вокса. Который, как уверял Оскар, был готов меня усыновить, если я

не откажусь от статуса его пасынка.

Вот я и постарался сделать вид, что его предложение мне хотя бы немного интересно.

Возможно, оно и вправду представляло для меня некоторый интерес. Теперь, когда я лучше узнал Вокс, он уже не был для меня пугающей абстракцией. Я научился правильно одеваться, чтобы не выделяться в толпе, стал кое-как ориентироваться в главных традициях их общества. Добросовестно изучал предоставленные мне книги, пытаясь выудить суть из всего этого юридического хитросплетения. Я узнал, что Вокс зародился как организованное государство посреди океана, покрывавшего всю планету по имени Эстер, один из Срединных Миров в ряду обитаемых планет. Мне уже были знакомы имена основателей здешней лимбической демократии, вся пятисотлетняя история его войн и политических союзов, его побед и поражений. Я мог тезисно воспроизвести теоретические постулаты так называемых Пророчеств Вокса. (Вызывало мистический ужас то, что некоторые из нас, исчезнувших в Арке Времени десять тысяч лет назад, были названы в этих пророчествах по именам. Наше второе пришествие было предсказано с точностью до дня и даже часа!)

Короче говоря, я начинал создавать себе вокскую идентичность, разве что обходясь пока без «узла» на затылке.

Эллисон тем временем дрейфовала в противоположном направлении, удаляясь от своего прошлого и погружаясь в свою «имперсону». Ценой этого становилась изоляция от общества и хроническое, угнетающее одиночество. Это тоже делалось с четкой целью: она хотела убедить своих надсмотрщиков, что утрачивает контакт с реальностью.

Простившись с Оскаром, я отправился обратно к себе, то есть к нам с Эллисон. Я застал ее сидящей за столом, сгорбившись, за тем занятием, которому она упорно посвящала дни напролет вот уже несколько недель: она писала карандашом на бумаге. Бумага не была на Воксе невидалью, ее производили в небольшом количестве для различных нестандартных целей. Классических карандашей и ручек на Воксе вообще не использовали, но я объяснил Оскару, что это такое, и он сделал заказ в мастерской. Получились грифели в трубочках из углеродного волокна, похожие на «механические карандаши» из моего прошлого.

Настоящая Эллисон Пирл обожала делать всевозможные записи, и ее дневники очень

пригодились воссоздавшим ее вокским специалистам. Я положил руку ей на плечо — мол, вернулся домой. Заглянул в тетрадку и попытался разобрать ее почерк (буквы получались крупные и шаткие: бедняжку наделили любовью Эллисон Пирл к писанине, но не самому физическому навыку бумагомарания). Вокс к этому времени, что называется, бросил якорь у самого антарктического материка, в глубокой заводи, где некогда находился шельфовый ледник Росса. Эллисон побывала днем на высокой башне и теперь описывала увиденное:

«…горы — хребет Земли Королевы Мод из древних атласов — это серые зубья под мерзким небом, мертвые, как и все остальное на этой загубленной планете; зеленые тучи поливают желтым дождем выветренные склоны. Это как приговор человечеству, и хотя я знаю, что люди отсюда ушли, это все равно выглядит монументальным напоминанием о наших ошибках, о том, как мы жили, и о последствиях, которых мы не смогли предвидеть и понять…»

Она прикрыла рукой страницу и подняла на меня глаза.

— Оскар хочет отправить меня на материк, — сказал я. Сначала я рассказал ей о намеченной

экспедиции, потом мы поговорили о том о сем, как обычно, не забывая о том, какое впечатление наш разговор произведет на невидимых слушателей. Идея экспедиции ей не понравилась, но она не стала спорить.

Потом она продолжила свои записи. Я взял одну из своих книг («Упадок Марса и марсианская диаспора») и унес ее в постель, вспоминая слова Оскара о «непостижимой грандиозности» гипотетиков. Они создали цепочку миров, соединенных Арками, один конец которой находился на Земле, другой на Марсе. На десяти промежуточных обитаемых планетах красовался непрерывный ландшафт, названный в книге «распределенной межзвездной топологией». Марс никогда не был уютным местом для землян, как мы ни старались его преобразовать, поэтому возможность перебраться в зеленые, удобные миры оказалась подарком, от которого марсиане не смогли отказаться. Но без их заботы покинутый Марс стал прежним — холодной и безводной планетой, одной из множества враждебных пустынь, которых полно во вселенной. Так марсиане, как ранее земляне, утратили обитаемый и обжитой мир.

Я помнил рассказы про марсианского посла Ван Нго Вена, прилетевшего с Земли на Марс во вре-

мена Спина. Он описывал Марс как значительное более здоровое место, чем Земля. Марсиане уже начали понемногу осваивать технологию гипотетиков и создали, в частности, свое знаменитое средство продления жизни. Но, как явствовало из книги, в конечном счете они отказались от него и от других плодов технологии гипотетиков. В книге говорилось о приоритете марсиан в области бионормативной философии. Биотехнологию как таковую они не отвергали, — первые кортикальные демократии были марсианским изобретением, — но настаивали, что она должна ограничиваться только людьми, иначе будет невозможно ее полностью понять и проконтролировать.

В книге утверждалось, что такой подход близорук и деспотичен.

Когда Эллисон пришла спать, я уже отложил книгу. Мы по-прежнему спали вместе, хотя уже несколько недель не занимались любовью. Наибольший риск возникал при утрате самоконтроля: невозможно было предугадать, как Сеть истолкует наши звуки и вздохи… Сценарий, который мы для себя сочинили, исключал моменты страсти.

Но мне ее не хватало не только физически.

Проснувшись той ночью, я услышал, как она невнятно бормочет английские и вокские слова. Ее сон был беспокойным, глаза двигались под веками, лицо было мокрым от слез. Я дотронулся до ее щеки, и она со стоном отвернулась.

2

Накануне запланированного начала экспедиции я навестил Айзека Двали. Со мной в медицинский стационар увязался Оскар: мое общение с Айзеком представляло для него профессиональный интерес.

— Ваше присутствие всегда производит на него сильное впечатление, — сказал он мне. — При вас у него повышается пульс, усиливается и становится более четкой активность мозга.

— Может, ему просто нравится компания.

— Больше никто на него так не действует.

— Думаете, он меня узнает?

— Несомненно, — сказал Оскар. — Так или иначе.

Состояние Айзека заметно улучшилось, и большую часть медицинских приборов, подсоединенных к нему раньше, теперь убрали. Неподалеку от него по-прежнему роились врачи и медсестры, но он их игнорировал и смотрел

только на меня.

Теперь он мог это делать — смотреть. Ему уже почти полностью восстановили туловище и голову. Слева череп еще оставался прозрачным, и когда он открывал рот, я мог видеть движение его челюстей, напоминавшее движение крабов в мутной луже, оставшейся после прилива. Но его новый левый глаз уже не выглядел залитым кровью и фокусировался на предмете заодно с правым. Я шагнул к его шезлонгу.

— Привет, Айзек.

Его челюсть по-крабьи задвигалась под переплетением капилляров.

— Ту, — выговорил он. — Ту-ту…

— Это я, Турк.

— Турк! — почти выкрикнул он.

Один из вокских врачей зашептал на ухо Оскару, тот перевел:

— У Айзека резко улучшились сознательно-моторные функции, но отстает самоконтроль…

— ЗАТКНИСЬ! — взвизгнул Айзек.

Гипотетики оставили на Айзеке сильный отпечаток, что сделало и его самого почти богоподобным существом. Я представлял, как худо приходится Оскару, когда на него повышает голос божество с плохим самоконтролем.

— Я здесь, — сказал я. — Вот он я, Айзек.

Но попытка заговорить лишила его сил. Он смежил веки, руки под ремнями, притягивавшими его к шезлонгу, заходили ходуном.

— Обязательно его привязывать? — спросил я, оглянувшись.

Вокские эскулапы пошушукались, потом Оскар ответил за них еле слышным шепотом:

— Боюсь, что да, для его же безопасности. На этой стадии выздоровления он легко может причинить вред самому себе.

— Не возражаешь, если я побуду подольше?

Вопрос предназначался Айзеку, но Оскар подставил мне табурет. Когда я сел, глаза Айзека взволнованно завращались, пока не уперлись в меня. На его бледном лице появилось не то тревожное, не то облегченное выражение.

— Можешь молчать, — сказал я ему, и он задрожал, словно хотел вырваться.

— Он хорошо реагирует на звук вашего голоса, — сказал один из врачей.

И я заговорил. Я говорил с Айзеком около часа, принимая его кряхтение за поощрение. Я не был уверен, понимает ли он, что такое Вокс и как он здесь очутился, поэтому мой рассказ был об этом. Я рассказал ему о том, как в пустыне на

Экватории Арка Времени прошлась по нам, и как через десять тысяч лет мы перенеслись на Вокс. Теперь, продолжал я, мы опять на Земле, где у Вокса есть кое-какие дела, вот только Земля за многие столетия нашего отсутствия изрядно изменилась к худшему.

У меня было ощущение, что Оскару этот мой рассказ не по нраву. Наверное, он рассчитывал познакомить Айзека с Воксом по-своему, своими словами. Но врачей радовала физическая реакция Айзека, а Оскару не хотелось снова его разозлить.

Аудиенцию свернул сам Айзек. Его взор затуманился, вид сделался сонный.

— Не хочу тебя утомлять, — сказал я ему. — Какое-то время меня не будет, но скоро я опять тебя навещу, даю слово.

Я встал. Вот тут-то Айзек и затрясся. Это была уже не просто дрожь, а нешуточные конвульсии: голова моталась из стороны в сторону, глаза вылезали из орбит из- под тонких, как папиросная бумага, век. К нему бросились доктора, я отшатнулся.

— Турк! — крикнул он, брызжа слюной.

Крикнул — и одеревенел. Глаза закатились, остались одни белки. Потом губы, язык и челюсть

опять пришли в движение, и раздались отчетливые английские слова:

— *Грандиозно! Триллионы компонентов, разбросанных по всей галактике! Они знают, что мы здесь, и движутся нам навстречу.*

То же самое говорил мне раньше Оскар! Я покосился на него. Его бледность соперничала сейчас с бледностью Айзека.

— Турк! — еще раз крикнул Айзек.

Один из медиков приставил к его шее серебристую трубку. Он обмяк и откинулся на шезлонг с закрытыми глазами, а главный врач бросил на меня не нуждавшийся в переводе взгляд. Я должен был немедленно выйти вон.

3

В утро начала экспедиции мы поднялись на башню, и Эллисон проводила меня на взлетную площадку. Ее защищал от отравленного воздуха прозрачный осмотический фильтр. Вокруг нас сновали солдаты, разбиравшие разложенное на площадке снаряжение. Мимо проплывали просвеченные солнцем зловещие облака цвета охры.

На прощанье Эллисон крепко меня обняла.

— Возвращайся, — сказала она и добавила на ухо, шепотом: — Быстрее!

Даже это было рискованно. Она, наверное, понадеялась, что Сеть ее не услышит, а даже если услышит, то примет это словечко за мольбу женщины к мужчине, которого она боится потерять. Но она имела в виду совсем другое: «Надо действовать быстрее, иначе мы лишимся наилучшего шанса на бегство. Нас могут в любой момент разоблачить».

— Обязательно, — прошептал я в ответ, имея в виду «я знаю».

Глава 13
САНДРА И БОУЗ

Сандра дозвонилась до Боуза только в половине одиннадцатого. Выслушав ее, он велел ей сидеть и ждать, пообещав быстро примчаться. Прошло меньше получаса, а он уже звонил ей снизу. Она впустила его в подъезд и напряженно ждала, пока поднимется кабина лифта, пока он постучит в дверь. Отодвинула задвижку, распахнула дверь.

На нем была не форма, а джинсы и белая футболка. Он извинился, что не сразу ответил на ее звонок. Она предложила ему кофе, специально сваренный к его приходу, но он помотал головой.

— Лучше расскажи, что сказал этот человек. Как можно ближе к тексту.

* * *

Звонивший говорил хрипло, чуть в нос, она приняла его за старика. Ее больше всего напугала его оскорбительная фамильярность. Он назвал себя «тем, кому небезразличны ее интересы», но она поняла его в точности наоборот.

«Речь о Кайле? Что с ним?»

«С ним все по-прежнему, не лучше и не хуже обычного, — прозвучало в трубке. — Повреждение мозга? Понятно, почему он сделался овощем и проведет всю жизнь взаперти».

«Назовите себя, иначе я прекращаю разговор».

«Ваше право, доктор Коул. Но я пытаюсь вам помочь, так что лучше вам не торопиться. Знаю, сегодня вы навещали брата. Мне известно о вас еще кое-что. Вы работаете в приюте и принимаете участие в судьбе одного пациента, Оррина Матера. Про Джефферсона Боуза мне также известно. К полисмену Боузу у вас тоже интерес».

Она молча вцепилась в трубку так, что свело пальцы.

«Я не утверждаю, что вы с ним спите, но вы проводите с ним многовато времени, а ведь вы только недавно познакомились. Вы хорошо его знаете? Советую поразмыслить об этом».

Повесить трубку или слушать дальше, чтобы потом пересказать Боузу, чего хотел звонивший? Тот бесцеремонно вмешивался в ее личную жизнь, тем не менее она постаралась не терять голову.

«Если ваша цель — напугать меня, то…»

«Чем вы слушаете? Не напугать, а помочь.

Помощь будет вам очень кстати. Вы не представляете, во что вляпались. Что этот Боуз рассказал вам о себе, доктор Коул? Назвался единственным честным копом по всей хьюстонской полиции? Наплел, что хочет разгромить сеть торговли препаратом долголетия? Позвольте, я обрисую вам Джефферсона Боуза немного по-другому. Портрет получится несколько отталкивающий. Карьера в полиции у него не задалась, повышение ему не светит. Он упорно донимает ФБР своей теорией нелегального ввоза в страну химических средств при содействии местного импортера, но от него отмахиваются. Для поддержки своих обвинений он состряпал доказательства — какие- то показания умственно отсталого ночного сторожа. Для этого он не побрезговал соблазнить сотрудницу приюта.

Вами воспользовались, лучше вам взглянуть правде в глаза».

«Идите к черту!»

«Не верите — не надо. Ваше право. Мы можем так проспорить всю ночь. Но я же говорю, моя цель — помочь вам. Или помочь вам помочь вашему брату Кайлу, если так вам больше нравится. Надо отдать полисмену Боузу должное — не все, что он говорит, полная чушь. Кое-кто в Хьюстоне

связан с торговлей препаратами долголетия, это факт. Торговля эта нелегальная, тоже факт. Но задайте себе вопрос, если раньше не задавали: так ли плохо то, чем они занимаются? Что дурного в том, чтобы прожить лет на тридцать-сорок дольше? Какое у властей право лишать нас такой возможности? Это, видите ли, мешает их социальному планированию…»

«Если вы пытаетесь что-то мне доказать…»

«Я побуждаю вас мыслить нестандартно, доктор Коул. Вы молоды, здоровы, вам марсианские снадобья ни к чему — и ладно. Но вы иначе запоете, когда начнет обвисать кожа, когда в жизни вам уже ничего не будет светить, только больничная койка да могила. Хорошо, до этого еще далеко. Но мало ли что? Скажем, вам поставят нехороший диагноз — не через много лет, а на следующей неделе: рак в четвертой стадии, против которого обычная медицина бессильна. Препарат жизни — это не только долголетие. Вы проживете дольше, потому что он у вас внутри, находит в организме поврежденные клетки, опухоли и все такое. Он излечит вас от рака. Вы по- прежнему за запрет этого препарата? Хотите обречь саму себя на смерть во имя какой-то „геномной безопасности“? Вы уж меня простите, но

это уже полная ерунда!»

«Какое это имеет отношение к…»

«Повторяю, прямо сейчас это лечение вам без надобности. Допускаю, что вы такая упрямая и принципиальная, что лично вам оно вообще никогда не потребуется. Но напомню, это лечение, лечение того, что иначе не лечится — болезней тела и, кстати, мозга».

«Все это какой-то абсурд», — выдавила она едва слышно.

«Наоборот, я видел это собственными глазами».

«То, о чем вы говорите, преступление».

«Я говорю о пузырьке размером с ваш указательный палец, с бесцветной жидкостью внутри. Представьте, что она значила бы для Кайла. Вы забираете брата из „Лайв Оукс“ и даете ему препарат. Сначала лихорадка, но пройдет пара недель — и он будет как новенький, вся поврежденная мозговая ткань полностью восстановится, во всяком случае, к нему вернется нормальная жизнь. Подумайте о своей ответственности врача и сестры. Даже при самом лучшем лечении, приобретаемом за хорошие деньги, Кайл постепенно угасает, он и так уже наполовину мертв, а дальше станет еще хуже, сами знаете. Вы что, позволите

ему уйти? Или сделаете одну простейшую вещь, которую другие делают каждый день из эгоистических соображений? Задайте себе этот вопрос. Это конкретное предложение. Тот пузырек, о котором я толкую, сейчас у меня в руке. Я могу доставить его вам анонимно и совершенно безопасно. Никто ничего не узнает, только вы да я. Вам придется сделать одно: перестать вмешиваться в дела доктора Конгрива. Встаньте завтра утром, поезжайте в приют, попросите у Конгрива прощения и подпишите отказ от участия в деле Оррина по причине конфликта интересов».

Несмотря на жару и на стекавший по ее щеке пот, Сандра похолодела. Занавески на окне трепал ветерок, в дальнем углу комнаты мигал в немой истерике телеэкран.

«Я не принесу Оррина в жертву».

«Какая еще жертва? Штат возьмет Оррина на свое попечение. Что в этом' страшного? Чисто, ежедневный уход, ночевкам на улице конец, по-моему, очень достойный результат. Или вы совершенно не доверяете той системе, в которой трудитесь? Если это такой уж плохой вариант, то, может, вам лучше заняться в жизни чем- то другим?»

Может, и нужно. Может, она уже сделала это.

Может, ей вообще не следовало слушать незнакомца.

«Откуда я знаю, что вам можно верить?»

«Достаточно этого моего звонка вам. Пожалуйста, поймите, это никакая не угроза. Я просто пытаюсь заключить с вами сделку. Да, гарантий быть не может. Но нельзя ли рискнуть, когда на кону будущее вашего брата?»

«Вы — всего лишь голос в телефоне».

«Хорошо, сейчас я прекращу разговор. Мне не нужно ваше „да“ или „нет“, доктор Коул. Просто обдумайте ситуацию. Если вы изберете верный путь, то будете вознаграждены. Остановимся на этом».

«Но я…» — начала было она.

Бесполезно. Звонивший оборвал связь.

* * *

Она все пересказала Боузу, удивляясь своему спокойствию, хотя удивляться было, наверное, нечему — тому способствовали два бокала вина, которые она осушила, дожидаясь его. Ее мать, именно так поступавшая в напряженные моменты, говорила, что после двух бокалов ей «море по колено». Она взглянула на этикетку на бутылке калифорнийского вина и усмехнулась: оно назы-

валось «Солнечное мелководье».

— Мерзавец! — сказал Боуз.

— Самый что ни на есть.

— Наверное, он за тобой следил. И имеет связи, иначе как бы он выяснил, кого ты навещаешь в… — как это называется?

— Комплекс проживания и ухода «Лайв Оукс».

— Там содержится твой брат?

— Да, Кайл.

— Ты не говорила мне про своего брата.

— Это не значит, что я что-то от тебя скрываю.

Он посмотрел на нее с интересом.

— У меня и в мыслях этого нет. Лучше скажи, ты ничего особенного не заметила, когда ездила туда? Незнакомое лицо, машину?

— Ровным счетом ничего.

— Что это был за голос?

— Я бы сказала, что он принадлежит мужчине в летах, хладнокровному… Пожалуй, это все. — Она надеялась, что в ее телефоне должен был сохраниться номер звонившего, и была разочарована, естественно. — Я даже не знаю, с чего он решил, что есть смысл пугать меня или шантажировать. Конгрив уже отнял у меня дело Оррина. Никакого решения как врач я все равно принять не смогу.

— Если тебя не скомпрометировать, ты оста-

ешься для них опасной. Если дело дойдет до суда, ты можешь дать показания против Конгрива, а то и обратиться к властям и рассказать все, что тебе известно.

— Но без показаний Оррина…

— Сейчас эти люди вряд ли озабочены возможностью его выступления в суде. Их тревожит другое — то, что он видел на складе. Если он заговорит, это будет чревато федеральным расследованием. Объявить Оррина недееспособным — только первый шаг. Думаю, его накачают медикаментами и уберут с глаз долой. А то и вообще прикончат.

— Только не это! — прошептала Сандра.

— В лагере с ним может произойти все, что угодно, — тихо проговорил Боуз.

И был прав. Она знала статистику: всего за год в местном лагере жестоким нападениям подверглось человек пять-шесть, не считая смертей от передозировки наркотиков и самоубийств. По процентным показателям техасские лагеря были сравнительно безопасными: их обитателям грозило меньше опасностей, чем при жизни на улице. Но произойти и там могло все что угодно. Возможно, некоторым помогали уйти из жизни.

— Как нам их остановить?

— Не торопись. Присядь, — сказал ей Боуз с улыбкой.

— Посоветуй, как мне поступить.

— Мне надо подумать.

— Времени у нас в обрез, Боуз. — Решение судьбы Оррина в было назначено в пятницу, но Конгрив при желании может сделать это и раньше.

— Знаю. Но сейчас глубокая ночь, нам обоим надо поспать. Я останусь у тебя, не возражаешь?

— Обязательно останься.

— Если хочешь, мне сойдет и кушетка.

— Даже не думай.

* * *

За завтраком, сидя за кухонным столом и наблюдая, как Боуз с аппетитом уминает приготовленную для него яичницу, Сандра вспоминала, что вчерашний аноним говорил про Кайла.

— Как ты считаешь, моему брату мог бы помочь препарат долголетия?

Ночью, в темной спальне, она рассказала Боузу про Кайла и отца. Все время рассказа он не выпускал ее из объятий. Позволив ей договорить, он не стал произносить банальных слов утешения. Только молчал, ласково целуя ее лоб, и этого ей

было более чем достаточно.

— Физические повреждения это устранило бы, но таким, как прежде, он бы не стал. Не вернулись бы ни воспоминания, ни навыки, ни сама личность.

Она вспомнила томограмму мозга Кайла, которую ей показал невролог в «Лайв Оукс» — пласты отмершей ткани, похожие на крылья страшной черной моли. Даже если бы эти участки удалось каким-то чудом оживить, они остались бы пустыми. После лечения Кайл стал бы обучаемым, возможно, даже заговорил бы, но все равно полное исцеление было немыслимо. (И даже выздоровев, он не стал бы Кайлом…)

— Это еще не все изменения, — продолжил Боуз. — Биотехнология остается в клетках человека навсегда. Некоторых это приводит в ужас.

— Потому что это технология гипотетиков?

— Совершенно верно.

— У Оррина написано, что марсиане в конце концов сами от этого отказались, — напомнила Сандра.

— Это все догадки.

— Мы так и не знаем, куда он ходил со всей этой писаниной до нас.

— Да, не знаем.

— Но это и не важно, ведь так? Главное, обеспечить ему безопасность.

Боуз помолчал. Сандра уже научилась уважать это его молчание, течение его мыслей. Она открыла кухонное окно, чтобы впустить свежий воздух, но вместо свежести их обожгло жаром, из окна пахнуло каким-то металлическим запахом.

— Меня тревожит, что это становится опасно для тебя, — проговорил Боуз.

— Спасибо. Я сама встревожена. Но по-прежнему хочу помочь Оррину.

— Ты уж меня прости, что я тебя во все это вовлек. Если ты не поступишь так, как подсказывает звонивший, то можешь вылететь с работы.

— Похоже на то.

— Не ты одна. Вчера меня вызывали к капитану, начальнику нашего участка. Он поставил меня перед выбором: либо я не вмешиваюсь в то, что происходит у вас в приюте, либо сдаю свой пистолет и жетон.

— Как я догадываюсь, ты выбираешь второе?

— О своей карьере я подумаю завтра. Нам надо вытащить оттуда Оррина пока что. Тогда они с сестрой смогут спрятаться и дождаться, покуда все стихнет.

— Надо, но как?

Он еще помолчал, размышляя.

— Ты совершенно уверена, что хочешь влезть в это еще глубже?

— Скажи мне, что надо делать, Боуз.

— Вариантов несколько. Например, вернуться и попросить прощения, сделать вид, что ты взялась за ум.

— Это твой план?

— Часть моего плана.

— Хорошо, допустим, я так и поступлю. Что дальше?

— Как только Конгрив уходит домой, ты звонишь мне. Я приезжаю, и мы с тобой решаем, как вызволить Оррина.

Глава 14
РАССКАЗ ТУРКА

«Головная экспедиция» — название, на котором настоял Оскар, — состояла из полусотни человек. Это были в основном солдаты, а также полдюжины штатских менеджерского сословия и дюжина ученых и техников. В нашем распоряжении был летальный аппарат, достаточно большой, чтобы вместить всех нас со всем снаряжением.

По словам Эллисон, таким летательным аппаратом мог управлять всего один пилот, подсоединенный к Сети. Сеть предоставляла ему доступ к приборам управления. Собственно, корабль пилотировал сам себя, его автономные подсистемы диктовали летчику намерения. Все поверхности кабины были заняты панелями управления и дисплеями. Происходящее за бортом представало в виртуальных иллюминаторах, один из которых красовался напротив скамейки, где сидели мы с Оскаром.

Снаружи царствовало неприглядное однообразие. Но когда мы оказались над материком и приблизились к горам Земли Королевы Мод,

картина стала меняться. На высочайших пиках хребта еще белели остатки ледников. Лед был белоснежный, очищенный от грязи, благодаря испарению с морской поверхности на затененных склонах он отдавал синевой, от которой захватывало дух.

Перевалив через горы и оказавшись над материковой пустыней, мы влетели в густое облако и угодили под снегопад. Я спросил Оскара, безопасно ли лететь в таких условиях. Он посмотрел на меня гак, словно я задал по- детски глупый вопрос.

— Абсолютно безопасно.

Его явно волновало совсем другое. Поколения жили и умирали в надежде, что в один прекрасный день Вокс встретится и сольется с гипотетиками, и вот теперь поколению Оскара выпала честь осуществить это пророчество. Присоединившись к экспедиции, он оказался на самом острие этого эпохального события. С его точки зрения, это было потрясающей удачей, независимо от того, чем все кончится — успехом или провалом.

* * *

До самой посадки за бортом свирепствовал шквальный ветер.

Если бы с моих времен сохранились карты, то ориентироваться по ним было бы опасно. Толстые ледяные щиты растаяли уже много столетий назад, моря Росса и Уэдделла соединились и отрезали Восточную Антарктику от огромных островов у западного побережья материка. По словам Оскара, место нашего приземления находилось на бывшей Земле Уилкса, примерно на семидесятой широте Южного полушария. Это была плоская галечная равнина.

Лишь только наше судно коснулось земли, мы надели непродуваемые толстые комбинезоны, хранившие тепло тела, и плотные маски, в которые подавался воздух из баллонов. Люк открылся, и мы оказались посреди невзрачной, но не сказать, чтобы совсем уж уродливой местности. Вся Антарктика представляла собой пустыню, но и пустыни часто бывают красивы. Я вспомнил просторы Экватории, пустыни Юты и Аризоны, старые пейзажи Марса, бывшие до Спина, до уподобления планеты Земле. Нас встретил каменистый и по-марсиански безжизненный

ландшафт. Климат здесь был холодный, как и обещал Оскар, но не настолько, чтобы не таяли ледники, и довольно сухой. Снегопад в конце лета, под который мы попали, не мог образовать даже стойкого снежного покрова: снег таял прямо на глазах, несмотря на налетавшую то и дело метель, которая заметала все впадины и не позволяла как следует разглядеть уходящие вдаль параллельными рядами невысокие хребты.

Сквозь облака порой проглядывало низкое солнце. Оставалось еще несколько часов светлого времени суток, но мы были полностью оснащены для работы в темноте. Солдаты погрузили мощные прожекторы и груды всевозможного оборудования в самоходки-вездеходы на высоких колесах. Потом экспедиция построилась в длинную колонну: ее авангард составляли военные, арьергард — штатские, то есть мы.

Ориентировались мы по компасу. До машин гипотетиков было еще очень далеко — мы специально приземлились вне того периметра, где исчезали вокские летательные аппараты. Теперь мы должны были на собственном опыте испытать, как повлияет на нас и на наши приборы пересечение опасной невидимой черты. «Конечно, мы доверяем гипотетикам, — объяснял

Оскар. — Но у них, как у всех живых существ, что-то обязательно функционирует само по себе. Что-то может происходить вопреки их воле, особенно учитывая огромные различия в шкалах времени и пространства у нас и у них». Но все его слова почти ничего не значили по сравнению с воем ветра, с монотонным хрустом гальки у нас под ногами, с запахом сероводорода, который мы вдыхали, несмотря на маски.

* * *

Мы шагали уже почти час, когда один из членов технической бригады, не расставшийся с каким-то прибором, подал знак остановиться.

— Вот и периметр, — прошептал Оскар.

Мы достигли воображаемой черты, за которой таинственным образом исчезали все беспилотные аппараты с Вокса.

Трое солдат осторожно двинулись дальше, остальные ждали, затаив дыхание. Метель ослабела, в небе появились просветы, но день уже померк. Научная бригада включила два прожектора, и мглу прорезали мощные лучи.

Разведчики ушли недалеко и, остановившись, помахали нам. Мы опасливо двинулись к ним. О нашем появлении гипотетиков — если им было

до нас дело — оповещали шарящие по равнине лучи.

Мы ступили внутрь опасного периметра — и ничего не случилось.

* * *

С наступлением ночи ударил мороз, и мы застегнули капюшоны, почти полностью накрыв ими свои кислородные маски. Ветер дул по-прежнему, но уже не швырялся снегом, и мы смогли различить впереди очертания машин гипотетиков. Они оказались совсем близко. Техники спешно направили на них свои прожекторы.

То, что мы называли «машинами гипотетиков», вблизи больше походило на огромные геометрические фигуры. Ближайшая к нам была идеальным кубом длиной примерно в полмили и передвигалась — медленно, но заметно для глаза. На столь близком расстоянии почва у меня под ногами ощутимо вибрировала.

Мы молча подошли к кубу. Наши разведчики сначала выглядели рядом с ним карликами, потом и вовсе потерялись на его фоне. Лучи прожекторов ползали по отвесной поверхности, похожей с виду на песчаник, на которой глазу не за что было зацепиться. Трудно было не принять

этот объект за гигантское здание, только без окон и дверей, загадочное, как запечатанная пирамида древности.

Мы долго стояли, совершенно завороженные. Оскар сказал, что наше появление наверняка зафиксировано, но мы не замечали никакой реакции. Потом наши специалисты приступили к работе: установили треноги, водрузили на них прожекторы, достали свою аппаратуру и развернули на холодной каменистой земле маленькую научную станцию. По пустыне заскользило множество лучей разной степени интенсивности, превращая ночь в чересполосицу света и тьмы.

Позади первого куба, на расстоянии пары километров, обнаружилось еще полдюжины объектов примерно того же размера, но разных, хотя столь же элементарных форм: цилиндры, восьмиугольники, усеченные сферы, конусы. Одни имели цвет песчаника, как первый куб, другие были просто черными, кобальтово-синими, черными, как обсидиан, желтыми, как кадмий. Каждый мог бы вмещать по целому городу, и все они ползли с одинаковой небольшой скоростью в направлении гор и моря.

— Какие огромные! — прошептал Оскар. — Но по сравнению с общей массой гипотетиков это

песчинки.

В резком искусственном свете его маска превращалась в дыру, а лицо в мордочку выглядывающего из норы зверька.

— Страх был бы неуважением, но он же так естественен!

Еще бы, мысленно поддакнул ему я. Как не трястись от страха здесь, в полярной пустыне, оставшейся от планеты, где появились первые люди и где лежат в братских могилах миллиарды их потомков! Пока техники возились с приборами, я, не спросив у Оскара разрешения, подошел ближе к основанию куба и остановился в нескольких сотнях ярдов от него. Оскар поспешил за мной.

Какая древность! Я не заметил ни одной трещинки, никаких признаков возраста — куб вполне мог быть изготовлен только вчера, а то и всего час назад, — но от него буквально веяло несусветной стариной, как холодом от ледника. У основания куба почему-то не было свежевыпавшего снега — он был как бы очерчен темной полосой.

— Гипотетики бесконечно терпеливы, мистер Файндли. Они древнее звезд. Мы подобрались совсем близко к их творению, и это священный

момент…

На всех нас были наушники для связи. Я выключил на своих звук — те немногие вокские слова, которые я успел усвоить, здесь были ни к чему. Но тут Оскар и я услышали крики удивления и обернулись. Взбудораженные техники ударили лучами двух прожекторов вверх.

Над кубом висело бледное облако. Я бы принял его за туман, но нет — вокруг было ясно. Облако явно было выхлопом самого куба. Оказалось, что и остальные объекты выбрасывают вверх похожие облачка, медленно опускавшиеся вниз, несмотря на ветер, который как будто должен был бы их разгонять.

Я инстинктивно сделал шаг назад.

— Смотрите! — хрипло произнес Оскар.

К рукаву его защитного комбинезона прицепилось что-то, на что он взирал со священным ужасом. Сперва мне показалось это снежинкой, но, приглядевшись, я поднял, что это больше похоже на кристаллическую бабочку — два прозрачных крылышка трепетали над тельцем размером с рисовое зернышко.

Оскар вытянул руку, чтобы мы могли получше разглядеть это крылатое создание. Ни глаз, ни сегментов, ни каких-либо делений на части тела

мы не обнаружили — просто кварцевый завиток с ножками (если позволительно так их назвать) похожими на реснички, которыми оно цеплялось за ткань. Биение крылышек позволяло существу сопротивляться ветру. Выглядело оно совершенно безобидным, как безделушка, легкомысленное украшение на одежде. Облако, сползавшее вниз по стенке куба, состояло из бессчетного количества бабочек: их там были миллионы, а может и миллиарды.

Потом оттуда, где горели прожекторы, донеся крик.

2

Солдаты действовали быстро и профессионально: стали поспешно собирать переносные прожекторы и созывать разбредшихся штатских. И это несмотря на то, что сотни, даже тысячи хрустальных бабочек уже вились вокруг них плотными роями, закрывая обзор и все гуще облепляя их одеяния.

Меня и Оскара бабочки тоже облепили, но не столь уж агрессивно. Мне ничего не стоило стряхнуть их с себя, просто махнув рукой — они падали и оставались лежать неподвижно. Я успешно отряхнул их не только с себя, но и с Оскара.

Тем не менее мы бросились бежать. Теперь убегали все. Солдаты освещали нам путь своими фонарями, в наушниках звучали отрывистые команды и все новые крики, хрустальные штуковины вились вокруг нас безмолвным снегопадом.

С другими членами экспедиции творилось неладное. Я убеждался в этом всякий раз, когда оглядывался на бегу. Люди падали один за другим, и каждого упавшего мгновенно облеплял серебристый рой. Бедняга превращался в искрящуюся кочку, которая сначала ходила ходуном, колебалась, а потом — очень быстро — застывала. До меня дошло, что всех этих людей настигает смерть.

Первыми погибли техники. На солдатах были более тяжелые защитные одежды, но и они не устояли под тяжестью несчетных бабочек. Падая, они роняли фонари, которые озаряли происходящее хаотическим, безумным светом.

Дважды мне пришлось останавливаться и стряхивать с Оскара весь этот губительный хрусталь. Я так перетрусил, что даже не задавался вопросом, почему именно мне бабочки не опасны. На Оскара иммунитет не распространялся: его скафандр был уже порван в нескольких местах крохотными, но острыми, как бритва, их нож-

ками, и я видел в местах разрывов кровь. Боясь за его маску и кислородные баллоны, я старался первым делом очищать самые уязвимые места. Какое-то время мы с ним бежали рядом, держась за руки, что как будто отчасти сдерживало интенсивность налетов. Испуганные переговоры и предсмертные крики в моих наушниках постепенно стихли, и наступившая тишина оказалась даже страшнее самых истошных воплей. Не знаю, как долго мы бежали и какое расстояние преодолели. Мы неслись, сколько у нас хватило сил, и пока у меня в ушах не остался один-единственный звук — мое собственное хриплое дыхание. Я вдруг почувствовал сопротивление, как будто Оскар потянул меня назад, и в голове у меня пронеслось: «Ну вот, и его они достали, он мертв и тянет меня за собой…»

Но я ошибся. Повернувшись, я увидел, что его одежда чиста, без единой бабочки. Через запотевшее стекло его маски я разглядел испуганное, но уже не перекошенное ужасом лицо.

— Стойте… — простонал он. — Мы спасены. Мы уже за периметром. Прошу вас, не бегите!

Я оглянулся. Мы преодолели немалое расстояние. Прожекторы продолжали освещать высящиеся вдали машины гипотетиков. На равнине

между нами и ними никто уже не шевелился.

Ветер заметал наши ноги поземкой, над нами сияли звезды. Мы стояли и дрожали в ожидании того, что из тьмы последует нападение или приползет оттуда хотя бы один выживший. Но ни того, ни другого не случилось.

Только фонари вдалеке начали гаснуть один за другим.

* * *

Мы нашли свое судно благодаря датчикам, вшитым в нашу одежду. Идти к нему пришлось далеко, но мы были так потрясены, что сперва у нас буквально отнялись языки. Потом Оскар сумел наладить голосовую связь с Вокс- Кором и коротко посовещался с менеджером и с военным командованием. Все произошедшее было зафиксировано и передано приборами наблюдения, и на Воксе пытались уже проанализировать увиденное.

— Возможно, наше появление привело к срабатыванию какого-то защитного рефлекса, — предположил Оскар.

Я не стал спорить. Но я не был уроженцем Вокса и не был обязан верить в расположенность гипотетиков к людям и искать оправдание этой

бессмысленной бойне.

Наш летательный аппарат выглядел посреди антарктической равнины как нелепый осколок исчезнувшего ледника. Я спросил Оскара, сумеет ли он довести его до Вокса.

— Без сомнения. Я просто должен приказать ему доставить нас домой.

— Вы уверены? Вы весь в крови, Оскар.

Он осмотрел свой рваный комбинезон.

— Ничего страшного.

Пройдя через шлюзовую камеру, он избавился от одежд. Весь его торс оказатся в мелких порезах, но неглубоких и не опасных для жизни. Он объяснил мне, где находится аптечка, и я обработал его раны средством, сразу остановившим кровотечение.

Несколько крохотных хрустальных бабочек — не то мертвых, не то уснувших — остались висеть на ткани его комбинезона. Оскар вынул из коробки для сухого пайка все содержимое, взял одну бабочку указательным и большим пальцем и опустил в коробку.

— Для анализа, — объяснил он.

Свою рваную одежду мы оставили в Антарктике, выбросив ее из люка шлюза.

* * *

— Вас они не тронули, — заключил Оскар, когда аппарат взмыл в воздух и лег на обратный курс.

В пустом салоне, где совсем недавно яблоку было негде упасть, было теперь очень неуютно. Воздух, мы сами, даже свежая одежда, которую мы натянули, — все провоняло сероводородом.

— Не тронули, — согласился я.

— Потому что узнали. — В его тоне слышалось некоторое недовольство.

— Что-то я не пойму… — отозвался я.

— Они узнали в вас Посвященного.

— Я понимаю во всем этом ничуть не больше вашего. Я не Айзек, во мне нет никакой биотехнологии гипотетиков.

— Вы и теперь будете отрицать очевидное, мистер Файндли? Человеческое тело преодолевает Арку Времени не так, как Арку Пространства. Мы знаем это на основании многолетних исследований. Вы сохранились не потому, что подверглись консервации, как замороженный овощ. Скорее всего, вас воссоздали по записанной информации. Человеческому глазу и человеческим приборам подобная реконструкция может показаться безупречной, но ОНИ знают, что вы — один из них.

Я слишком обессилел, чтобы спорить. Оскар ухватился за одно из немногих мыслимых объяснений случившегося: что гипотетики узнали меня и отсортировали, чтобы спасти от гибели. Он решил, что сам уцелел потому, что я был с ним рядом и помог ему. Иными словами, он вообразил, что его спасителем стал глупый неотесанный полубог.

Глава 15
САНДРА И БОУЗ

В полдень Сандра въехала на стоянку приемного отделения приюта. Над раскаленным асфальтом колебалось марево, густой воздух было трудно вдыхать. В общем, погода стала еще хуже, чем накануне, если такое вообще возможно. Охранник у входа — его звали Тэдди — нежился под маленьким вентилятором, но при виде Сандры вскочил.

— Доктор Коул! Послушайте, мне очень жаль, но у меня инструкция вас не впускать…

— Все в порядке, Тэдди. Позвоните доктору Конгриву и скажите, что я здесь и хотела бы с ним поговорить.

— Хорошо, мэм. Думаю, я могу это сделать. — Тэдди что-то сказал в трубку, подождал, сказал что-то еще, потом с улыбкой повернулся к Сандре. — Порядок. Вы уж не сердитесь. Доктор Конгрив приглашает вас к себе в кабинет. Говорит, вы можете идти прямо туда.

— Ничего, Тэдди, спасибо.

— Всегда пожалуйста. Хорошего вам дня, док-

тор Коул.

* * *

Конгрив встретил Сандру победной улыбкой. Она помнила, что должна исполнить роль — такую же, как в школьном спектакле «Отелло», когда ей доверили перевоплотиться в Дездемону: «Отец, я вижу — здесь мой долг двоится». Это ничего, что из нее не получилось актрисы.

— Простите, что побеспокоила вас, доктор Конгрив.

— Вы меня удивляете, доктор Коул. Я думал, что вы поняли, что вам надо отдохнуть от работы до конца недели.

— Я все понимаю. Просто захотелось попросить у вас прощения за свое поведение. Я решила сделать это лично.

— Вот как? Что заставило вас передумать?

— Понимаю, это выглядит странно, но у меня было время поразмыслить, можно сказать, покопаться в себе. На самом деле мне важна моя карьера здесь, в приюте. Я оглянулась назад и поняла, что вела себя неподобающим образом.

— В каком смысле?

— Я превысила свои полномочия, проявила излишний интерес к Оррину Матеру, а когда вы

передали его другому врачу, разозлилась.

— Я вам объяснял, почему так поступил.

— Да, сэр, и теперь мне понятны ваши резоны.

— Что ж, я ценю ваш поступок. Он наверняка дался вам нелегко. А что вас, собственно, привлекло в этом пациенте, если не секрет? — Конгрив всплеснул руками и устремил на нее задумчивый взгляд, разыгрывая рассудительность.

— Сама не знаю. Он показался мне таким… Слабым? Уязвимым?

— Все наши пациенты уязвимы, иначе они бы сюда не попадали. Поэтому мы и оказываем им помощь.

— Я знаю.

— И именно поэтому мы не можем позволить себе роскошь слишком близкого общения с ними. Наилучший наш подарок тем, кто оказывается на нашем попечении, — абсолютная объективность. Это я и имел в виду, называя ваше поведение непрофессиональным. Вам понятно, к чему я веду?

— Да, сэр, понятно.

— Вам должно быть понятно и то, почему я отправил вас отдохнуть. Обычно, когда врач начинает распространять на пациента свои собственные тревоги, это значит, что он пере-

утомлен или чем-то расстроен.

— Теперь я в полном порядке, доктор Конгрив.

— Хотелось бы верить. Не происходит ли в вашей жизни чего-то, что мешает работе?

— Ничего такого, с чем я бы не сумела справиться.

— Вы уверены? Если вам надо выговориться, я с радостью вас выслушаю.

Боже сохрани!

— Я вам очень признательна. Просто… — Она вздохнула. — Если честно, то это погода, и вообще. У меня сломался кондиционер, я уже давно не высыпаюсь. Да и работы порой бывает через край немножко, вы правы.

— Это может сказать о себе любой из нас. Что ж, я рад, что вы решили быть со мной откровенной. Вы действительно готовы вернуться к своим обязанностям?

— Да, сэр, совершенно готова.

— Не сказать, что у нас не найдется для вас дела… Как насчет того, чтобы поработать недели две в облегченном режиме? Например, понаблюдать за доктором Фейном? Уверен, ваш опыт будет для него неоценим.

— Я бы с радостью.

— Но, конечно, не касаясь дела Матера.

Она кивнула.

— Честно говоря, у нас возникли с этим кое-какие осложнения. Мне понадобится ваше официальное согласие на добровольную передачу дела Матера доктору Фейну. Как вы на это смотрите?

Она изобразила удивление.

— Это так необходимо?

— Формальность, но без нее не обойтись.

— Если это поможет, то я, конечно, напишу заявление.

— Чудесно, доктор Коул. На сегодня вы можете быть свободны. Приходите завтра. — Он улыбнулся. — Только не опаздывайте.

— Конечно, сэр.

— И мы забудем обо всех неприятностях.

А вот это вряд ли!

— Спасибо. Вообще-то, если вы не возражаете, я бы хотела побыть до конца рабочего дня в своем кабинете. Приема вести не буду, просто сделаю записи в четырехпяти историях болезней, а то потом появятся новые, и такую груду будет сложнее разгрести.

Конгрив бросил на нее озадаченный взгляд.

— Не имею оснований возражать.

— Спасибо!

— Пожалуйста. Должен сказать, вы молодец.

Если так пойдет и дальше, мы с вами хорошо сработаемся.

— Очень на это надеюсь, — сказала она.

* * *

Сандра шагала к себе в кабинет с таким чувством, словно вывалялась в грязи. Включая компьютер, она прикидывала, когда Конгрив отправится домой. Обычно он уходил в шесть часов, но мог и задержаться где-нибудь на консультации или на совещании. Она стала просматривать свои файлы и стирать все, что не относилось непосредственно к ее служебным обязанностям. В ней росло ощущение, что она здесь чужая: все годы работы в приюте слились в одно унылое пятно, в картинку на старинной открытке.

Когда все, что необходимо, было стерто, — на это ушло не так уж много времени, — она достала из сумки сочинение Оррина и приступила к чтению. Как обычно, текст рождал больше вопросов, чем давал ответов.

В половине третьего она встала, потянулась и отправилась в туалет для персонала. К ее удивлению, в коридоре напротив ее кабинета сидел на табуретке Джек Геддес, мурлыча себе под нос песенку.

— Привет, Джек! — сказала она. — Новая работа? Охраняешь врачей?

— Так, приглядываю. — Он криво, неискренне ухмыльнулся.

— Приказ доктора Конгрива?

Ухмылка пропала.

— Нуда, только…Понятно. Ничего, я мигом.

— Ваши дела меня не касаются, доктор Коул.

Но он, конечно, сначала проводил ее глазами до двери туалета, потом убедился, что она вернулась к себе.

В кабинете она взяла блокнот и ручку и написала крупными буквами вверху: ВОПРОСЫ. Потом стала грызть колпачок ручки, собираясь с мыслями.

«Документ Оррина Матера», — застрочила она спустя минуту-другую.

«1. Кто это написал — Оррин или кто-то другой? Если не он то кто?»

Ей пришло в голову проверить, не является ли вся его писанина вульгарным плагиатом. Она вошла на поисковый сайт и ввела несколько цитат из документа. Никаких совпадений не нашлось. Это свидетельствовало об одном: текст, даже если он существовал за пределами записных книжек

Оррина, в Интернете не фигурировал. Положительный результат поиска имел бы значение, отрицательный ровным счетом ничего не доказывал.

«2. Что это — литературный вымысел или плод фантазии?»

На этот вопрос можно было ответить, не обращаясь к Оррину. Боуз предупреждал, что позже она прочет у Оррина про склад Файндли, из чего следовало, что Оррин вставил в рассказ хотя бы что-то от себя. Отсюда следовал новый вопрос:

«3. Существует ли реальный Турк Файндли, и если да, то имеет ли он отношение к Файндли со склада?»

Она просмотрела телефонный справочник Хьюстона и окрестностей и нашла целый выводок людей с этой фамилией, но никого из них не звали ни Томасом, ни Тайреллом. Просто Т. Файндли и то не нашлось.

«4. Существует ли реальная Эллисон Пирл?»

Согласно тексту Оррина, Эллисон Пирл проживала в нью-йоркском Шамплейне. Сандра, чувствуя себя дурочкой, нашла в Интернете теле-

фонный справочник этого города, а в нем — пять Пирлов, среди которых не оказалось ни Эллисон, ни даже просто Э. Пирл. Две супружеские пары фигурировали под именами мужей: мистер и миссис Харви Пирл, мистер и миссис Франклин У. Пирл.

Она взяла телефон, но дважды откладывала трубку, прежде чем набралась храбрости позвонить по одному из номеров, обзывая себя при этом идиоткой. С тем же успехом можно было дозваниваться Геку Финну или Гарри Поттеру.

Харви Пирл ответил после четвертого гудка — дружелюбно, но смущенно. Нет, никакой Эллисон. Сандра поспешно извинилась и прервала связь, чувствуя, что покраснела, как рак.

Еще один звонок, пообещала она себе, после чего надо будет прекратить эти глупости и забыть о них.

В этот раз на звонок ответила миссис Франклин Пирл, обладательница более молодого и еще более дружелюбного голоса. Сандра как ни в чем не бывало попросила позвать Эллисон.

— Ммм… Можно узнать, кто ее просит?

У Сандры заколотилось сердце.

— Я даже не знаю, правильный ли это номер… Я ищу старую знакомую, Эллисон Пирл. Она как

будто жила в Шамплейне, вот я и…

Миссис Пирл засмеялась.

— Это Шамплейн, и вы не ошиблись. Только я сомневаюсь, что Эллисон — ваша старая знакомая, разве что по детскому саду.

— То есть как?

— Эллисон десять лет, милочка. Взрослых друзей она еще не завела.

— Понимаю, извините…

— А вообще та Эллисон, которую вы ищете, пользуется популярностью. Некоторое время назад нам уже звонили с тем же вопросом: мужчина, назвался сотрудником полиции Хьюстона.

— Правда? Он представился?

— Да, только я не запомнила. Я сказала ему то же самое, что вам: жаль, но это не наша Эллисон. Желаю вам удачи в поисках той, кто вам нужен.

— Спасибо, — простонала Сандра.

* * *

Из-за собрания, приглашения на которое Сандру не удостоили, Конгрив задержался в здании дольше обычного. В начале восьмого, уходя, он постучал ей в дверь.

— Вы еще здесь, доктор Коул?

— Уже заканчиваю.

— Вы написали заявление, о котором я просил?

— Завтра утром оно будет на вашем рабочем столе.

Подождав, пока он уйдет, она выглянула в коридор. Джек Геддес все еще сидел там, раскачиваясь на табурете и что-то бурча себе под нос. Сандра дождалась, пока шаги Конгрива стихнут в конце коридора. Заведение уже жило по-вечернему: почти весь дневной персонал разошелся, пациенты, не лишенные свободы передвижения, покинули столовую, некоторые из них смотрели в общей комнате телевизор. От дверей приюта доносился смех санитаров.

Она закрыла дверь и вернулась к столу. Пришло время позвонить Боузу.

Глава 16
РАССКАЗ ТУРКА

1

Врачи на целую неделю посадили Оскара и меня на карантин, проверяя, не принесли ли мы какую-нибудь заразу. Но в наших организмах и психике ничего неподобающего не нашлось — хотя это заключение не могло быть исчерпывающим, ведь гипотетикам ничего не стоило внедрить нечто, не поддающееся обнаружению. Нас сочли безопасными, образец, который мы доставили, хрустальная бабочка в герметическом контейнере, была мертва — или спала непробудным сном.

Известие о происшествии на Земле Уилкса быстро распространилось по Воксу. Всеобщий траур по погибшим солдатам и ученым был написан на лицах обследовавших нас с Оскаром врачей, как и на лице самого Оскара. Я не удержался и спросил его, каково это — испытывать чувства, усиленные переживаниями всего населения города.

— Мне больно, — ответил он. — Но это лучше, чем страдать в одиночку. Самым невыносимым для меня было ощущение после атаки, заглушившей «Корифея»: бесчисленные погибшие — и невозможность горевать вместе со всеми. Вот когда я испытал нестерпимую, неописуемую боль!

Словом «Корифей» здесь обозначалось понятие, для которого не существовало эквивалента в английском языке. В старинных словарях оно подавалось как заимствование из древнегреческого, означавшее «руководитель хора», «хормейстер». На Воксе так называли программный комплекс, сводивший воедино всю систему индивидуальных нейронных «узлов». Это было эмоциональное сердце Сети, «парламент любви и совести», как выражалась Эллисон.

Обособленное переживание (например, чувства вины или любви) некогда было неотъемлемой составляющей человеческой природы, видовой особенностью. Согласен, неплохо делиться тяжестью на душе с другими: это облегчает боль. Готовность каждого жителя Вокса разделить с ближним его горе была достойна восхищения. Но ценой этого взаимного утешения стала утрата личной автономности, права на приватность.

Я старался создать у Оскара впечатление, что

все это вызывает у меня огромное любопытство, что я даже готов брать с него пример. Это тоже было частью нашего плана.

* * *

Лишь только закончился наш карантин, я поспешил к Эллисон. Едва отворилась дверь нашего совместного жилища, она, вся дрожа, бросилась ко мне на шею.

Ничего из того, что мы хотели друг другу сказать, нельзя было произнести вслух. Ласки, которые мы могли себе позволить, были испорчены ежесекундным самоконтролем. Немного погодя мы устроились в кухонном закутке, и Эллисон включила (по старинке, с ручного пульта) видеопоток — местный эквивалент программы новостей. Плачевное завершение нашей экспедиции мы наблюдали в замедленном виде, как какой-то подводный балет. Стеклянные бабочки падали из темноты на солдат и техников, как смертоносные снежинки, люди изумленно замирали, потом начинали пугающий танец, как марионетки, и падали один за другим, придавленные мерцающим грузом, чтобы умереть.

Мы просмотрели этот сюжет дважды, после чего я попросил Эллисон нажать на «стоп».

После столь катастрофической развязки на место событий был отправлен беспилотный аппарат с заданием заснять площадку с безопасного расстояния. Но на рассвете там уже ничего не напоминало о происшедшем: не осталось ни бездыханных тел, ни приборов, ни хрустальных насекомых, все это уничтоживших. Одни колоссальные и безучастные машины гипотетиков продолжали свое неспешное перемещение ползком по антарктической пустыне.

2

Провожая меня на встречу, Эллисон шепотом напомнила о необходимости продолжать втираться в доверие к Оскару, чему трагедия на Земле Уилкса не должна была помешать. Мы с Оскаром договорились встретиться на платформе над разбомбленным районом Вокс-Кора, чтобы полюбоваться, как продвигаются восстановительные работы. Я отправился туда заранее, кружным путем.

Чем лучше я узнавал Вокс-Кор, тем меньше считал его монолитом. Городская структура состояла, как объяснял Оскар, из пяти элементов: террасы, зоны, огороженные природные участки, равнины и ярусы. Все это были строгие техниче-

ские термины. В то утро, перемещаясь то пешком, то на общественном транспорте, я миновал три террасы, один огороженный участок, увидел с моста, соединявшего два яруса, одну равнину. Каждодневный жизненный цикл Вокс-Кора, не знавший сезонности, состоял из шестнадцатичасового искусственного дня и восьмичасовой ночи, причем в каждом секторе дневной свет имел особый характер. На одной террасе он был рассеянным, как в дождливый день, а на огороженном парковом участке, по которому я прогулялся, он был ярким, как в солнечный полдень. С наступлением вечера мерцающие кварталы начинали казаться отдельными городами, между которыми простирались луга и леса — равнины, погруженные в безмолвную темноту.

Разрушенный ядерным ударом городской район, когда я видел его в последний раз, представлял собой непроходимую груду уродливых развалин. Теперь все обломки убрали и либо переработали, либо сбросили в море. С радиоактивным заражением справились, как объяснил Оскар, при помощи какой-то непонятной для меня технологии, после чего район стал стремительно отстраиваться. Главную воронку решили сохранить как мемориал, местами выровняв ее

края, местами превратив их в изящные террасы.

Я нашел Оскара в кафетерии с видом на стройку. Кормили там вкусно, но порции были маловаты: продовольственное снабжение сократилось ввиду нехватки сельскохозяйственных рабочих после перемещения на Землю. Разговор коснулся Эллисон. Я сказал, что меня беспокоят ее все более частые и сильные приступы депрессии, слезливости, непреходящей тревожности.

— Этого следовало ожидать, — сказал Оскар, глядевший через низкое ограждение в воронку от взрыва, где работающие роботы устанавливали гранитные опоры для новой террасы. — Дело в том, что она не в состоянии стать той, кем хочет, как ни настаивает на этом ее подсознание. От этого внутреннего конфликта и страдает ее физическое и душевное здоровье.

— Она хочет быть Эллисон Пирл, только и всего.

— Эллисон Пирл — иллюзия, плод воображения, умственная конструкция. Вера Трэи в то, что она Эллисон, — симптом травмы разрыва, отключения от Сети. Знаю, вы к ней неравнодушны, и понимаю, откуда берется ваша симпатия: она — мостик к вашему прошлому. Так и было задумано — для этого мы и создали «имперсону»

Эллисон Пирл. Но она не путешественница во времени, прибывшая из двадцать первого века, мистер Файндли.

— Знаю, но…

— Что «но»?

— Ее враждебность к Воксу выглядит очень натуральной.

Оскар пожал плечами.

— Законное недовольство. Внедрение «имперсоны» в кору ее головного мозга с самого начала вызывало вопросы, хотя никто, конечно, не ждал продолжительного сбоя в Сети, осложнившего ситуацию. Но никакую проблему не решить, прячась от нее. «Эллисон Пирл» попросту нестабильная конфигурация. Больше всего Трэя нуждается в восстановлении ее лимбического «узла».

Я кивнул, изображая согласие. Машины в кратере, выстроившись гуськом изгибающейся змейкой, на глазах уничтожали поврежденный огороженный участок, не подлежащий восстановлению. Я спросил Оскара, какой смысл восстанавливать город, когда на нас наступают машины гипотетиков с явным намерением отправить нас всех на небеса, что называется.

— Никто не знает, каков практический смысл

единения с гипотетиками. Все мы, без сомнения, изменимся — духовно, интеллектуально, телесно. Но город, скорее всего, нам все равно понадобится, ведь надо же где-то жить.

— Вас все это не пугает?

— Как личность я могу испытывать страх. Но коллективно мы выше этого.

— Вы уж простите, но мне трудно представить все это: «узел», Сеть, «Корифей»…

— Я объяснял уже вам, как это работает.

— Но я о субъективном ощущении.

— Если вы имеете в виду имплантат, то операция совершенно безболезненна…

— Я не об операции, Оскар! Каково это — жить с проводами в башке?

— А, ясно. Это не провода, а искусственные нервные волокна и опсиновые протеины. — Он поднял ладонь, не давая мне возразить. — Я прекрасно понимаю, о чем вы спрашиваете. Могу сказать одно: человек не чувствует вообще ничего. Конечно, мне «узел» внедрили сразу после рождения. Но я могу описать свои ощущения при сбое Сети, если вы сочтете, что это вам поможет понять.

Я кивнул. Наша терраса дрожала от строительных работ далеко внизу, в воздухе пахло

гранитной пылью.

— Потерять Сеть — это примерно, как лишиться одного из органов чувств, например, вдруг ослепнуть. Одна из функций «узла» — упрощение коммуникации. Даже в простой беседе лимбический интерфейс позволяет улавливать и осмысливать нюансы, которые без него прошли бы мимо внимания. Во всяком случае, так происходит при одинаковом оснащении обоих беседующих. Не обижайтесь, но нам человек без «узла» может показаться бесчувственным, чуть ли не имбецилом.

— Ого, вот значит, за кого вы меня принимаете.

Он улыбнулся.

— Я научился делать исключения. — Такое уж было у Оскара чувство юмора, не без претензии на глубину.

— Рано или поздно, полагаю, возникает эмоциональный консенсус? Именно это труднее всего мне понять и вам описать, кажется?

— Возможно, вас вводит в заблуждение упоминание в данном контексте эмоций. Осознанное умозаключение «Корифею» недоступно. Но учтите, как велика роль бессознательного в нашем познавательном процессе. Вот, скажем, мы с ва-

ми, мистер Файндли, часто принимаем решения на основании нравственной интуиции. Такую интуицию мы называем «совестью». Но совесть не рождается из обстоятельного, систематического рассуждения. И при этом ее не назовешь неразумной или нелогичной! Представьте: человек тонет в реке, и вы бросаетесь его спасать. Это обдуманный поступок? Вы подсчитываете соотношение риска и возможности успеха? Очевидно, нет: вы действуете на основании инстинктивного отождествления себя с тонущим, чувствуете его отчаяние, как ваше собственное, и стремитесь ему помочь, превозмогая свой страх. Если вы останетесь на берегу, то вас потом замучают чувство вины и угрызения совести. Это очень важно: совестливые поступки свергают правительства и рушат империи, так происходило и в ваши времена.

— При этом мы обходились без всяких «узлов» и «сетей».

— Верно. Но при этом индивидуальная совесть чрезвычайно ненадежна. Индивидуум способен убедить себя не делать чего-то. Способен испытывать искренние сомнения в том, какой поступок был бы правильным.

— Вы так же небезупречны, как я, Оскар.

— Но когда я суммирую свою совесть с совестями тысяч, а то и миллионов других людей, вероятность ошибки резко снижается, самообман почти исключается. Вот что такое для нас «Корифей».

Приводя все эти банальные, взятые из учебника, доводы в пользу «лимбической демократии», он был совершенно искренен. Но ответа на мой вопрос я так и не получил.

— Мне хочется понять, не для чего это, а как это ощущается.

Он задумался ненадолго.

— Возьмем недавно введенное рационирование продовольствия. Из истории известно, что рационирование всегда приводило к появлению черного рынка, к накоплению избыточных запасов, даже к насильственному сопротивлению. На Воксе ничего подобного не происходит. Не потому, что мы святые, а потому, что у нашей коллективной совести хватает сил это предотвратить. Сумма наших лучших инстинктов — а это то же самое, что «Корифей», — знает, что рационирование необходимо и справедливо. Поэтому каждый из нас по отдельности чувствует эту необходимость и ее справедливость.

— Все равно это выглядит как насилие.

— Правда? Признайтесь, вам доводилось вламываться в дом соседа и уносить его имущество?

— Нет…

— Вас к этому принудили насилием или это претило вам самому? На этот вопрос можете ответить только вы сами, но я вправе предположить, что вы чувствовали, что поступать так стыдно, что вы опозорили бы себя в собственных глазах и в глазах других людей. Вот и я отнесся бы к себе так же, если бы стал жульничать с талонами. И твердо знаю, что точно так же к этому относятся мои соседи.

Я выглядел позорно в собственных глазах чаще, чем он мог предположить, поэтому поставил свой вопрос несколько иначе.

— Что, если консенсус ошибочен? Неужели он так непогрешим?

— Если не непогрешим, то не склонен ошибаться.

— Я здесь новичок, Оскар, и не вправе заниматься критикой. Но на моих глазах было убито много взбунтовавшихся фермеров. Вы не стали брать пленных и оставили выживших умирать. Почему молчала ваша коллективная совесть?

— Это решение было принято при неработающей Сети. Если бы «Корифей» действовал, мы,

возможно, поступили бы по-другому.

— А как насчет принуждения фермеров к участи бесправных крепостных? В книгах по истории написано, что вы поступали так на протяжении столетий.

— Не будем спорить об исторических причинах такого положения. Согласен, это тяжелый компромисс. И вы, конечно, правы: мы не непогрешимы и не претендуем на это. Но сравните нашу историю с историей любой другой нации или культуры, где главенствует принцип «око за око», несправедливость за несправедливость. Сравните!

— Соседство с кратером от взрыва атомной бомбы — неподходящее место для таких сравнений.

— Это — результат претворения в жизнь радикальной бионормативной идеологии кортикальной республики. Разум порождает больше чудовищ, чем совесть, мистер Файндли.

С этим я готов был согласиться, но немного передохнув, продолжил:

— Насчет Эллисон. То есть Трэи. Если ей снова вернут «узел», она перестанет мучиться?

— Пройдет некоторое время, пока она привыкнет, — ответил Оскар, разглядывая меня. — Но тревожащие ее сознание конфликты быстро

сойдут на нет.

Из воронки поднимались столбы пыли, втягиваемые фильтрами в искусственном небе. Снизу доносился мерный стук. Мне пришло в голову, что я готовлю свой обман так же систематически, как машины внизу сооружают новые ярусы и террасы. Теперь я добрался до несущей опоры всей своей лжи.

— Я хочу ей помочь.

Оскар поощрил меня кивком.

— Мне это нелегко. Но со времени трагедии в Антарктике я пришел к нескольким умозаключениям.

— Очень любопытно!

— Я оказался на Воксе не по собственной воле. Если совсем уж честно: знай я столько, сколько знаю сейчас, то, может, предпочел бы улететь дальше, посмотреть, что такое Срединные Миры…

— Понимаю, — осторожно проговорил Оскар.

— Но это невозможно. Что сделано, то сделано, будущего не изменить. Здесь мне жить, здесь и умереть.

Он прищурился.

— А если я собираюсь жить здесь, то хочу, чтобы рядом со мной была Эллисон. И не хочу видеть

ее страданий.

— Есть только один способ положить им конец.

— Она должна согласиться на имплантат?

— Да. Вы сумеете ее уговорить?

— Не знаю, но готов попробовать.

На его лице застыла непроницаемая гримаса осторожного расчетливого игрока, прикидывающего ставки.

— Мы снабдили ее имперсоной Эллисон, чтобы между вами возник контакт. Это из-за вас она так ей верна. И точно так же из-за вас она могла бы от нее отказаться.

— Может, мне подать ей пример? — сказал я. — Самому согласиться на операцию?

Глаза Оскара широко раскрылись, после чего на лице его расплылась радостная улыбка.

Глава 17
САНДРА И БОУЗ

Въезжая на стоянку приюта, Боуз позвонил Сандре. Та уже приготовила все, что решила забрать из своего кабинета: несколько гигабайтов всевозможных файлов, фотографию Кайла, сделанную до попытки самоубийства. Сложив все в сумку, она отправилась его встретить.

В коридоре по-прежнему нес вахту Джек Гедцес. Увидев ее, он отодрал зад от табуретки.

— Уходите, доктор Коул?

— Спокойной ночи, Джек, — бросила она вместо ответа. Он смотрел, как она шагает к вестибюлю, и помахал ей рукой, прежде чем она свернула за угол, явно радуясь, что его скучному бдению в коридоре наступил конец.

Благодаря своей форме и жетону Боуз без труда миновал охранника при входе. Теперь предстояло сладить с ночной дежурной в изоляторе. Сандра повела Боуза за собой.

Она была наслышана об этой медсестре и знала только ее имя, красовавшееся и на бейджике — Мередит, но фамилии не помнила. На вид ей

было пятьдесят с хвостиком, а на лице читалось «не морочьте мне голову», и это выражение настолько ей шло, что Сандра решила, что оно заменяет Мередит фамилию. При приближении Сандры и Боуза она встала из-за стола, загораживая собой вход в изолятор. Не дав ей открыть рта, Боуз сунул ей стандартный бланк «Передача пациента близким родственникам», который сам предусмотрительно заполнил. Мередит хмуро изучила документ.

— Отоприте, пожалуйста, дверь, — попросил ее Боуз. — Уже поздно, а мне еще надо вернуть заключенного его родным.

— Может, он и заключенный, да не ваш, во всяком случае, пока что. А час и впрямь поздний — чего это вас принесло на ночь глядя?

— Кажется, мы еще не встречались, — вступила в разговор Сандра. — Я доктор Коул. Вы правы, это неподходящее время для выписки пациента, но вы уж нас простите. Я мигом сниму его с учета.

Мередит заколебалась. В приюте поговаривали, что ночные дежурные распоряжаются в отделениях почище средневековых феодалов. Мередит явно не понравилось вторжение в ее владения.

— Я не против, доктор Коул, только этот Оррин Матер — особая статья, а вы как будто не его леча-

щий врач. Более того, вот тут сам доктор Конгрив написал, что его историю болезни у вас забрали уже два дня назад.

— У вас где-нибудь написано, что вы вправе мешать врачу и сотруднику полиции входить в отделение? Вы испытываете мое терпение, Мередит.

Дежурная вспыхнула и потянулась было к кнопке, отпиравшей дверь, однако быстро отдернула руку.

— Для выписки пациента требуется разрешение лечащего врача.

— Я прошу вас просто открыть дверь.

— Доктору Конгриву это не понравится.

— Если вы и дальше будете меня задерживать, это не понравится уже мне. Я, конечно, не Конгрив, но непременно доложу ему, что вы осмеливаетесь самовольничать.

Мередит скорчила такую мину, словно разжевала половинку лимона, однако ткнула пальцем в кнопку.

— Я сама все доложу доктору Конгриву.

— Как хотите, — бросила Сандра и поспешила за Боузом в открывшуюся дверь.

В коридоре, где находилась палата Оррина, царил полумрак, отчего он казался нескончаемым

подземным тоннелем.

— Чисто сработано, — одобрил Боуз, озираясь. — Но она все равно уже звонит.

Трудности еще не кончились — это стало ясно в ту секунду, когда Сандра открыла при помощи своей магнитной карточки дверь палаты. Оррин лежал на койке, как бесчувственный куль. Сандра тряхнула его за плечо.

— Оррин! Оррин, очнись!

Он приоткрыл веки, но взгляд был мутный.

— Что такое?.. — пролепетал он.

Его явно накачали успокоительным.

— Оррин, это я, доктор Коул.

Он непонимающе уставился на нее. Проклятая ночная смена, подумала Сандра. С этой публики станется вколоть всему отделению двойную дозу, чтобы их не беспокоили. Или это особое обращение с Оррином?

— Там темно, доктор Коул…

— Знаю, но ты все равно должен встать и пойти с нами, понимаешь?

— Полисмен Боуз… — пробормотал Оррин, все еще лежа неподвижно в перекрученном больничном халате. — Здравствуйте.

— Привет, Оррин. Послушай меня: доктор Коул права. Мы выведем тебя отсюда и передадим

твоей сестре Эриел. Годится?

До Оррина доходило не сразу. Сначала он тупо моргал, потом заулыбался.

— Именно этого я и хочу, полисмен Боуз, вот спасибо вам… Только я очень устал.

— Знаю. — Боуз нагнулся, приобнял Оррина и помог ему подняться. Оррин дрожал, но старался удержаться на ногах.

— Лучше усадить его в каталку, — сказала Сандра и выглянула в коридор. Там было пусто, медсестра Мередит оставалась на своем посту, что-то с жаром говоря в телефонную трубку. Сандра завладела одной из колясок с надписью на кожаной спинке «Социальная служба Техаса, Хьюстон». Колеса коляски отчаянно повизгивали в спящем коридоре.

Боуз усадил в нее Оррина, и тот сразу уронил голову на грудь и закрыл глаза. Может, так даже лучше, подумала Сандра и взялась за рукоятки. Боуз шагал с ней рядом.

Мередит снова преградила им путь. На сей раз она была не одна, а с подмогой — Джеком Геддесом.

— Стойте! — приказала Мередит. — Я дозвонилась доктору Конгриву. Он говорит, что у вас нет права забирать пациента. Везите-ка мистера Ма-

тера обратно в его палату и разбирайтесь завтра утром с руководством.

Боуз, игнорируя медсестру, заговорил с Геддесом, пошедшим на него грудью вперед.

— Это полицейское расследование. Я забираю мистера Матера своей властью.

— Никакой власти на это у вас нет, — сказала Мередит.

— Лучше отойдите, — обратился Боуз к Геддесу, — иначе я вас арестую за сопротивление полиции. Сами посудите, разве я появился бы здесь в такой час, если бы не по долгу службы?

Сандра представила, как Конгрив, приняв звонок в машине, разворачивается и мчится обратно в приют. Сколько времени прошло после его отъезда: полчаса, сорок пять минут? Поехал ли он из приюта прямо домой или куда-то завернул? Глядя на часы, она старалась скрыть тревогу.

Между Геддесом и Боузом развернулась классическая дуэль: они старались смутить друг друга взглядами. Геддес уступил первым и повернулся к медсестре Мередит.

— Этот человек показал вам свой жетон? Какие-то документы?

— Да, но…

— Тогда я ничего не могу поделать.

Геддес отошел, а Боуз с деланным спокойствием спросил у Мередит:

— Вам нужна моя подпись?

— Если собираетесь его забрать — лучше распишитесь. — Мередит сунула ему листок. — Вот тут, внизу. Вы тоже, доктор Коул. Представляю, какой разнос мне устроит доктор Конгрив! Сами будете отвечать, с меня взятки гладки!

Боуз расписался, Сандра добавила к его закорючке свою и поспешно выкатила вон из здания коляску с Оррином, торопясь вслед за Боузом. Оррин, к счастью, безмятежно спал, Сандра слышала его дыхание, заглушаемое скрипом колес.

На стоянке лицо Сандры мигом покрылось капельками пота. Небо затянулось тяжелыми тучами.

— Что за бумагу ты ей показал? — спросила она Боуза. — Подделка, наверное?

— В общем, да. Стандартный бланк, я просто сделал отметки в некоторых квадратиках. Еще один мост сожжен, — добавил он с улыбкой.

— Что-то быстро они горят!

Напоследок она оглянулась на приют. Больше ей там не бывать. Она лишилась места, приобрела свободу, и ей было так страшно, что она была готова истерически захохотать.

* * *

Они поехали в мотель, где остановилась Эриел Матер. Оррин спал на заднем сиденье все в том же позорном больничном халате, повиснув на ремне безопасности.

— Надо будет его переодеть, — сказала Сандра.

— Кажется, Эриел привезла ему из Рейли одежду.

Мимо них пронеслась в противоположном направлении машина, и Сандра решила, что это Конгрив, хотя уверена не была. Несколько минут она мстительно фантазировала о том, как Конгрив узнает от Джека Геддеса и медсестры Мередит неприятную новость.

— Я захватил его тетрадки, — сказал Боуз. — То-то Оррин обрадуется получить их назад!

— Я прочла то, что ты мне прислал. Это еще не все?

— Есть еще немного.

— Тебе все еще нужно мое мнение?

Он с любопытством покосился на нее.

— Мне интересно все, что ты скажешь.

— В какой-то момент ты считал этот документ уликой.

— Было дело. Наверное, ты еще не дошла до

соответствующего места.

— Но вопрос-то не в этом, верно? Главное, правда ли все это.

Он засмеялся, но она заметила, как крепко он сжал при этом руль.

— Брось, Сандра! Как это может быть правдой?

— Сам знаешь.

— Ты решила, что Оррин общается с духами из будущего, отстоящего на десяток тысяч лет?

— Держу пари, ты тоже ломал над этим голову. Там есть выразительные подробности, которые можно попробовать проверить. Это даже мне доступно. Взять хоть Эллисон Пирл, уроженку Шамплейна, штат Нью-Йорк. Только совершенно нелюбопытный человек не поинтересовался бы, действительно ли такая существует. Тебя нелюбопытным не назовешь.

— Принимаю комплимент.

— На самом деле в телефонной книге Шамплейна Эллисон Пирл нет.

Он уже не улыбался.

— Ты проверяла?

— И Пирлов там кот наплакал. Эллисон среди них нет, зато есть семья с дочерью, носящей это имя.

— Ты им звонила?

— Да.

— Они сказали, что я тоже им звонил?

— Да, но все равно спасибо, что сознался.

— Оррин или тот, кто это написал, вряд ли выдумал все эти имена: Турк Файндли, Эллисон Пирл. Я спрашивал миссис Пирл, не знает ли она Оррина и Эриел Матеров или похожих на них людей.

Это не приходило Сандре в голову.

— И что она?

— Нет, она никогда о таких не слышала. Но это еще ни исключает связь. Оррин мог набрести на имя «Эллисон Пирл», услышать его от соседа, дальнего родственника, мало ли от кого… А может, это простое совпадение.

— Это возможно?

— Смотря с чем сравнивать. С вероятностью того, что Оррин путешествовал во времени? Насколько мне известно, у него на счету всего одно путешествие — из Рейли в Хьюстон на автобусе компании «Грей Хаунд».

— И нам в этом никогда не разобраться?

Он молча пожал плечами.

Глава 18
РАССКАЗ ЭЛЛИСОН

1

В первые недели после первого столкновения Вокса с машинами гипотетиков я часто ловила себя на том, что тихонько повторяю свое имя — Эллисон Пирл, Эллисон Пирл, — прислушиваюсь к этим слогам, звукам, смакую их в гортани и на языке.

Когда я еще была Эллисон, мне попалась книга про человеческий мозг, и я прочла ее запоем. Из нее я узнала про «нейронную пластичность», то есть про способность мозга к перестройке под влиянием окружающих изменений. Это свойство мозга и позволило мне быть Эллисон Пирл. Оно же сделало возможным присоединение живого мозга к лимбическому имплантату. У мозга огромная способность к адаптации, вот в чем все дело.

Услышав от Турка, что он вызвался вставить себе имплантат, я изобразила удивление. На самом деле это с самого начала было ключевым элемен-

том нашего плана. Но, помня о скрытых датчиках Сети, я обязана была почувствовать себя преданной, вступить с ним в спор. Так и было: я спорила с ним, рыдала. Все очень убедительно разыграла. Убедительно, потому что на девяносто процентов искренне. Я не сомневалась в его храбрости, но совершенно безупречных планов не бывает. Меня заранее пугало, каким он может стать.

«Чего только ни случается!» — справедливо записала однажды в своем дневнике настоящая Эллисон. До чего верные слова! Вот пример: в тот самый день, когда Турку вставляли «узел» — может, как раз тогда, когда его вкатили в операционную, — меня навестил Айзек Двали. И ему не составило никакого труда разоблачить мои тайные намерения.

* * *

Я знала из выпусков новостей, что Айзек поправляется поразительными темпами. Теперь за его успехами следил, затаив дыхание, весь Вокс-Кор. Он оставил далеко позади Турка, сделавшись именно тем, кем по замыслу основателей города должен был стать кто-то из Посвященных, — живым мостиком к гипотетикам. Это позволяло сохранить веру в осуществимость завещанного

городу торжества над всеми врагами. Без Айзека Вокс остался бы сборищем фанатиков, оказавшихся из-за своей чудаковатой веры на мертвой и смертельно опасной планете. С Айзеком можно было продолжать мнить себя пионерами, авангардом всего человечества.

Уже через считанные дни после трагедии на Земле Уилкса к Айзеку вернулась способность бегло изъясняться по-английски. Его двигательные навыки настолько улучшились, что он уже мог ходить без посторонней помощи, его хилое больное тело невероятно окрепло, а восстановленные участки черепа приобрели почти нормальный вид. Того истеричного, что-то каркающего существа, к которому недавно подводили Турка, больше не было. Был обновленный, ладный и непоседливый Айзек, который уже не нуждался в медицинском уходе, хоть и продолжал пока что жить в той палате, где его вернули к жизни. Ученые и менеджеры наперебой брали у него интервью в прямом эфире, заискивая перед ним и выслушивая его туманные словеса. Он восхвалял решительность и упорство Вокса, восхищался мудростью пророчеств, легших в основу его идеологии. Вот уже несколько дней он разгуливал по городу как турист, осаждаемый любопытными

детьми, чьи не менее любопытные родители были сдержаннее и не донимали его расспросами.

Я следила за всем этим по новостям. Вокс все более погружался в безумие, и постыдное поклонение Айзеку Двали было новым симптомом этого. Я готовилась к новым проявлениям коллективного сумасшествия. «Жди неожиданностей», — писала в своем дневнике Эллисон. Не оригинально, зато всегда к месту.

Но при всей своей готовности к сюрпризам я буквально лишилась дара речи, когда в моих дверях появился Айзек — бледный, как поганка, ясноокий, как дитя, улыбающийся до ушей, с восхитительным обращением «Эллисон» — вместо «Трэя» — на устах.

* * *

Я его, конечно, побаивалась.

Я не знала, чего ему надо, и меня напугало, что своим приходом ко мне он привлечет ко мне ненужное внимание — и уже наверняка привлек. Где-то поблизости притаились те, кто не упускал его из виду, скрытые глаза Вокса сфокусировались на нем, скрытые уши напрягли слух.

Но он сказал только: «Можно войти?» — и когда я молча кивнула, он плотно затворил за собой

дверь.

Мне хватило храбрости предложить ему сесть, но он остался стоять.

— Я ненадолго.

Он заговорил по-английски — на моем родном языке, напомнила я себе. Под всем налетом новизны в нем еще теплился тот Айзек Двали, которым он был когда-то, — мальчик, воспитанный в экваториальной пустыне людьми, стремившимися к контакту с гипотетиками почти так же страстно, как и обитатели Вокса. Он походил на меня и на Турка своим смятением, неполнотой души. И при этом был — пускай потенциально — очень опасен.

Помимо его бледности, поражали его глаза, взгляд, прожигавший насквозь. Когда он посмотрел на меня, моей первой реакцией было заморгать. Он сказал, что его не надо бояться, я в ответ пролепетала:

— Легко сказать!

— Ты навещала меня, когда я был болен, — сказал он.

— Вы меня помните?

Он с улыбкой кивнул.

— С тех я пор я многое о тебе узнал.

— Обо мне?

— По Сети. Я знаю, кто ты. Думаю, нам полезно побеседовать. Я не причиню тебе вреда. И никому не расскажу про ваш план бегства.

Много месяцев я тренировала в себе мастерство оставаться непроницаемой, чтобы сохранить один-единственный нехитрый секрет. Теперь, когда все мои усилия пошли прахом, я была так потрясена, что не могла шелохнуться.

— Нас никто не слышит, — подбодрил он меня.

— Ошибаетесь… — выдавила я.

От его улыбочки можно было свихнуться.

— Датчики Сети в этой комнате отключены. Пока я не уйду, они не включатся.

— Вы такой всесильный?

— Благодаря тому, что в меня вшили хирурги, я могу воздействовать на Сеть, даже на «Корифея».

Неужели это правда?

«Корифей» был совокупностью вокского коллектива, его властелином, обобщением всех процессоров Вокс- Кора. Даже ядерный удар смог заглушить его только на короткое время. Мне до сих пор не приходило в голову, что на «Корифея» можно воздействовать. Но и Айзек Двали тоже был уникумом. Он был с рождения пронизан биотехнологией гипотетиков, нейронный имплантат не был просто довеском к его мозгу

— мозг заново нарастили вокруг имплантата.

— Правда, правда, — подтвердил он мою невысказанную мысль. — Сейчас ты можешь говорить настолько свободно, насколько захочешь.

У меня отчаянно колотилось сердце. Раз Айзеку известен наш план, раз он заявил об этом вслух, мне оставалось одно: надеяться на правдивость его слов.

— Вы умеете отключать датчики?

— Либо отключать, либо делать так, чтобы принятая ими информация осталась нерасшифрованной.

— Но раз вам уже известно о…

— О вашем побеге, — закончил он за меня, и я снова вздрогнула. — Вы поступили очень умно, позаботившись о секретности. Пульс, дыхание, следы кортизола в вашем поте и моче — все эти показатели уже несколько недель на повышенном уровне; но это неотличимо от эмоционального стресса. Стохастические и эвристические индикаторы — что вы говорили и делали и чего не делали и не говорили — обрабатываются «Корифеем» гораздо дольше. Но рано или поздно вас все равно вывели бы на чистую воду. — Снова его улыбка Будды. — Если бы не мое вмешательство.

Я сделала глубокий вдох и спросила:

— Как вы узнали?..

— «Корифей» уже начал делать выводы, а я их экстраполировал. Детали мне еще не ясны, но я догадываюсь, что вы намерены угнать летательный аппарат и попасть через Арку в Экваторию.

— Почти угадали… — прошептала я.

— Надеюсь, это удастся.

— Выходит, вы хотите улететь с нами?

Его улыбка погасла.

— Это невозможно. При моем восстановлении некоторые важные функции моей высшей нервной деятельности были переданы удаленным процессорам Сети. В этом теле находится только моя часть. Понимаешь, что это значит? Кому, как не тебе, понимать, что такое раздвоение личности?

— Действительно…

— Я не могу бежать с вами, но я могу помочь.

— Как?

— Турк не сможет управлять судном, пока его «узел» не позволит ему завладеть приборами управления. Но когда «узел» полностью приживется, у него может пропасть желание бежать. Надеюсь, ты понимаешь, насколько крохотно окно возможностей…

— Конечно, но…

— Сейчас Турк выбирает между бегством и рабством. Но как только его мозг окажется под влиянием «узла», выбор станет для него другим: между бегством и прошением.

«Прощением за что?» — хотела спросить я, но промолчала.

— Я смогу тебя предупредить, когда он приблизится к этому рубежу. В критический момент я отвлеку внимание «Корифея». Подробности мы обсудим позже, пока что вам просто надо знать, что у вас есть друг и союзник. Надеюсь, вы будете относиться ко мне именно так.

Его можно было принять за развитого не по годам ребенка, нуждающегося в любви, поэтому я почти перестала его бояться. Но когда он встал и шагнул к двери, я запаниковала.

— Подождите! Наблюдение Сети в этой комнате теперь будет постоянно отключено?

— Нет. Мне очень жаль, но я не всемогущ. В мое отсутствие вы должны помнить, что Сеть вас подслушивает.

Я заставила себя подойти к нему вплотную. Правая сторона его лица была розовой, как ракушка, и совсем без пор: несовершенство, порожденное излишним совершенством. Его глаза сияли.

— Можно еще один вопрос?
— Какой?
— Знаете, как вас называют?
— Не совсем понимаю, о чем ты.
— Ну, согласно пророчествам, вы способны говорить с гипотетиками. А вы способны?
— Нет, — ответил он. — Пока еще нет.

* * *

Не прошло и часа, как ко мне явился крайне взволнованный Оскар. Он знал о визите Айзека и сходил с ума от любопытства, чего тот мне наговорил. Сеть не могла удовлетворить его нетерпение, и он потребовал объяснений у меня.

Я достаточно хорошо знала Оскара еще по тем временам, когда была Трэей и проходила обучение как связная. Оскар никогда не сомневался в безупречности своей работы и в благородстве ее целей. Есть на Воксе поговорка: «он взлетает и падает вместе с волной». Так говорят о том, кто свято предан своему долгу перед Вокс-Кором. Оскар был именно таким. И вдруг его душевное спокойствие оказалось нарушено. Решение Айзека встретиться наедине с отступницей, отвергающей «узел», более того, отключить на этой встрече обычное наблюдение поколебало само

его представление о миропорядке.

Я объяснила, что Айзеку захотелось вспомнить двадцать первый век.

— Чтобы узнать все, что знаешь о прошлом ты, ему необязательно с тобой встречаться.

— А вдруг ему интересна я сама? Вдруг его потянуло поболтать по-английски?

— Что интересного может быть для такого как он в разговорах с тобой, пусть даже по-английски?

Это было уже оскорблением, и я в ответ использовала выражение, которое было, возможно, незнакомо Оскару.

— Да пошел ты!.. — крикнула я и захлопнула дверь.

2

От Турка не было известий — он предупреждал меня, что после операции его могут оставить на ночь в больнице. А я уже не могла оставаться одна, к тому же боялась, что ускоренное сердцебиение и изменения в моей гормональной химии подскажут Сети, что здесь что-то не так, особенно если Айзек все-таки не заблокировал датчики. Мне нужно было отвлечься. Я помчалась в ближайшую общественную зону — на террасу над

рынком, и там застыла, любуясь иллюминацией по случаю праздника Идо.

Вокс-Кор был городом ритуалов и фестивалей. В бытность Трэей я все это обожала. Сидевшую во мне Эллисон удивляла любовь чопорного Вокса ко всевозможным празднествам. Но Вокс, как лимбическая демократия, лучше всего другого умел внушать своим жителям коллективные переживания.

Вокс был основан на планете Эстер, в пяти мирах от Старой Земли. Мы сохранили эстерианский год протяженностью в 723 дня и эстерианский 24-часовой день (традиция, доставшаяся нам от оставленной Земли, хотя на Эстер дни и часы были немного длиннее). Вокс побывал во всех эти пяти мирах, путешествуя по изотропному морю, связывавшему все миры Кольца, за исключением Марса. Многие наши дни были праздничными: мы отмечали праздники Основания Вокса и Пророчеств, торжественные годовщины исторических сражений и так далее. Праздник Идо был посвящен нашей победе над бионормативными силами у Арки Теривайн: в том сражении мы захватили пленных, из которых потом выросла фермерская каста.

Это был военный праздник с фейерверками,

барабанным боем и факельными шествиями. Обычно все это сопровождалось обильными пиршествами. В этом году праздник проходил в условиях рационирования продовольствия, и ему были присущи истерические нотки. Все знали, что это последний Идо перед преображением мира.

Разумеется, я не смогла примкнуть к всеобщему ликованию. Даже если бы мне этого захотелось, всему Вокс- Кору я была известна по выпускам новостей. Я предала собственное прошлое, внесла диссонанс в историю о Посвященных, к тому же из-за отсутствия у меня «узла» мое поведение показалось бы всем непонятным и подозрительным. Толпа не была мне страшна — по крайней мере до поры до времени, — но при попытке присоединиться к веселящимся меня подвергли бы остракизму и проигнорировали. Поэтому я нашла место, г де можно побыть одной, — рощицу над торговой зоной. Подо мной, на расстоянии полумили, сияла огнями рыночная площадь. Веселящиеся держали в руках светящиеся стержни разной длины и цвета и выстраивались в цепочку за предводителем, который вел за собой эту извивающуюся процессию мимо рыночных прилавков. Издали завораживающее зрелище:

разноцветная змея, свивающаяся в кольца под барабанный бой.

Мне было грустно, мной овладела извращенная ностальгия. Я больше не была Трэей и не хотела ею быть, но скучала по той радости, которую испытывала раньше Трэя в такие праздничные дни. По МОЕЙ радости. ОНА, МНЕ, МОЕ, ЕЕ… Обманчиво простые слова, проникнуть в смысл которых совсем не так легко, как раньше казалось.

Даже не имея «узла», я уловила очередную волну воодушевления, пробежавшую по толпе. Глядя поверх верхушек деревьев на огромный экран, я поняла, в чем причина. Группа танцоров развернула плакат с портретом Айзека Двали, светившийся в темноте. До моего слуха донеслись их радостные крики.

Но они славили не настоящего Айзека, а то, что он олицетворял: осуществление пророчеств, грядущий конец света. Я различила глас обреченного «Корифея», требовавшего от Вокса нескончаемых восхвалений.

* * *

Как измерить коллективное безумие? Я видела его признаки в эпидемии иррациональности и безразличии к реальным проблемам (таких как

нехватка зерна и животных белков), во всеобщей одержимости гипотетиками в результате бойни в антарктической пустыне. Изображения машин гипотетиков были повсюду, и крепло убеждение, что погибшие солдаты и ученые не умерли, а попали к гипотетикам, стали Посвященными.

Широко распространилось мнение, что когда эти машины доберутся до Вокса, все остальные тоже воссоединятся с гипотетиками — или же погибнут, что было почти одно и то же. В этом отношении пророчество всегда оставалось туманным. Основатели Вокса верили, что конец Вокса примет вид «аджиентеи», что можно перевести примерно как «расширение» — распыление человеческого сознания на галактическом пространстве и в геологическом времени, — в тех масштабах, в которых, как считалось, действовали гипотетики.

По оценкам наших ученых, при сохранении той же скорости движения машины гипотетиков должны были доползти до Вокса еще через много месяцев, а то и лет. Некоторые благочестивые пожилые граждане требовали, чтобы их отправили навстречу машинам, — так они успели бы стать Посвященными до смерти.

Но их тревоги оказались напрасными. Уже че-

рез несколько часов после завершения праздника Идо наши беспилотные летательные аппараты сообщили с Земли Уилкса будоражащую весть: машины гипотетиков ускорили ход. Каждые несколько часов их скорость теперь удваивалась. Пока что она оставалась невелика, но при дальнейшем ускорении сроки их прибытия приходилось пересмотреть и приблизить. Теперь специалисты ждали их через несколько недель, а то и дней.

От этой новости Вокс загудел, как колокол.

Глава 19
САНДРА И БОУЗ

— Опасность еще не миновала, — предупредил Боуз, заглушив мотор на стоянке перед номером мотеля, где поселилась Эриел Матер.

Сандра была того же мнения. Она видела, как напряженно он всматривался в зеркала заднего вида, удаляясь от приюта. По его словам, теперь им предстояло забрать с собой Эриел Матер и перевезти ее и Оррина в другой мотель, где они переночуют. А утром друзья Боуза доставят их в безопасное место за городом.

Сандра осталась в машине с Оррином, Боуз подошел к двери Эриел. Через несколько минут он вернулся вместе с Эриел и ее потертым пластмассовым чемоданчиком. На Эриел были потрепанные джинсы и черная футболка с надписью «University of North Carolina». Сандра подозревала, что к самому университету Эриел не имела никакого отношения, просто покупала одежду в университетском магазинчике.

— Некоторые люди по-прежнему считают Оррина опасным, — объяснил Боуз Эриел, забрав-

шейся на заднее сиденье. — Поэтому мы отвезем вас на одну ночь в другой мотель. Уже завтра вы покинете Хьюстон, и всему этому настанет конец. Не возражаете, мисс Матер?

— У меня от всего этого голова кругом, — отозвалась Эриел. — Что с Оррином? Оррин, ты в порядке? Очнись!

— Он принял успокоительное, — объяснила Сандра. — Через несколько часов он придет в себя. Сейчас лучше дать ему выспаться. Видите, какой он сонный?

— Его чем-то опоили?

— Простое снотворное.

— Честно говоря, ума не приложу, как вы можете работать в месте, где безвинных людей накачивают без всякой на то причины.

— Я больше там не работаю, — ответила Сандра.

* * *

Боуз петлял по закоулкам, пока не убедился, что их никто не преследует, а потом остановился у безликого двухэтажного мотеля неподалеку от аэропорта. К этому времени Оррин уже мог двигаться: он сам выбрался из машины и, опираясь на сестру, дошел до комнаты. Сандра осталась

ждать в крохотном холле мотеля, пока Боуз отнесет чемоданчик Эриел.

Час был поздний, прошлой ночью она почти не спала, но сохранила бодрость: давало себя знать возбуждение, охватившее ее в приюте. Грубоватая нежность Эриел к брату напомнила ей о ее собственном брате, с которым обращались гораздо лучше, чем с пациентами приюта — немудрено, за такую цену! Потом Сандра стала думать о человеке, пытавшемся подкупить ее по телефону, предлагая средство для долголетия.

Неназванные друзья Боуза тоже имели доступ к этому средству — настоящему, марсианскому, а не коммерческой подделке. Не согласятся ли эти люди помочь Кайлу? И если да, то что потребуют взамен?

Боуз настаивал — неужели это было только вчера? — что они не члены какого-то тайного общества. Все начинали люди, которых знал еще Джейсон Лоутон — тот ученый, которому доверил свои препараты Ван Нго Вен. Не все они сами прошли лечение, хотя некоторые из них прошли; но все они хотели стать его хранителями, распространять его с соблюдением этических норм и тайно, пока не изменятся законы. С годами их круг расширился, в него могли попадать и нена-

дежные люди, хотя центральное ядро старалось этого не допускать.

Сандра отметила, что говоря о «центральном ядре», Боуз употребил слово «мы».

В холл он вернулся один.

— Тебе самой лучше не быть дома, — сказал он Сандре. — Я думаю, мы переночуем здесь. — Он улыбнулся. — Если хочешь сэкономить, можно снять один номер на двоих.

— Только ради экономии?

— Нет, не только, — ответил он.

* * *

Кондиционер в номере оказался совсем хилый, но иногда бывает не вредно попотеть.

Утомленная любовью, Сандра прижалась всем телом к Боузу. По занавескам номера скользил свет фар проезжавших мимо машин. Сандра провела пальцем по шраму Боуза, от живота к плечу. Сначала он вздрогнул, потом — возможно, усилием воли — расслабился.

— Откуда у тебя это? Ничего, что я спрашиваю?

Он довольно долго молчал, и она поняла, что он предпочел бы не отвечать на этот вопрос. Наконец он сел, опершись плечами о спинку кровати.

— Мне было семнадцать лет, — начал он. — Я

был в Мадрасе в гостях у отца. Мои родители к тому времени расстались. Отец был инженером-консультантом на строительстве ветродвигателей на мелководье. Компания сняла ему бунгало с видом на море, но в опасном районе. Однажды ночью в дом проникли грабители. Они убили моего отца. Я был достаточно глуп, чтобы попытаться его защитить… — Он накрыл ладонью ее руку. — У них были ножи.

Удивительно, как ему при таком ножевом ранении не выпустили кишки…

— Какой кошмар! Бедненький!

— Сосед услышал шум и вызвал полицию. Я потерял много крови, был при смерти. Прилетела мать и занялась моим лечением, нашла концы, обеспечила хороший уход.

Сандра решила, что потому он и пошел служить в полицию Хьюстона: ненависть к преступникам, отношение к полицейским как к спасителям…

— Я слыхала, что на юге Индии в первые годы после Спина было несладко…

— Не хуже, чем в Хьюстоне, — ответил Боуз.

Видя, что этот разговор дается ему нелегко, она не стала его продолжать и задремала.

* * *

Было странно с непривычки проснуться рядом с ним в незнакомой постели поздним утром, вдохнуть вонь солярки, проникающий сквозь рассохшуюся раму мотельного окна. Она села и зевнула. Боуз спал на спине, дыша мерно, в ритме накатывающегося на берег прибоя. Постель сохранила солоноватый запах их любви.

Она не отказалась бы пролежать здесь несколько суток кряду и, кажется, была на это способна. По сути, если еще не официально, она стала безработной, деваться ей было некуда. Но неискоренимый кальвинистский инстинкт заставил ее взять с тумбочки часы. Почти полдень, полдня пошло насмарку — ужас!

Она встала, постаравшись не разбудить Боуза, и отправилась в душ. Ей было нечего надеть, кроме джинсов и вчерашней блузки — не особенно свежей, что ее, как ни удивительно, совсем не покоробило.

Выйдя из ванной, она застала его проснувшимся.

— Будем завтракать, — сказал он с улыбкой.

— Для завтрака поздновато.

— Тогда обед. Я позвонил в номер Эриел. Оррин

еще не до конца пришел в себя, но ему лучше. Они идут в здешнее кафе. Предлагаю поискать местечко поприличнее. Потом мы вернемся сюда — я заказал номер на две ночи, но Оррина с Эриел мы можем отправить еще засветло.

«И что будет дальше? — подумала она. — После того, как Матеры благополучно покинут город?»

* * *

Жара все не спадала, хотя к вечеру прогнозировали грозу. Сандра надеялась, что дождь принесет прохладу. Небо оставалось серым и раскаленным, на юге громоздились высокие облака, похожие на величественные храмы, тянущие свои шпили к стратосфере, к спасительному холоду.

Предложение Боуза найти для обеда «местечко поприличнее» привело их в ресторанчик у шоссе. Сандра заказала сандвич и не стала обращать внимание на ковбойский декор и агрессивно-жизнерадостное обслуживание. Пока им принесли заказ, успела схлынуть толпа, утолявшая голод в полуденный час, и зал стал похож на опустевший склад. Боуз быстро проглотил свой бифштекс с яичницей, проголодавшись после любовных утех (даже от мысленного употребления этого устаревшего понятия Сандре сделалось

стыдно). За кофе она сказала:

— Похоже, нам никогда не узнать, что к чему. Я о тетрадках Оррина: откуда все это взялось, что все это значит для него…

— Нам много чего не дано знать.

— Он-то спрячется, а мы… что нам делать дальше? Ты проверил свой телефон?

— «Сдай жетон и проваливай». Голосовое послание и СМС. Они бы и на телеграмму потратились, если бы знали, где я нахожусь.

— Какие у тебя планы?

— В перспективе или сейчас?

— В перспективе.

— Подумываю о Сиэтле. Там холодно и дождливо.

— Прямо так возьмешь и уедешь?

— А как иначе? — Он поставил кофейную чашку на стол. — Поехали со мной.

Она уставилась на него.

— Господи, Боуз! Ты как ни в чем не бывало говоришь такие вещи…

— Не знаю, конечно, как там у тебя получится с работой. Но мои друзья — это твои друзья. Возможно, в Сиэтле мы сумеем тебе помочь что-то подыскать.

— Я не могу просто так…

— У тебя есть причины задерживаться в Хьюстоне?

— Конечно, есть!

Разве? Ни настоящих друзей, ни шансов трудоустроиться.

— Это Кайл, во-первых.

— Твой брат? Согласен. Но почему не подыскать для него похожее заведение в штате Вашингтон?

— Это такая бумажная волокита!

— Подумаешь, бумажки!

— Попробовать, конечно, можно, но…

Он махнул рукой.

— Прости меня за приступ эгоизма. Просто мы с тобой оказались в одной лодке. Ты ни в чем не виновата. У тебя все шло хорошо, пока не появился я.

Ничего подобного, просто он не в курсе.

— Я очень тебе признательна. — И добавила неожиданно для себя: — Я подумаю.

Теперь она могла строить планы. Осталась без работы — и чувствовала себя как парашютист в свободном падении, могла всем рискнуть, ничем, в принципе, не рискуя.

— Почему тебе все дается так легко? Мне завидно!

— Возможно, я думал об этом дольше, чем ты.

Нет, не в этом дело. Боуз был вообще такой — он был наделен каким-то сверхъестественным внутренним спокойствием.

— Ты не похож на других! — выпалила она.

— В каком смысле?

— Не придуривайся, ты понял, просто не хочешь об этом говорить.

— Знаешь, — ответил он, доставая из кармана бумажник, — мы можем это обсудить, когда увезем отсюда Оррина.

* * *

Сандре хотелось переодеться, и она уговорила Боуза подождать под домом, пока она забежит в свою квартиру и соберет самое необходимое. Кроме барахла из гардероба, она захватила паспорт, права и прочие документы. Когда она вернется? Может, уже скоро, а может, вообще никогда. Перед уходом она оглядела квартиру, которая уже выглядела необитаемой, как будто, чувствуя ее намерения, отказывалась считать ее жильцом.

Боуз спокойно дожидался ее внизу, негромко включив в машине музыку «кантри». Она забросила сумку на заднее сиденье и села рядом с ним.

— Не знала, что ты поклонник такой музыки.

Звучит так, будто скрипку терзает дворовый кот.

— Как неуважительно! Между прочим, это классический стиль «вестерн», Боб Уиллис и «Техасские повесы».

Именно, что повесы: кто еще станет колотить по консервной банке и дергать одну струну?

— Вот, значит, что удерживало тебя в Техасе?

— Нет, но это единственное, с чем мне жаль расставаться.

Он весело барабанил пальцами по рулю, когда зазвонил телефон. В левом нижнем углу дисплея на панели высветился номер телефона.

— Ответить, — сказал Боуз. Музыка смолкла. — Боуз слушает.

— Это я! — раздался пронзительный женский голос. — Эриел Матер! Полисмен Боуз, это вы?

— Да, Эриел, что случилось?

— Оррин!..

— Что с ним?

— Я не знаю, что с ним! Не знаю, куда он подевался — пошел к автомату купить банку «колы» и пропал!

— Сидите и ждите нас, — распорядился Боуз. — Мы мигом!

Сандра сразу уловила в нем перемену: поджатые губы, прищуренные глаза. Она была права,

что он не похож на других — казалось, внутри у него неиссякаемый запас спокойствия. Впрочем, теперь от него веяло не спокойствием, а суровой решимостью.

Глава 20
РАССКАЗ ТУРКА

1

После операции, как только стала проходить анестезия, когда я находился на рубеже между сном и бодрствованием, я увидел горящего человека: он дергался, пожираемый пламенем, но при этом пристально смотрел на меня сквозь плывущую пелену горячего воздуха.

Это был классический кошмар. Только это был не сон, а воспоминание.

* * *

Прежде чем вшить мне лимбический имплантат, бригада хирургов продемонстрировала его мне. Мой ужас они наверняка расценили как предоперационную тревогу.

«Узел» представлял собой гибкий черный диск шириной в несколько сантиметров и толщиной меньше сантиметра. Он был покрыт россыпью бугорков размером с булавочную головку, из которых при должном кровоснабжении от окру-

жающих капилляров должны были начать расти искусственные нервные волокна. Почти сразу после установления имплантат устанавливал связь с Сетью, за считанные дни его искусственные нервы проникали в спинной мозг и начинали инфильтрацию в соответствующие доли мозга.

Врачи спросили, понятно ли мне все это. Я ответил, что понятно.

Потом — укол анестезии, холодок в затылке, бесчувственность, занесенный хирургом скальпель…

* * *

Горящий человек был ночным сторожем на складе моего отца в Хьюстоне.

Я его совершенно не знал, и убийство было непреднамеренным. В любом суде его квалифицировали бы как убийство по неосторожности, не более того. Только перед судом я не предстал.

Дважды за жизнь я рассказывал эту историю другим людям — однажды в подпитии, в другой раз трезвым. Один раз незнакомцу, другой раз — женщине, в которую влюбился. Но в обоих случаях мой рассказ был неполным и отчасти вымышленным. Даже мои искренние попытки покаяния были пропитаны ложью.

Тех, кому я тогда каялся, уже десять тысяч лет не было на свете, но тот умирающий по-прежнему терзал мою совесть, не переставая гореть. И вот я отдал ключи от своей совести «Корифею» и мог теперь только гадать, что из этого выйдет.

2

Первая перемена, которую я заметил после операции, произошла не со мной самим, а с другими людьми, вернее, с их лицами.

Я ощущал кое-какие побочные последствия, о которых меня предупреждали, — приступы головокружения, потерю аппетита, но эти симптомы были несильными и быстро прошли. Меня пугало не то, что я ощущал, а то, чего не ощущал, чего мог незаметно для себя лишиться. Я старался не действовать интуитивно и несколько дней провел в одиночестве, ни с кем не разговаривая, даже с Эллисон (она, кстати, стала относиться ко мне с угрюмым презрением — как я надеялся, наигранным). Мы оба знали, как нам быть, как знали и то, что я пока не готов к своему главному поступку.

Врачи советовали мне развивать «интерактивные волевые навыки», способность пользоваться с помощью «узла» пультами управления,

например, включать сочетанием воли и прикосновения графический дисплей. Те же самые навыки должны были мне пригодиться, чтобы улететь с Вокса, поэтому я ревностно принялся за тренировки. Оскар иногда заглядывал, чтобы убедиться, есть ли прогресс, и однажды принес несколько учебных пособий, предназначенных для вокских детишек: «сетевые» игрушки, при моем прикосновении менявшие цвет или начинавшие играть музыку. Поначалу они были бесчувственны к моему прикосновению. «Узел» только начал тогда проникновение в ключевые зоны моего мозга, только осваивал возбуждение и подавление отдельных участков; установились еще не все взаимосвязи, и Оскар рекомендовал мне запастись терпением.

Только когда я перестал заморачиваться на пультах управления и стал выбираться в город, выяснилось, что «узел» уже изрядно меня изменил. Я десятки раз ходил по этим коридорам прежде, бывал на этих ярусах и террасах, но теперь мне казалось, что я вижу их впервые. Лица встречных были лучезарны и выразительны. Я мог читать настроение чужих людей с такой легкостью, как будто всю жизнь был с ними близко знаком. Врачи предупреждали, что так будет,

хотя прибегали при этом к таким формулировкам как «мозжечковое сцепление», «зеркальная нейронная избыточность» и «хиазмическая индукция» (так это звучало в переводе Оскара), смысл которых ускользал от меня. Но сам эффект чуть не сбивал с ног.

Я решил побывать на холмах над городом, подальше от толп. Перемещение по Воксу по вертикали походило на езду в лифте размером с вагон метро, то есть вынуждало находиться лицом к лицу со множеством других пассажиров. Я сидел напротив женщины с ребенком на коленях. Она улыбалась мне улыбкой, как будто предназначенной для любого чужака, но мы не были чужими, нас связывала «Сеть», создававшая молчаливую интимную связь. Ее тревожный взгляд и нервное ерзанье говорили о беспокойстве за будущее — недавно сообщили об ускоренном приближении машин гипотетиков, — но при этом она была готова покорно принять ту судьбу, которую уготовили ей пророки. Когда она смотрела на сынишку, ее охватывало отчаяние. Малышу было всего месяцев пять- шесть, и лимбический имплантат выглядел заметным бугром на его затылке. Я улавливал простейшие потребности ребенка и его абсолютную зависимость. Мать

была не в восторге от необходимости доверить его гипотетикам, при всей своей вере в их благорасположение. Сжимая дитя в объятиях, она поддавалась греху страха.

Я чувствовал, как их обоих омывает благостная эйфория «Корифея», вопреки языку их тел и жестов. Это действовало мне на нервы. Разумеется, они чувствовали мою реакцию так же остро, как я — их. Мамаша хмурилась и отводила взгляд, словно увидела что-то дурное. Ребенок был неспокоен и тревожно льнул к ней.

Я выскочил наружу на ближайшей остановке.

* * *

Когда в следующий раз мной овладело сосущее беспокойство, был уже поздний вечер, коридоры были освещены и почти безлюдны. Весь день я проработал с интерфейсами «Сети» и понял, что, несмотря на усталость, не смогу заснуть.

Как передавали наши беспилотные аппараты, машины гипотетиков неожиданно шустро перевалили через Трансантарктический хребет раньше, чем предполагалось. На равнинной Земле Уилкса они выглядели твердыми и тяжелыми объектами, но на пересеченной местности легко меняли форму, преодолевая серьезные преграды.

В горах они превращались в вязкую жидкость и в таком виде штурмовали ущелья и перевалы, стекали с крутых склонов. Время, оставшееся до их прибытия на Вокс, неуклонно сокращалось.

Те немногие прохожие, кого я встретил тем вечером, были полны противоречивых чувств, их лица пылали, как факелы, — такими они мне виделись. Я торопился проскочить мимо них и начинал понимать, что имела в виду Эллисон, говоря о коллективном помешательстве. Это относилось не только к эйфории, распространяемой «Корифеем». В вокском обществе тлел и разгорался страх, полностью подавить который было невозможно. Я прошел мимо техника, у которого на лице буквально полыхала тревога, создавая над его головой колючий нимб страха. Я и сам чувствовал его присутствие — несильное, зато постоянное, как сердцебиение. Жажда лучшего и более полноценного существования сочеталась с пугающим подозрением, что из антарктической пустыни на нас движется неумолимая и быстрая смерть.

Вернувшись, я застал Эллисон бодрствующей. С ней был Айзек Двали.

Я знал о чудесном излечении Айзека и о подтверждении им вокских пророчеств, что пре-

вратило его в народного героя. В Вокс-Коре от его изображений было некуда деться. Но сюда он явился один, без сопровождения, и улыбался Эллисон, а та улыбалась мне.

— Мы можем поговорить! — объяснила она.

Что за бессмыслица? Я уставился на Айзека. Для меня он выглядел позолоченной статуей средневекового святого. Видел я и следы его травмы, изъяны в его ауре: он представал мозаикой из разноцветных стеклышек, источавшей неожиданно мощную энергию. Я спросил его, чего он хочет.

— Сейчас объясню, — сказал он.

Глава 21
САНДРА И БОУЗ

Эриел расхаживала по своему номеру, сама не своя от волнения. Она рвалась отправиться искать Оррина, но Боуз уговорил ее подождать и сначала объяснить, что стряслось. Сандра сидела на незастеленной постели, внимательно слушала и помалкивала.

— Вы ходили обедать… — начал Боуз.

— Да, в кафе. Ели гамбургеры. Какая вам разница, что мы ели?

— Как Оррин себя чувствовал сегодня утром?

— Неплохо, если вспомнить, что вчера он был совсем не в себе.

— Значит, он был в хорошем состоянии. О чем вы разговаривали?

— Больше о том, что было после его отъезда из Рейли. Как он приехал в Хьюстон и пошел работать к этому Файндли. Я спросила, зачем ему вообще приспичило бросить дом — может, я что-то делала не так, может, ему было плохо? Он сказал, что нет, все было хорошо, ему совестно, что он меня заставил за него переживать. Сказал,

что у него было чувство, будто в Хьюстоне его ждет важное дело.

— Что за дело?

— Я тоже об этом спрашивала, но он так и не ответил. Я не приставала — решила, что все уже позади, что мы едем домой, так я думала…

— Что еще вы обсуждали?

— Погоду. Эту проклятую жару. В Рейли тоже печет, но до Техаса нам далеко. Если честно, не пойму, как вы здесь вообще живете. Больше ничего. Пока мы болтали, Оррин держат на коленях эти свои дурацкие тетрадки, те, которые вы ему вчера вернули.

— Он говорил что-нибудь о них?

— Показал мне утром пару страничек, но очень уж робел при этом. Некоторые слова там не знакомы ни ему, ни мне. Спрашиваю его: это ты написал? Вроде того, отвечает. Я спрашиваю: как это? Ты держал ручку, которая все это выводила, или не ты? Я, говорит. Кто-нибудь был рядом с тобой? Нет, никого. Выходит, говорю, ты написал, в конце концов? Он говорит: это просто история. Не пойму, почему ему так дороги эти бумажки. Может, это как-то связано с его бегством из дому?

— Не знаю… — протянул Боуз. — Что было дальше? После обеда?

— Он попросил у меня немного карманных денег, на прогулки.

— На прогулки?

— Так мы это называли в Рейли. Он брался за любую работу, чтобы помочь платить за дом, но своих денег никогда не имел, вот я и давала ему по субботам мелочь, купить себе что-нибудь в магазине, сходить в местный бассейн, перекусить в «Макдоналдс». Он не любил уходить с пустыми карманами. — Эриел перестала бегать по номеру и тряхнула головой. — Я дала ему сорок долларов, чтобы сделать ему приятное. Не думала я, что он с ними сбежит! Что такое сорок долларов в этаком городе? После обеда мы вернулись сюда, ждать вас. Он и говорит: схожу, мол, в холл, разменяю деньги, куплю баночку «колы». Я хотела дать ему мелочь, а он говорит, нет, деньги ты мне уже дала, надо их разменять. Проходит минут двадцать, а его все нет. Иду его искать. У автомата с «колой» его нет, в холле тоже. Дежурный администратор сказал, что он видел Оррина на шоссе, на автобусной остановке.

— В какую сторону он уехал? — спросил Боуз.

— Вы можете спросить об этом администратора.

— Оррин был на остановке один? Администра-

тор не говорил, что там был кто-то еще.

Сандра дождалась, пока Боуз вытянет из Эриел все сведения, какие та могла сообщить, потом вмешалась:

— У меня тоже есть пара вопросов, если вы не против.

Боуз удивленно посмотрел на нее, Эриел со вздохом кивнула.

— В последний раз вы говорили, что Оррин мухи не обидит, помните?

Эриел поджала губы.

— Помню, а как же!

— Он подрался с санитаром, который пытался его задержать, когда он решил сбежать из приюта.

— Вранье!

— Возможно, только у санитара на следующий день была перевязана рука, и он утверждал, что Оррин его укусил.

— Я не верю ничему, что болтают эти люди. Вы, кажется, говорили, что ушли с этой работы?

— Да, я там больше не работаю. Просто хотела уточнить.

Эриел дошла до стены и вернулась.

— Любой не без греха, доктор Коул. Но Оррин и впрямь тихоня. Возможно, я немного преуве-

личила в нашем прошлом разговоре, но ведь вы работали там, где его заперли, и я боялась ему навредить.

— Преувеличили что?

— Когда Оррин рос, ему несколько раз приходилось драться. Его трудно разозлить, и драки ему не по душе, но это не значит, что он ангел. Соседские ребята его, бывало, донимали — обзывали и все такое. Чаще он убегал, но пару раз расходился.

Сандра с Боузом переглянулись.

— Часто это происходило? — спросил Боуз.

— Даже не знаю… Раз-два в год, когда он был подростком.

— Это серьезно? Ему доставалось, или его противникам тоже?

— Нет…

— Все, что вы расскажете, может помочь нам найти его.

— Не пойму, как… — Она помялась. — Ладно. Однажды он так врезал сынку Льюисонов, что парню зашивали бровь. Но чаще это были просто мальчишеские потасовки. Могли подбить глаз или два. Иногда сильнее доставалось Оррину, иногда другим. Но он после этого всегда переживал.

— Большое спасибо, — сказал Боуз. — Припомните, о чем еще говорил Оррин сегодня утром. Даже если это показалось вам полной ерундой.

— Я же сказала, только о погоде. В кафе он внимательно слушал сводку погоды по радио. Вечером обещали ливень. Он повеселел. «Сегодня вечером, — говорит. — Наконец-то!»

— Как вы думаете, что он имел в виду?

— Он всегда любил грозу. Гром, молнию, все такое.

* * *

Боуз уговорил Эриел остаться в номере, чтобы ему не пришлось искать сразу двоих. Эриел к этому времени более-менее успокоилась и согласилась с ним.

— Только обязательно мне позвоните, как только что- то узнаете!

— Позвоню, даже если ничего не узнаю.

В холле мотеля Боуз перекинулся парой фраз с дежурным администратором. Тот подтвердил, что видел Оррина на остановке автобуса, идущего к центру, но не заметил, сел он в автобус или нет. Худой парнишка в драных джинсах и желтой футболке, стоявший на обочине на солнечной стороне.

— На таком солнцепеке недолго получить и солнечный удар. Автобус ведь ходит редко, раз в сорок пять минут.

— Что теперь? — спросила Сандра Боуза, когда он отошел от стойки.

— Сейчас решим. Хочешь остаться с Эриел?

— Не хочу.

— Мы можем заглянуть в пару мест.

— Ты хочешь сказать, что знаешь, куда он поехал?

— Догадываюсь, — ответил Боуз.

Глава 22
РАССКАЗ ЭЛЛИСОН

Айзек Двали рассказал нам, как он отключает наблюдение Сети. Турк сидел в напряжении, поглядывая то на Айзека, то на меня.

— Это правда, — сказала я, когда Айзек закончил, и рассказала Турку об остальном. О своей беседе с Айзеком несколько дней назад, о том, что ему известен наш план и что Сеть не слышит наш разговор (во всяком случае. в настоящий момент).

Я не была уверена, что Турк мне поверит, пока он не встал и не подошел ко мне. Мы открыто посмотрели друг другу в глаза — впервые с тех пор, как мы начали планировать побег, в следующее мгновение мы обнялись, торопясь разом высказать все то, что в нас накопилось. Получилась счастливая и бесконечно печальная невнятица. Но что значат слова? Нам было достаточно касаться друг друга и друг другу не лгать. Потом я дотронулась до его затылка, где кожа была еще совсем тонкой, а под ней пульсировала шишка. Он поморщился, и нашим объятьям настал конец.

Повернувшись к Айзеку, он сказал:

— Я тебе очень благодарен…

— Не стоит благодарности.

— …но испытываю смущение. Я был знаком с Айзеком Двали в экваторианской пустыне. Ты на него очень похож, учитывая все случившееся. Знаю, тебя воссоздали из тела Айзека. Но ты в значительной степени — чистокровный уроженец Вокса. И честно говоря, твой голос не очень похож на голос прежнего Айзека.

— Я не прежний Айзек. У меня еще нет имени.

Турк смотрел на него внимательно, как смотрели друг на друга все подключенные к Сети, считывая невидимые знаки.

— То есть я хочу сказать, что не понимаю, зачем ты здесь. Я не знаю, чего ты хочешь.

Айзек перестал улыбаться, в его глазах появился холодный блеск, заметный даже мне.

— Не важно, чего я хочу. Это никогда не имело значения. Я не просил делать мне инъекцию биотехнологии гипотетиков, когда я еще находился в материнской утробе. Не просил пропускать меня через Арку Времени, не просил оживлять, когда я честь по чести умер. Мои желания всегда были неуместны. Неуместны они и сейчас. Моя нервная система объединена с процессорами

Сети. Я прикован к Воксу и не могу без него существовать, но Вокс скоро поглотит нечто… нечто непостижимое.

Было заметно, что он старается держать себя в руках.

— Гипотетикам наплевать на такую безделицу, как человеческая жизнь. Им интересен «Корифей». Когда их машины доберутся до Вокса, они поглотят «Корифея» и разрушат Вокс-Кор. Не выживет никто из людей.

— Откуда вы знаете? — спросила я.

— Говорить с гипотетиками я не могу — я не тот, кем меня считает Оскар, — но я слышу, как что-то тикает в темноте. Я улавливаю не мысли гипотетиков, а их намерения. — Его лицо расслабилось, он зажмурился, вероятно, прислушался. Потом покачал головой и посмотрел на Турка. — Ты навешал меня, пока я испытывал мучения. Не потому, что считал меня богом, не потому, что собирался меня использовать, как эти доктора, налетевшие на меня, как стервятники на падаль.

— Ничего особенного, — скромно возразил Турк.

— Если вы можете спастись, то я хочу вам помочь. Это тоже «ничего особенного».

— А вы сами? — спросила я.

Он опять улыбнулся, только с горечью.

— Мне не сбежать. Попробую спрятаться. Сейчас я пытаюсь создать себе защищенное пространство внутри Сети. Не для тела, а для своей «самости». Попытка не пытка. Но гипотетики очень сильны. А «Корифей»… «Корифей» безумен.

* * *

«Корифей» безумен.

В свою бытность Трэей я мало думала о «Корифее», как и все остальные. «Корифей» был абстракцией, собирательным понятием, обозначавшим процессоры, бесшумно и невидимо связывавшие Сеть и «узлы». Наши учителя показывали нам такую диаграмму:

Больше этого мы знать не хотели, да у нас и не было в этом необходимости. Система была устойчивой, сама себя охраняла, сама обеспечивала свою будущность, и в таком виде безупречно функционировала уже пять столетий. Что могло означать заявление о безумии «Корифея»?

Все дело было в вокских пророчествах. Наши основатели записали их в «Корифее» как бесспорные аксиомы — вечные истины, категорически не подлежащие оспариванию и пересмотру. Это

было не важно, пока пришествие гипотетиков оставалось далекой целью, к которой мы продвигались маленькими шажками. Но теперь вопрос оказался поставлен ребром. Пророчество столкнулось с реальностью, и очевидный вывод — что пророчества могут оказаться ошибочными, — был вариантом, рассматривать который «Корифею» было запрещено раз и навсегда.

Этот конфликт затрагивал системы наблюдения и инфраструктуру, связывавшие воедино наши жизни и технологию; он касался лимбических интерфейсов и личных чувств всякого, кто ходил с «узлом» в затылке.

— Наибольшая опасность заключена в непредсказуемости результата, — продолжал Айзек. — Вероятнее всего бессимптомная тенденция к саморазрушению в органических и искусственных элементах системы. Это уже происходит, причем быстрее, чем я мог предположить.

Я потребовала объяснений и сразу пожалела об этом.

— До конца Вокса остаются считанные дни. Значит, не нужно дополнительное продовольственное снабжение, лишние люди тоже ни к чему, если они не являются добровольными участниками процесса. — Айзек отвернулся:

видимо, ему было тяжело смотреть нам в глаза. — «Корифей» истребляет оставшихся фермеров.

* * *

Я отказывалась в это верить, пока не увидела подтверждения. Сразу после ухода Айзека я помчалась на одну из самых высоких башен и там бросилась к панорамному окну. Была ночь, но небо было необычайно ясным, на севере сияла луна.

Раньше фермеры обитали в пещерах внешних островов Вокского архипелага. До восстания их насчитывалось тысяч тридцать, а после восстания это число сократилось примерно вдвое.

Им конец.

Внешние острова погружались под воду — «Корифей» отсоединил их от центрального острова и открыл старинные кессоны, впустив внутрь морскую воду.

Те фермеры, что выжили при начавшемся затоплении и забрались на верхние ярусы своих островков, теперь гибли у меня на глазах. Море Росса поглощало острова, топя их в фиолетовой пене. Из подводных тоннелей и скважин наружу вырывались бешеные гейзеры, посреди ядовитого моря вздымались и тут же рушились

изъеденные солью гранитные столбы, оставляя после себя масляные разводы и уродливое месиво из древесины мертвых лесов.

Я простояла битый час, сама обратившись в соляной столб, слишком потрясенная, чтобы лить слезы.

Глава 23
САНДРА И БОУЗ

Боуз провез Сандру мимо дома, в котором Оррин раньше снимал комнату. Пятиэтажка в той части города, где следовало проезжать не задерживаясь и лучше с поднятыми стеклами. Машину провожали безучастные глаза окон с выбитыми стеклами и разинутые зевы дверей, замусоренные использованными шприцами. В одной из клетушек одной из этих развалин, подумала Сандра, коротал время перед ночными сменами Оррин, терпеливо строчивший что-то в своих тетрадках.

— Думаешь, он вернулся сюда?

— Нет, — ответил Боуз. — Хотя я не знаю, настолько ли хорошо ориентируется в городе Оррин. Он удрал с сорока долларами в кармане, и вряд ли ему когда-нибудь в жизни доводилось останавливать такси. Скорее всего, он двинулся с пересадками, знакомым ему маршрутом.

— Двинулся куда?

— На склад Файндли, — ответил Боуз.

* * *

Они последовали по маршруту тех автобусов, которыми раньше пользовался Оррин, добираясь до места своей работы. Раскаленные улицы были забиты машинами, небо чернело на глазах, обещая грозу. В наступивших сумерках Боуз свернул в район одноэтажных промышленных и складских построек и безжизненных голых пустырей, где процветанием и не пахло.

Боуз припарковал машину рядом с заправкой на углу и закусочной.

— Здесь где-то тот самый склад? — спросила его Сандра.

— Да, рядом.

Боуз предложил выпить кофе. В закусочной было около дюжины столиков и ни одного посетителя. Окна заросли пылью, зеленый линолеум на полу завертывался, не доходя до стен, но хотя бы работал кондиционер.

— Пора подкрепиться, когда еще выдастся такая возможность, — сказал Боуз.

Сандра взяла себе кофе с кексом и присела за угловой столик. Оттуда ей была видна улица — длинный ряд безликих домов на противоположной стороне и грозное небо. Не один ли из

этих домов — склад Файндли?

Но Боуз покачал головой.

— Нет, склад за углом, еще в двух кварталах отсюда. А ближайшая автобусная остановка — вот она, видишь?

Ржавая табличка на фонарном столбе, бетонная скамейка, безнадежно испачканная граффити.

— Вижу.

— Если Оррин приедет на автобусе, то сойдет здесь.

— Будем сидеть и ждать?

— Ты посидишь, а я проверю окрестности. Вдруг он приехал раньше нас? Хотя я сомневаюсь, что он нас опередил. Он приедет, когда уже совсем стемнеет.

— Откуда такая уверенность? Интуиция?

— Ты дочитала рассказ Оррина?

— Еще не до конца.

— Он у тебя с собой?

— Распечатка, в сумке.

— Дочитай. Обсудим, когда я вернусь.

* * *

Пока Боуз мотался взад-вперед, она сидела и читала. Когда он вернулся на стоянку, ей оставалось дочитать всего несколько страниц. Он спрятал

машину за ресторанным мусорным контейнером, чтобы ее не было видно с улицы, — похвальная осторожность или паранойя?

— Что-нибудь нашел? — спросил она, когда он вошел.

— Ничего. — Он заказал себе кофе с сандвичем и спросил женщину за прилавком, не возражает ли она, если они посидят еще.

— Сидите, сколько хотите, — разрешила та. — У нас тут наплыв в обеденное время, а после никого. Устраивайтесь поудобнее. Только чур, хотя бы иногда что-нибудь заказывать!

— Вот вам немножко денег сверху, будете поить нас горячим кофе.

— Нам запрещено брать чаевые за стойкой.

— Я никому не скажу, — пообещал Боуз.

Женщина улыбнулась.

— Похоже, будет дождь. Хорошо тому, кто под крышей.

Сандра увидела на оконном стекле первые крупные капли. Еще немного — и хлынул ливень. Он забарабанил по раскаленному асфальту, из щели под дверью пахнуло горячей мокрой пылью.

Боуз снял со своего сандвича целлофановую обертку.

— Ты дочитала сочинение Оррина?

— Почти.

— Теперь понимаешь, почему я думаю, что он приедет сюда?

Она неуверенно кивнула.

— Оррин, — или тот, кто это написал, — знает, кажется кое-что про семейку Файндли. Другой вопрос — правда это или нет.

— Мне важнее, что происходит в голове у Оррина, чем то, правда ли это. Помнишь, что он сказал Эриел? «Сегодня вечером. Наконец-то!»

— Что-то он не довел до конца. Во всяком случае, он так считает.

— Правильно. Но он не знает, что Файндли и его люди начеку. По периметру склада расставлены машины частной охранной службы.

— Это что же, броневики для перевозки ценностей компании «Бринке»?

— Нет, эти парни не рекламируют свои услуги.

Сандра поежилась и сказала себе, что причина в непривычной прохладе.

Снаружи, под проливным дождем, затормозил автобус. Он угодил колесом в глубокую лужу, образовавшуюся из-за забитого стока, и окатил водой троих работяг, безропотно мокнувших на остановке. Они залезли внутрь. Никто не вышел,

и автобус с пыхтением укатил.

— Оррину грозит опасность, — сказала Сандра.

— Мы его найдем, вернем Эриел и выпроводим обоих из города. Таков мой план. Если мы его проворонили, то уже ничего нельзя будет сделать.

За окном бесновался ветер. На всей улице стояло одно единственное дерево — жалкая тростинка на лужайке у тротуара, — и теперь оно гнулось на ветру, как скрюченный артритом пенсионер. Рамы ресторанчика содрогались, вот-вот вылетят.

Мысли Сандры вернулись к шраму у Боуза на торсе и к истории гибели его отца в Индии.

— Те грабители, что залезли в дом твоего отца в Мадрасе… — начала она.

Он вздрогнул.

— Почему ты о них вспомнила?

— Что они искали?

— Почему это тебя интересует?

— Просто любопытно.

Молчание.

— Скорее всего, ты догадалась. Им понадобились лекарства.

— Какие лекарства?

— Те самые, о которых ты подумала: марсианские.

— Твой отец был не просто инженером. Он был связан с «Четвертыми».

— Он презирал тех, кого занимало одно долголетие. Само это слово было ему ненавистно. Он повторял, что дело не в долголетии, а в зрелости.

— Твоя мать была в курсе дела?

— Она сама его в это втянула.

— Понимаю. Значит, шрам…

— Причем тут шрам?

— Учти, я училась на медицинском факультете и прошла курс анатомии. Либо нож, которым тебя пырнули, имел лезвие короче дюйма, либо у тебя были повреждены жизненно важные органы. Обычно при таких ранениях не выживают, особенно когда приходится долго ждать помощи.

Она так привыкла к непробиваемому спокойствию Боуза, что удивилась, когда он смущенно опустил глаза.

— Так решила моя мать, — сказал он, помолчав.

У Сандры еще накануне сложилось объяснение, но она все равно волновалась, слушая, как он подтверждает ее догадку.

— Она дала тебе марсианский препарат?

— От отчаяния, чтобы меня спасти. Люди, разбиравшиеся в этом, могли ее осудить, но у нас не

было выбора, я находился в коме…

Клеточная технология, которой марсиане обязаны гипотетикам, спасла умирающее тело Боуза, оживила его и действовала до сих пор… Она вспомнила, как он сказал пару дней назад: «Биотехнология остается в клетках человека навсегда. Некоторых это приводит в ужас».

Это тело, которое она ласкала, было не совсем человеческим.

— Так вот почему ты уделяешь так много внимания бизнесу Файндли…

— Файндли и те, на кого он работает, грозят испакостить дело, которое может оказаться жизненно важным для нашего общего будущего. Это не заурядные преступники. Они не остановятся перед убийством — не ради нескольких дополнительных лет жизни, это еще можно было бы как-то понять, а для того, чтобы торговать в розницу и наживаться.

— Как убийцы твоего отца.

— Точно.

Новый заряд ливня ударил в окно. На улице загорелись фонари — уходящая вдаль цепочка мокрых медяков. Боуз хотел дотянуться через стол до ладони Сандры, но она инстинктивно отдернула руку.

Глава 24
РАССКАЗ ТУРКА

1

До запланированной даты нашего побега Айзек Двали навещал нас еще несколько раз. Как и раньше, он отключал невидимые датчики Сети, но меня беспокоил один датчик, против которого даже он был бессилен, — мой собственный «узел». Если «Корифею» понадобится узнать о происходящем, что мешает ему воспользоваться моими глазами?

— Принимать «Корифея» за личность — это ошибка, — успокоил меня Айзек. — Он не сделает того, чего ты боишься.

— Но он засел в моей голове.

— Да, но не с целью за тобой шпионить. Бдительность — функция Сети. «Корифей» пытается управлять твоими чувствами и подсознанием, но полного подсоединения еще нет. Пока что он может действовать только через других людей. Чтобы с тобой заговорить, он должен воспользоваться чьим-то голосом.

— Ты думаешь, он может ко мне обратиться?

— Думаю, он сделает все, что в его власти, чтобы не дать вам сбежать.

* * *

Наш план был готов во всех мелочах. Он был нехитрый. Эллисон и я порознь поднимемся на верхний ярус к военным судам. Чтобы попасть в Индийский океан и прошмыгнуть сквозь Арку без дозаправки, нам придется выбрать одну из самых крупных машин. Охраны на взлетной площадке не будет — в обществе, подсоединенном к Сети, охрана излишня, но нам могут помешать гражданские лица и техники, особенно если в наши намерения проникнет «Корифей». На борту я попытаюсь справиться с системой управления аппаратом и покинуть на нем стоянку. Если это получится, то в полете можно будет изолировать сам аппарат и мой «узел» от сигналов, посылаемых из Вокс-Кора.

Все это время Айзек будет отвлекать на себя внимание «Корифея». Хватит ли ему сил, чтобы обеспечить наше бегство, станет ясно по ходу дела. По крайней мере его участие должно было повысить наши шансы.

Айзек встал, чтобы уйти. Перед дверью оста-

новился в нерешительности — хрупкое дитя и одновременно просветленный монстр… Он с грустью спросил, нет ли у нас каких-то вопросов. Я ответил отрицательно, Эллисон покачала головой.

— Будьте осторожны, — сказал он, пытливо глядя на меня. — Чем глубже укоренится «узел», тем больше будет знать о тебе «Корифей». В некотором смысле он уже за тебя взялся и рано или поздно предложит что-то, чего тебе самому хочется. Тебе будет трудно сказать «нет».

* * *

В оставшиеся часы я тренировался с сетевыми «игрушками», предоставленными Оскаром, чтобы убедиться, что могу с ними сладить хотя бы девять раз из десяти. Я уже уверенно владел обычными сетевыми панелями управления в квартире (видеоустройствами, контролем температуры и так далее). Летательный аппарат представлял собой гораздо более сложное устройство, но от пилота ему требовалась только четкая передача намерения. Похоже, я смогу с этим справиться.

Затем я поспал часок-другой, пока Эллисон не отрываясь смотрела новостную передачу. Убий-

ство фермеров повергло ее в глубокое уныние. Сообщалось об отдельных вспышках насилия в разных местах. Женщина покончила собой, спрыгнув с высокого яруса вниз, мужчина пырнул малолетнюю дочь кухонным ножом. Волны противоречивых чувств распространялись так быстро, что «Корифей» не успевал их распознавать и гасить. И это были еще не самые плохие новости. Эллисон растолкала меня и потребовала идти за ней.

Я выполз из спальни. В потоке новостей фигурировала свежая съемка машин гипотетиков. В начале сюжета машины гипотетиков ползли по ледяной равнине к берегу моря Росса. Несомненно, они были ближе к нам, чем накануне, но в остальном изображение было обычным. Потом угол съемки стал меняться, беспилотник продолжил облет, не покидая безопасной зоны. Я сперва не понимал, что он нам показывает, а потом увидел. Внезапно все машины гипотетиков одновременно стали менять форму и пропадать из виду.

Уже через мгновение там, где они только что находились, остался только густой серый туман. Камера сделала приближение, пока весь экран не залил туман, неожиданно оказавшийся густым

роем мелких гранул. Я прибег к своим «сетевым» навыкам, поменял шкалу на метрические единицы и обнаружил, что все эти гранулы имеют одинаковый размер, причем довольно внушительный — больше сантиметра в поперечнике.

Что только подтвердило мою догадку: это были те же самые кристаллические бабочки, что напали на авангард экспедиции на Земле Уилкса, только в неизмеримо большем количестве. Получалось, что машины гипотетиков не исчезли, а перевоплотились.

Необъятный рой кристаллов принял форму стрелы, нацеленной на море.

— Они вот-вот будут здесь, — проговорила Эллисон и выразительно посмотрела на меня. Я понял, что она хочет сказать: НЕМЕДЛЕННО БЕЖИМ!

2

Мы заранее решили добираться до взлетной площадки поодиночке. Эллисон проложила себе маршрут в обход населенных кварталов и ушла до того, как освещение в коридоре включилось полностью, имитируя дневной свет. Согласно нашему плану, я должен был последовать за ней спустя несколько минут и не догонять ее, а

соблюдать интервал на случай, если у «Корифея» зародились какие-то подозрения.

Но почти сразу после ухода Эллисон в дверь позвонили. Явился Оскар с взволнованной улыбкой на лице.

— Можно войти? — спросил он. Пришлось его впустить.

Дома на Земле, — на той Земле, где я рос, — я слышал про глубоководных морских рыб, которые светятся во мраке: называлось это «биолюминесценция». Похожей на них мне показалась воспринятая с помощью Сети физиономия Оскара: он лучился эйфорией, при этом я улавливал вспышки усталости и подавляемого сомнения, а под всем этим бился синий пульс подозрения, четкий, как сердечный ритм.

Естественно, он тоже видел меня насквозь. Это было чтение настроения, а не мыслей, но он был способен поймать меня на *лжи*. Мне оставалось надеяться, что он примет смятение чувств, которого я не мог скрыть, за естественную реакцию на кризис.

— Трэя здесь? — спросил Оскар.

— Нет. Я не знаю, когда она вернется.

— Жаль. Я явился с приглашением для вас обоих. Добро пожаловать ко мне в гости, мистер

Файндли. И Трэю приводите. Моя семья будет вам рада. — В словах его чувствовалась искренность, но не чувствовалось жара, как в печи, которую топят дровами. — Приближается кульминация пятисотлетней истории. Негоже вам быть одним, когда это произойдет.

— Спасибо, Оскар, но я не могу.

Он посмотрел на меня изучающе.

— Жаль, что вы так поздно решились присоединиться к Сети. Вы уже прошли длинный путь, но до сих пор, кажется, не понимаете своего счастья, нашего счастья: мы становимся очевидцами исторического события!

— Очень даже понимаю, — возразил я. — И благодарен вам за приглашение. Но я предпочитаю пережить его в одиночку.

Вранье! Хуже того, ошибка. И он знал, что я ему лгу, поэтому озарился особенным светом.

— Можно с вами поговорить? Это недолго.

Я не мог отказать ему и предложил сесть. Пока он собирался с мыслями, я говорил себе, что все равно мне не провести его (и «Корифея»), что наглая ложь не пройдет, лучше даже не пытаться. Наилучшим выходом была выборочная правда.

— У некоторых из нашей менеджерской братии сомнения относительно вас, — заговорил он. —

Когда вы согласились на операцию, эти голоса почти смолкли.

Теперь, когда остаются считанные часы до… до финала, этот спор утратил актуальность. Но я стал считать вас своим другом. — (Пока что он говорил искренне.) — И по-дружески радовался, что вы готовы по-настоящему породниться с Боксом. Вы почти достигли этой цели, это не вызывает сомнений. Но при этом не перестаете колебаться, можно подумать, что вы нас боитесь. — Он склонил голову набок. — Боитесь?

«Говори правду!» — приказал я себе и утвердительно кивнул.

— Вокс — не государство, а внутреннее состояние. Вы это наверняка чувствуете.

Он проводил различие между пониманием и чувством, между фактом и тем, как я его ощущаю.

— Да, чувствую, — снова ответил я правду. То, что творилось у меня в голове, заставляло это чувствовать. Как объясняли врачи, участок мозга под названием «средняя переднелобная кора» не является частью лимбической системы. Она отвечает за нравственные оценки, и туда «узел» внедряется в последнюю очередь.

— Это как… — Я задумался. — Это как стоять на

пороге дома зимним вечером. Внутри дома люди, это как бы твоя семья…

Оскару понравились мои слова: он расплылся от удовольствия.

— Но я не могу отделаться от мысли, что если я войду, то придусь не ко двору. Потому что там меня знают, как облупленного.

— Как это?

— Там знают, что я другой. Чужой. Уродливый. Ненавистный.

— У вас просто другая биография, но это не имеет никакого значения.

— Ошибаетесь, Оскар.

— Неужели? Вы не можете быть уверены в этом, пока не откроетесь нам.

— Я не хочу открываться.

— Что бы вы от нас ни скрывали, я обещаю, что для Вокса это неважно.

— Поймите, Оскар, я не невинная овечка.

— Все мы не без греха.

— Я убийца! — выпалил я. Он требовал правды — и он ее получил.

* * *

Синие языки пламени, горящий заживо человек.

Я убил его, потому что вышел из себя, потому что меня унизили, а может, просто потому, что рекордная жара вдруг сменилась в Хьюстоне грозой и потопом. Возможно, бессмысленно спрашивать меня о причине.

В темноте, под масляным дождем, под потоками, хлещущими с крыш и наполняющими до краев сточные канавы, я шагал по безлюдному проулку с канистрой метилового спирта в пластиковом пакете. В правом кармане у меня лежал коробок спичек, дома завернутый в целлофан, а также на всякий случай газовая зажигалка — продавец сказал, что ей нипочем вода.

Мне было восемнадцать лет. Я приехал на автобусе, сделав три пересадки, из пригорода, где жил с родителями. В последнем автобусе ехало всего несколько мрачных работяг из ночной смены, и я надеялся, что выгляжу таким же промокшим неудачником, довольствующимся мизерной зарплатой. Автобус кружил по промзоне, тоскливой, как тюремный двор. Сойдя, я немного постоял в одиночестве на остановке. Автобус свернул за угол, выпустив синий дизельный дым. На улице было пусто. До склада, где мой папаша обделывал свои темные делишки, оставалась пара кварталов.

О том, чем он занимается, я почти ничего не знал, только всю жизнь слышал его ругань с матерью по этому поводу. Часть своего детства, шесть лет, я провел в Стамбуле, поэтому приятели прозвали меня «Турком». В Стамбуле, как и позднее в Хьюстоне, мы жили в приличном квартале, хотя отец всегда работал в районах с дурной репутацией. Моя мать выросла в семье баптистов из Луизианы и так и не привыкла к мечетям и к чалмам, хотя Стамбул — космополитический город, и жили мы в его европейской части. Сначала я думал, что ссорятся они из-за этого. Но после переезда в Штаты ссоры не прекратились. Хоть они и старались скрыть все это от меня, я в конце концов понял, что мать удручает не то, что отец подолгу задерживается на работе и часто ездит за границу, а то, чем он занимается.

Ее стыд и возмущение проявлялись в мелочах. На телефонные звонки она отвечала только тогда, когда высвечивался знакомый номер. Мы редко бывали в гостях у родни с обеих сторон и редко принимали гостей сами. С годами мать притихла, стала замкнутой. Подростком я старался проводить как можно больше времени вне дома. Лучше улица, чем всегда задернутые занавески и разговоры шепотом.

Может быть, все было не столь уж плохо. Наша жизнь была довольно удобной, у нас были деньги, я ходил в приличную школу. Возможно, бизнес отца был незаконным, зато вполне успешным. Он часто спорил с кем-то по телефону и чаще всего добивался своего. Иногда к нам в дом наведывались мужчины в тщательно выглаженных костюмах, беседовавшие с ним вежливо, даже почтительно. Порой меня посещало подозрение, что мой отец может быть преступником, но я отвергал это как явную нелепость. Я предполагал, что он просто использует лазейки в законах, обходя налоговые платежи и тарифы на импорт, а телевидение и Интернет внушали нам, что такие действия иногда заслуживают одобрения и даже, если посмотреть на них в правильном свете, могут показаться героическими. Годы Спина научили нас, что когда исчезают всякие правила, остается трудиться не поднимая головы, иначе пропадешь; в те времена люди шли на все, лишь бы сохранить и накормить семью.

Я любил своего отца. Я убеждал себя в этом — и сам в это поверил. Но позже я столкнулся с его презрением ко всякой морали, с его патологической потребностью в доминировании.

Проливной дождь был удобным прикрытием.

Отец обделывал свои дела в здании, построенном в двадцатом веке, еще до Спина: стены из кирпича, высокие узкие окна с зеленоватыми стеклами. Фасадом оно выходило на унылую улицу, вся работа кипела на заднем дворе, куда доставлялись грузы. Отец дважды брал меня туда вопреки возражениям матери и устраивал для меня облегченный тур по складу — надеялся, наверное, когда-нибудь подключить меня к своему бизнесу. Два дня назад, составляя план, я побывал там сам. На задний двор можно было попасть по узкому проходу между двумя соседними корпусами. Когда-то здесь проходила узкоколейка. Рельсы давно заасфальтировали, но кое-где они все равно проглядывали из асфальта, поблескивая в дымчатом оранжевом свете уличных фонарей. Как ни хлестал дождь, мне было слышно, как в моей канистре плещется горючая жидкость.

Год назад я влюбился в Латишу Филипс, как влюбляются семнадцатилетние: глупо, по уши. Латиша была на дюйм выше меня и такая хорошенькая, что я просыпался по утрам в страхе: вдруг она решит, что Турк Файндли ее недостоин? Голова у нее была что надо, если бы не урезанное финансирование образования в тяжелые времена после Спина, она наверняка поступила

бы в престижный колледж. Она мечтала стать морским биологом, чтобы спасать океаны от окисления, участвовала в демонстрациях против выбросов в атмосферу серных аэрозолей.

Семья ее была не бедной, но и не сказать, чтобы богатой. Они жили по соседству в одном с нами районе, где отец купил дом. Свой дом они, кажется, снимали. Я ничего не говорил о Латише своим родителям, поскольку знал, что отец не одобрит мой выбор. Род Файндли существовал в Техасе и в Луизиане еще до вхождения этих штатов в США, и отец был прирожденным расистом, хотя и научился скрывать это в приличном обществе. Жизнь в Стамбуле далась ему нелегко, но и в Хьюстоне ему многое претило. Дома он избавлялся от налета терпимости, как от жмущих ботинок. Мир захватили метисы, твердил он, точно зная, на ком лежит вина за это. Не знаю, разделяла ли его взгляды моя мать, но если и разделяла, то никогда этого не показывала: как и я, она научилась пропускать тирады отца мимо ушей, делая вид, что слушает.

Его расизм был почти антикварным, ядовитым, но, как я считал, беззубым. В любом случае меня не тянуло знакомить его с Латишей, девушка была темнокожей. С ее родителями я познакомился:

отец был фармацевтом, мать переехала в Хьюстон из Доминиканской Республики двадцать лет назад и работала в магазине «Уолмарт». Они относились ко мне осторожно, но с искренней сердечностью.

По старой железнодорожной ветке я дошел до погрузочной платформы отцовского склада и юркнул в просвет между двумя бетонными опорами. Там меня никто бы не заметил — хотя кому было меня искать? Склад был на замке, и хотя отец иногда задерживался на работе, в тот вечер он уже поужинал дома и уселся на диван с пивом, выбрав канал круглосуточных новостей и тупо уставившись на экран. Ливень не прекращался, я промок насквозь и продрог, хотя еще недавно подыхал от жары: потоки воды низвергались на эти неуютные задворки с высоких холодных небес с особенным неистовством.

Целых полчаса я внимательно наблюдал за складом. Из своих прежних разведывательных вылазок сюда я уяснил, что после полуночи мне может встретиться здесь разве что ночной сторож — тощий бродяга, которого отец нанял прямо на автобусной станции в центре города. Глядя в окна склада, я понял его график: раз в час он проводил пятнадцатиминутный обход верхнего

и нижнего этажей, а остальное время находился в комнатушке с забранным решеткой и замазанным краской окном. Судя по бликам, у него был там видеоплейер.

Я знал, что с отцом возникнут проблемы, но относился к Латише вполне серьезно. Мы даже говорили о браке — о том, чтобы удрать куда подальше, чтобы отец уже не мог вмешаться и нарушить наши планы. Срок мы еще не назначили, потому что Латиша должна была попытаться поступить в колледж. Но наши планы не были фантазиями — во всяком случае, по моим понятиям.

И однажды в кухне я все выложил матери. Она выслушала меня внимательно, не перебивая, потом откинулась на стуле и сказала:

«Я уже сама не знаю, что хорошо и что плохо. Но если ты так поступаешь, то лучше вам уехать отсюда подальше. — И добавила жалобно: — Мне бы хотелось как-то познакомиться с Латишей. Пока что я ничего не скажу твоему отцу».

Уверен, она собиралась сдержать обещание. Но летом отец что-то заподозрил — не знаю уж, что его насторожило: нестертое сообщение в электронной почте, подслушанный телефонный разговор… Меня он ни о чем не спрашивал, но на

мать насел, и она не выдержала и рассказала ему все, что знала.

Отец предпочитал действия словам. Я не знал, что он что-то предпринял, пока мои звонки и сообщения Латише не стали возвращаться без ответа. Я отправился к ней, но ее родители меня не пустили, сказав, что она решила положить конец нашим отношениям. Я отказывался этому верить, пока сам с ней не поговорю. Я наблюдал за их домом, но Латиша почти перестала выходить одна, только пару раз появилась вместе с мамашей.

Потом наша общая знакомая передала мне от нее записку с безопасным электронным адресом, и я написал ей, ничего не говоря родителям. Уже вечером я получил от нее ответ, короткий и неумолимый:

«Прости, Турк, твой отец говорил с моим и сделал предложение: он оплачивает мне учебу в колледже при условии, что мы расстанемся, я в тоске, но мои родители настаивают — это единственная возможность выучиться и т. д., не надо задирать нос, лучше поживиться за счет расиста и все такое. Я бы послала их к черту, но, правда, что бы у нас была за жизнь, мы нищие и так молоды + хотя я тебя люблю, пройдет немного

времени и мы начнем друг друга ненавидеть, из-за того, чего стоила нам любовь. Я никого не виню, только себя. Знаю, у меня есть выбор, и я, возможно, делаю ошибку, но это моя жизнь и я должна думать о будущем. Сейчас я плачу. Пожалуйста, больше мне не пиши».

Этот приземистый кирпичный уродец давал отцу деньги на наш дом, на бассейн во дворе, на мою одежду, на предательство всех моих надежд. Этот склад и связанный с ним бизнес отца стал причиной несчастья моей матери, моих унижений. Поэтому я решил, то есть меня прямо осенило, что его надо спалить дотла. Это будет и месть, и очищение в пламени. Я читал где-то, раненые в бою иногда прижигают раны, чтобы остановить кровотечение. Я истекал кровью — и моей раной было это здание.

Бурная дождевая вода в сточной канаве у моих ног несла клочки бумаги, окурки, использованный презерватив — бесцветный и дряблый, как медуза. Ночной сторож нес свою тоскливую службу: я видел, как луч его фонарика скользит по окнам то в одном помещении, то в другом. Когда он (по моим расчетам) ушел в дальний конец здания, я забрался на погрузочную платформу и занялся железной дверью, выкрашенной под

цвет хаки и служившей запасным выходом. У двери было два замка: один можно было открыть ключом, второй был цифровой. Ключ я стащил из ящика стола в отцовском кабинете, а код запомнил в нашу последнюю экскурсию по складу (как было не запомнить комбинацию цифр — год его рождения!)

Сколько бы отец ни заплатил за учебу Латиши, он наверняка считал, что дешево отделался. Он никогда не кичился богатством, но мне случалось слышать в его телефонных переговорах намеки на оффшорные счета и на дороговизну адвокатов, помогавших успешно пройти налоговый аудит. Прояви я рвение к учебе, он мог бы дважды отправить меня в Йельский университет. Но на свой склад лишних денег он не тратил. Его коридоры были покрашены дешевой желтой эмалью, пол застелен серым линолеумом, по потолку тянулись тусклые флуоресцентные трубки. Справа находились складские помещения и грузовая площадка, лестница слева вела на этаж, где помещалась отцовская контора.

Я намеревался опорожнить канистру в коридоре, устроить пожар, дернуть рычаг пожарной тревоги на выходе (чтобы предупредить сторожа) и дать деру. Я не знал, быстро ли погасят огонь,

или он успеет охватить весь склад, большим окажется ущерб или пустяковым, поймают меня и накажут — или я куплю билет, укачу из города и поменяю имя… Я даже не думал обо всем этом, так меня душила злоба, таким невыносимым было мое унижение. Я вынул из пакета канистру с метанолом, поставил ее на пол, отвинтил крышку, наклонил.

Пол за долгие годы стал неровным, спирт сначала собрался в лужицу, потом потек внутрь здания. Вонь была такая, что я ослеп от слез. Мерзкая жижа растеклась по трещинам в линолеуме, образовывая озерца тут и там. Я и не подозревал, что два галлона — это так много.

Затем я достал из кармана спичечный коробок и снял с него непромокаемую обертку. Он не промок, но моя рука была влажной, и я испортил две спички, и только третья загорелась. Мне бы полагалось испугаться, как бы не вспыхнули пары в коридоре, как бы мне самому не стать жертвой собственной мести. Но мне было все равно.

Я уже собирался бросить спичку в вонючую лужу, когда дверь справа от меня открылась, и передо мной предстал ночной сторож.

Возможно, где-то была установлена камера наблюдения, а я ее не заметил, возможно, меня

выдала сигнализация на двери. Или сторож покинул свой пост просто с целью помочиться. Так или иначе, он вдруг появился в паре ярдов от меня с разинутым от удивления ртом — тощий парень в джинсах и потной рубахе с расстегнутым воротом, башка у него была здоровенная и нескладная, с коротким ежиком волос. Он был не намного старше меня. От неожиданности он выпучил глаза. Его потертые коричневые башмаки выглядели островками в луже горючей жидкости.

Он хотел что-то мне сказать, но я уже бросил спичку. Она, дымясь, описала в воздухе дугу. От испуга я шарахнулся назад, а бедняга ночной сторож так и остался стоять с разинутым ртом. Скорее всего, он не понял, что сейчас произойдет.

Жидкость вспыхнула синим пламенем, и оно разбежалось по всей поверхности и достигло башмаков сторожа! Затем последовал хлопок, от которого я еле устоял на ногах. Взорвались пары, и я выскочил за дверь, под дождь. Из двери вырывался огонь, проем заволокло дымом, но я успел увидеть, как горит, корчась, сторож. Он хотел было убежать, и это могло бы его спасти, но в следующее мгновение он поскользнулся и

рухнул прямо в горящий спирт. Сухой пол вокруг пылал, как хворост. Мне показалось, что он кричит, но до моего слуха доносился только рев бушующего пламени.

* * *

Я представил, как Эллисон идет к взлетной площадке. Возможно, она была уже на месте и ждала меня. Весь Вокс тоже застыл в ожидании пропуска на тот свет.

— Вы не должны нести груз вины в одиночку, — изрек Оскар, снисходительный и невозмутимый, как пастор в баптистском храме, куда водила меня мать, когда я был ребенком. — Мы разделим его с вами, мистер Файндли. Часть его взвалит на себя «Корифей», помогите только заработать «узлу».

Лимбический имплантат делал свое дело. Я был близок к тому, чтобы принять это предложение спасения, — как тогда, в церкви, когда мои грехи еще и грехами толком не были. Сними груз с души, дитя мое, сложи его к ногам Спасителя. Даже ребенком я понимал, почему столько израненных душ толпятся у алтаря. «Корифей» знал меня, мои слова и дела, изнутри и снаружи. Мои грехи были его грехами.

Оскар пристально наблюдал за мной.

— Но вы еще не готовы к этому завершающему шагу, к безусловному прощению, исходящего от общества равных вам… Вы жаждете его, но не готовы принять.

Прощение может оказаться коротким — пока не нагрянут гипотетики. Или я и здесь ошибаюсь? А если Вокс спасется и обретет вечную жизнь? Кто-то чужой у меня в голове подсказывал, что так оно и будет.

— Не уверен, что любой грех заслуживает прошения, — сказал я.

— Убитый вами мертв уже десять тысяч лет. Напрасно вы цепляетесь за свою единственную трагическую оплошность.

— Я имею в виду не только свой собственный грех.

— Вот как? Чей же еще?

— Как вам уничтожение фермеров, Оскар? Это ведь не убийство, а форменный геноцид.

Оскар увидел в моем лице нечто, заставившее его вздрогнуть. Я увидел растерянность в его глазах и изменение цвета ауры.

— Фермеров гипотетики все равно не приняли бы… Их смерть всегда считалась нами неизбежностью.

— Они находились здесь только потому, что Вокс поработил их и притащил сюда.

— Они оказались здесь по необходимости.

— Кто-то принял это решение.

— Его приняли мы все!

— И все себе простили этот грешок.

— Нас простил «Корифей». «Корифей» — наша коллективная совесть.

— Не хочу вас обижать, Оскар, но не кажется ли вам, что с совестью, оправдывающей геноцид, что-то не так?

Он смотрел на меня во все глаза, весь в лиловых сполохах ярости и обиды. Потом он пожал плечами.

— Вы мало прожили со своим «узлом». Ничего, скоро вы все поймете.

«Эти меня и пугает», — пронеслось у меня в голове.

— Теперь все это уже не важно, — сказал он. — Идемте со мной.

Как же мне этого хотелось! Всю свою взрослую жизнь я провел в ответах пламени, пожравшего живую человеческую плоть. Пусть теперь с моим грехом разбирается «Корифей»! Если за это придется заплатить забвением или смертью, то не будет ли это запоздалым торжеством справедли-

вости? Во всяком случае, я умру с легкой душой.

Но заслужил ли я это?

— Я бы предпочел быть в этот решающий час с Эллисон, — признался я.

— Почему тогда она не здесь? Знаю, вы чувствуете ответственность за нее, но она — отклонение, пустой сосуд. Даже ее преданность вам искусственна. Теперь, когда вы подключились к Сети, вы должны были разглядеть в ней это.

Мне не хотелось говорить ему, что я в ней разглядел.

— Возвращайтесь к семье, Оскар, — сказал я.

Он стал возражать, потом осекся и покорно кивнул. Может, увидел, как глубоко я ему завидую, а может, был слишком добр, чтобы продолжать препираться.

Он поднялся.

— Что ж… Прощайте, мистер Файндли.

Дверь за ним закрылась. Я ждал, пока он удалится по коридору, говоря себе, что и мне пора. С другой стороны, было бы гораздо легче остаться, дать произойти тому, что должно было произойти. Что за глупость, что за приступ тщеславия — вся затея с этим побегом! Оскорбительным для миллионов, живших и умерших в Вокс-Коре, как и для тех, чьи надежды пылали сегодня ясным

пламенем у меня на глазах…

Напоследок я огляделся. Мои мысли были заняты заждавшейся Эллисон. Я поспешил к взлетной площадке.

Глава 25
САНДРА И БОУЗ

Прежде чем Боуз успел сказать еще что-то, прежде чем Сандра успела осмыслить услышанное от него, к остановке напротив подъехал новый автобус. Сандра замерла в ожидании.

Облитый оранжевым светом уличного фонаря блестящий от дождя автобус походил на галлюцинацию. В автобус никто не сел. Вышли двое — рабочие ночной смены с термосами, собранными их женами. Автобус уехал, а рабочие заспешили в противоположном от склада Файндли направлении.

— Уже поздно, — проговорила Сандра. Она была не готова даже думать о сказанном Боузом, сам он тоже, видимо, не хотел развивать эту тему. — Вдруг он так и не появится?

— Появится, — отрезал Боуз.

— Потому что написал все эго?

— Думаю, Оррин считает свои записи пророческими. Описание устроенного Турком Файндли пожара на складе он воспринимает не как уже случившееся, а как то, что еще может произойти.

Вот и хочет изменить результат.

— Он явно знает немало о семье Файндли, если только все это не вымысел.

— Основные данные было несложно проверить. Файндли несколько лет жил в Стамбуле. У него сын восемнадцати лет. В одном с сыном классе училась Латиша Филипс.

— Ты с ней говорил?

— Нет, что бы я ей сказал? Она совершенно ни при чем.

— А с сыном?

«С этим Турком», — хотела добавить она, но не стала.

— Это трудно сделать, не вызвав подозрений у Файндли-старшего. Получается, Оррин говорил с парнем или что-то о нем слышал, сделал собственные выводы и вставил все это в свой рассказ.

— По логике вещей, да. Он не ясновидящий.

Грозу он все-таки предсказал, — напомнила Сандра.

Дождь время от времени ослабевал, но потом возобновлялся с новой силой — казалось, вся вода Мексиканского залива очутилась на небесах и теперь обрушилась на город по законам тяготения.

— Зато насчет подробностей ошибся. У Оррина

написано, что склад был пуст, не считая ночного сторожа, но сегодня там есть люди. И еще — одна из причин паники Оррина при увольнении была в том, что он надеялся, что дежурить в ночь пожара придется ему.

— Он предсказывал собственную гибель?

— В каком-то смысле да. Но не потому, что хотел умереть. По-моему, у Оррина нет ни малейших суицидальных наклонностей. Я думаю, он приехал сегодня сюда, чтобы предотвратить то, что напророчил, не важно, станет он жертвой при этом или нет.

И Боуз изложил ей вероятный сценарий. Оррин, работая на складе Файндли, каким-то образом узнает, что хозяйский сынок замыслил поджог, и использует это как ход для развития сюжета. Его писанина — труд эмоционального молодого человека, об уме которого не догадывается даже его сестра, но от реальности он очень далек. Когда Оррина вдруг увольняют, а потом запирают в приюте, он паникует, считая, что вот-вот произойдет поджог. Он думает, что сможет его предотвратить, если окажется на свободе (оттого и укусил Джека Геддеса при неуклюжей попытке сбежать, мысленно поддакнула Боузу Сандра). Когда Боуз и Сандра возвращают ему свободу,

он берет у Эриел деньги и едет на склад, чтобы не позволить Турку Файндли совершить непоправимое…

Сандра обдумала услышанное.

— У тебя сбой с временной шкалой. Оррина уволили до того, как он мог узнать что-нибудь о любовных переживаниях Турка.

— Мы не знаем, от кого он о них узнал, — вдруг из вторых рук? Он мог сохранить связь с кем-нибудь со склада. Эта часть текста самая недавняя, и мы не знаем точно, когда она написана.

— Но какое ему дело до того, подожжет ли Турк Файндли склад своего отца? Оррина уже выгнали оттуда, там ему платили гроши, которых едва хватало на ночлежку, так что…

— Не знаю, — сдался Боуз. — Несколько дней назад я надеялся, что ты меня надоумишь.

Но ей нечего было ему сказать ни тогда, ни теперь.

— А вдруг объяснение совсем странное? Какое-нибудь… сверхъестественное?

— В любом случае мы с тобой сидим здесь и делаем то, что должны.

* * *

Женщина за стойкой, которая позволила им сидеть в закусочной столько, сколько им вздумается, закончила смену. Сандра наблюдала, как она уезжает на «хонде» десятилетней давности. Ее сменил юнец с экземой на лице и с нервным тиком. Ночной менеджер кафе пару раз высовывал голову из двери кабинета и сверлил их взглядом до тех пор, пока Боуз не подошел к нему, чтобы успокоить. Пришлось купить пончики, к которым они оба не притронулись.

Следующий автобус подкатил по расписанию. Улицу по-прежнему поливал дождь, по асфальту бежали масляные потоки. В этот раз на остановке сошли четверо. Всех их Сандра причислила бы к трудягам из ночной смены. Оррина Матера среди них не было. Трое повернули налево и спрятались под козырьком остановки, четвертый зашагал вправо, неторопливо, словно ему был нипочем дождь.

Она отвернулась от окна и увидела, что Боуз по-прежнему вглядывается в темноту.

— Ты чего?

— Тот парень. Который ушел один.

Она тоже нашла глазами удаляющуюся фигур-

ку парня в черном пончо, с какой-то тяжестью в пластиковом пакете.

— Черт! — Боуз вскочил.

Она тоже сделала этот вывод — абсурдный, но неизбежный.

— Думаешь, это Файндли-младший? Турк Файндли?!

Парень тем временем свернул за угол, в направлении склада.

— Как быть?

Оставайся здесь, — распорядился Боуз. — Как только увидишь Оррина, звони мне. Будет еще что-то важное — тоже сразу звони. Если нет, просто жди моего звонка.

— Боуз… — простонала она.

— Люблю тебя! — выпалил он. Она впервые услышала от него эти слова и чуть не упала в обморок.

Она не успела ответить — он уже был за дверью. Она наблюдала, как он бегом пересекает стоянку, не обращая внимания на жестокий ливень.

Официант за стойкой заметил, видимо, ее растерянность.

— Мэм? — окликнул он ее. — Вам кофе или еще чего-нибудь?

— Сумасшедший! — сказала она вслух.

— Простите?
— Не вы.

Глава 26
РАССКАЗ ЭЛЛИСОН

1

Я ждала Турка на взлетной площадке высоко над городом.

Я пришла туда кружным путем, по тихим террасам и тенистым аллеям парка, который так любила Трэя в детстве. Все, что мне встречалось по пути, навевало воспоминания. Не горевать было трудно. Вокс умирал, и я ничего не могла поделать: не могла прийти на помощь прежним друзьям, отвергнувшей меня семье, городу, который я когда-то *любила*. Мне оставалось только забрать все свои воспоминания и опасения в более безопасное место, в иной мир.

Взлетная площадка представляла собой открытую террасу, защищенную от ядовитой атмосферы электростатической крышей. Вокские летательные аппараты были расставлены в строгом порядке, их можно было принять за серебристые подстриженные кусты в регулярном механическом парке. Обслуга и пилоты

разошлись по домам, к своим семьям. Мои шаги были похожи на звуки капающей воды в пустой комнате.

Я нашла себе не вызывавшее подозрения местечко под сигнальной вышкой, села и приготовилась ждать.

Через некоторое время я забеспокоилась, испугалась, что Турк не придет. Что он не появляется, потому что его задержали. Потому что он сам решил остаться. Потому что щупальца «узла» проникли наконец в те участки мозга, где гнездятся любовь, верность, потребности и желания, и теперь влияние на него Сети усиливается с каждой минутой, а вкрадчивая и сладостная мелодия «Корифея» все настойчивее вибрирует в его средней предлобной коре…

Что, если он не придет? Ответить на этот вопрос было нетрудно. Я умру прямо здесь. По всей вероятности, машины гипотетиков разрушат и поглотят Вокс-Кор так же, как расправились с авангардом посреди Антарктики, и дело с концом. Меня охватил безотчетный ужас: не предсказуемый страх смерти, а особенный и сугубо Вокс кий страх умереть в одиночку…

Потом я услышала, как в одной из лифтовых шахт вдалеке разъезжаются двери. Я спряталась и

затаила дыхание, пока не убедилась, что это Турк. Он шагал ко мне, как на шарнирах, будто через силу. Вид у него был совершенно измученный. Я окликнула его и бросилась ему навстречу.

* * *

На Воксе царил внутренний мир, преступности не существовало, поэтому роль службы безопасности у нас исполняла Сеть с ее бдительностью. На протяжении всего своего существования Вокс воевал с внешними врагами, главным образом с бионормативными обществами Срединного и Раннего Миров. Наши летательные аппараты являлись оружием войны и обладали соответствующими устройствами защиты.

Я выбрала крупный, но легковооруженный борт — из тех, что использовались для доставки вооружений и живой силы. Люк аппарата открывался с помощью интерфейса Сети, похожего на те, пользоваться которыми Турк уже научился. Будь я Трэей, и я бы без труда могла его открыть, просто приложив ладонь к поверхности управления и отдав мысленный приказ. Но эту способность я утратила вместе с «узлом». Как Эллисон я могла пользоваться только простейшими вокскими приспособлениями. Проблема

заключалась в том, что Турк был новичком, и ему нелегко было сосредоточиться на передаче своих намерений. К тому же он мог испытывать неуверенность, чего ему в действительности хочется. Мы ждали, затаив дыхание; наконец люк открылся.

Мы забрались внутрь, где тут же включилось освещение. Я проверила запасы и убедилась, что всего, включая еду и воду, достаточно, чтобы, миновав Арку, долететь до Экватории. Датчики заправки показывали «добро», никаких предупреждающих сигналов не было, значит, мы могли взлетать. Турк занял кресло в носовой кабине аппарата. Управлять им можно было с любого пульта, даже без оптических приборов. Но Турк был пилотом в своей прошлой жизни и летал по старинке, доверяя глазам и рукам. Первым делом он поместил изображение окна на переборке перед собой, чтобы почувствовать себя сидящим в кресле пилота. Увидев вдруг впереди пустую взлетную площадку, я ощутила себя беззащитной. Лучше уж глухая стена!

Но если это Турку поможет, пусть будет так. Сев рядом с ним, я поискала глазами признаки того, что нас заметили. Долго искать не пришлось: мигание желтых лампочек над дверью одного

из лифтов предвещало нам скорую компанию. Странно, что незваные гости не поспели раньше. Их задержка могла быть результатом стараний Айзека, обещавшего нам помочь, но все равно…

— Немедленно взлетаем! — взмолилась я.

На управление аппаратом нельзя было повлиять извне — на это была вся надежда; но другой аппарат, погнавшись за нами, вполне мог нас перехватить или сбить.

Наш аппарат оставался неподвижен.

— Мне трудно удержать перед глазами все меню, — пожаловался Турк, и я поняла, что он говорит о воображаемом дисплее. С него градом катился пот.

— Вспомни учебные интерфейсы. Нам всего-то и нужно, что взлететь!

Ближайший к нам лифт уже доставил на площадку целый взвод солдат.

— Либо сейчас, либо никогда! — крикнула я. Турк беспомощно посмотрел на меня.

— Не хочу здесь умереть, — сказала я.

Он кивнул, крепко зажмурился, судорожно глотнул. Площадка резко ушла вниз и в считанные секунды исчезла из вида.

2

Наш аппарат вырвался за электростатический барьер, в атмосферу пасмурного дня.

Вокс тут же превратился в темную заплату на поверхности моря Росса далеко внизу. Окружавшие его острова фермеров походили на тонущие рифы. Мы неслись вверх с головокружительной скоростью, и скоро море исчезло за пеленой: мы проскочили за сплошной облачный слой.

Турк корректировал направление полета по бортовым системам и не позволял им реагировать на сигналы, поступавшие с Вокса. Тем самым он изолировал свой «узел» от «Корифея». Я видела, как он вздрогнул, избавившись от этого наваждения, как покачал головой. Борт получил его приказ подать сигнал в случае преследования (но преследования не было — наверное, за это мы должны были благодарить Айзека). Турк откинулся на спинку кресла и походил на выжатый лимон, благо его участие в управлении полетом уже свелось к минимуму. Облака под нами выглядели грозно, как гряда диких горных вершин.

Турк повернулся ко мне и устало прищурился. Я поняла, что он чувствует, потому что сама уже прошла через это, когда была Трэей и отключи-

лась Сеть — когда мир разом утратил все свои краски и смысл.

— Обещай мне одну вещь, — попросил он.

— Что?

— Эта штука, которую они присобачили к моему хребту… Когда мы доберемся до места назначения, обещай ее выдрать.

И я торжественно дала ему слово сделать это.

* * *

«Когда мы доберемся до места назначения…» У нас еще не было возможности толком это обсудить.

В Вокс-Коре я подолгу изучала материалы вокских архивов (пользуясь ручными пультами управления — удручающе медленный процесс!) и читала исторические статьи, приготовленные для Турка. Вокс столетиями страдал от зависти кортикальных демократий — так меня, во всяком случае, учили. Но без опекуна-«Корифея» я стала воспринимать эти знакомые рассказы с сомнением и беспокойством. Вокс основали активисты радикальной веры, отвергнутые бионормативным большинством Срединных Миров за их эксперименты с запрещенной биотехнологией гипотетиков. В отместку они решили создать соб-

ственное закрытое государство — лимбическую демократию с особой метафизикой.

Сначала Вокс казался, наверное, всего лишь более эксцентрическим вариантом среди множества искусственных островных общин, росших, как грибы, в океанах Эстер — покрытого водой Срединного Мира. Основатели отказались от экспериментов с биотехнологией гипотетиков и вместо этого уверовали в неизбежный союз между гипотетиками и людьми, отчего стали объявлять святыми всех, к кому прикасались гипотетики, начиная с Джейсона Лоутона на заре эры Спина, а также бесчисленных поборников культа долголетия, древних марсианских «Четвертых» и всех бедолаг, захваченных Арками Времени.

Бионормативное большинство представало в истории Вокса воплощением зла. Вскоре после трагедий с Хьюмом и Луа на Эстер были запрещены нейролимбические сообщества, и Воксу пришлось поднять якорь и отправиться в растянувшееся на века паломничество на старушку Землю. Теперь на большинстве планет Кольца, особенно на Эстер и на Пристани Туч, процветали кортикальные демократии. «Добраться до места назначения» значило оказаться в конце концов

в одном их этих процветающих в условиях мира Срединных Миров.

Мы мчались на север, а я размышляла. Турк наскоро перекусил, глядя то на голую луну вверху, то на ядовитые облака внизу. У него не выходили из головы старые печали.

— Ну и изгадили же мы эту планету!

— Смотря кто это «мы».

— Люди. Особенно мое поколение.

То, что представало нашему взору, служило красноречивым подтверждением поражения человечества. Облака можно было бы назвать даже красивыми, если бы в лунном свете они не отдавали ядовитой зеленью.

— Возможно, — согласилась я. — Но это еще не конец. Каким было население Земли, когда ты ее покинул? Шесть-семь миллиардов?

— Вроде того.

— А теперь мы живем не на Земле, а по всему Кольцу. Знаешь, сколько всего людей набирается сейчас в Кольце Миров? Около пятидесяти миллиардов! И никакого отравления среды, как это происходило когда-то на Земле. Эти пятьдесят миллиардов научились разумно сосуществовать с собственной средой обитания. Пятьдесят миллиардов вполне счастливых людей! Мы не

вид-неудачник, мы успешный вид!

— Отчего же тогда сбежал оттуда Вокс? Получается, от успеха?

— Бегство Вокса — это не расставание со Срединными Мирами, а стремление навстречу гипотетикам.

— Ядерный удар по Вокс-Кору нанесли не гипотетики.

— Срединные Миры — не рай. Люди остаются людьми — алчными, близорукими. Но они по крайней мере научились выбирать из имеющихся вариантов решений наилучшие.

— Например, запускать себе в голову провода?

Он потрогал — не исключено, что инстинктивно — бугор у себя на затылке.

Я понимала, что его протест направлен не на концепцию кортикальной демократии.

— Что-то произошло, Турк? — спросила я. — Между моим уходом и твоим появлением на взлетной площадке.

— Ничего особенного.

Я и без Сети могла отличить ложь от правды.

— Не хочешь рассказать?

— Не сейчас, — ответил он. — Может, потом, когда мы прилетим.

* * *

До Индийского океана оставалось еще пару часов лету, когда вдруг сработала сирена тревоги.

Я к этому времени задремала. Турк вызвался нести вахту в носовой кабине, не доверяя автопилоту, а я слишком вымоталась, чтобы составить ему компанию. Я улеглась на койку и закрыла глаза — а когда очнулась, то поняла, что меня разбудила сирена.

Я бросилась к Турку. Он уже подключился к бортовому интерфейсу, и по его встревоженному выражению я поняла, что у него проблемы с управлением. Перед нами по-прежнему находился виртуальный иллюминатор, в темном небе мерцал верхний край Арки, где-то вдали назревала заря, до которой оставалось еще два часа.

Я положила руку ему на плечо. Он поднял голову.

— Я вижу дисплей с предупреждением, но не могу его прочесть.

— Выведи его, чтобы я тоже могла взглянуть.

Он повиновался. На фоне ночного неба повис дисплей — экран радара с диаграммой слежения.

— Радар что-то видит, но я не могу определить

ни расстояния до объекта, ни его траектории.

Неужели нас преследуют? Но нет, обнаруженный кораблем объект находился выше нас и дальше, где-то на северо-восток.

— Нас предупреждают, потому что в этом секторе неба не должно быть вообще ничего. Похоже, объект неуправляемый и находится на баллистической траектории.

То есть падает. Не исключено, что это свалившийся с орбиты древний космический мусор. Но сигнал тревоги звучал снова и снова, на дисплее появились две новые точки.

Не прошло и часа, а падающих объектов набралось уже пять, и все они двигались с востока на запад, примерно параллельно экватору. Их траектории проходили близко к курсу, заданному кораблю Турком, поэтому он приказал ему описать круг, чтобы успеть разобраться в происходящем. Сигнала не было минут двадцать, потом он раздался снова. Новый объект был крупнее прежних, и мы, возможно, могли увидеть его невооруженным взглядом. Турк отдал кораблю приказ нацелить оптику на соответствующий сектор неба.

Мы уставились в темноту, где по краю уже начали гаснуть первые звездочки.

— Вот оно! — прошептал Турк.

Объект мелькнул на горизонте в двух градусах над облачным слоем — яркий, как горящий фосфор, с быстро тающим светящимся хвостом. По облачной крыше побежали беспорядочные тени. Объект исчез, воцарилась тьма — но ненадолго: мы увидели на горизонте вспышку света: крупный объект столкнулся с поверхностью планеты.

— Пусть корабль просчитает траекторию падения, — сказал я. — Посмотрим, откуда прилетела эта бомба.

Легко сказать! Размер и массу объекта мы знали только приблизительно Тем не менее приборы выдали конус вероятных траекторий и сопоставили их с траекториями других отслеженных объектов. Результаты наложения было трудно интерпретировать, но Турк увидел то же, что я: дуги, очерченные всеми объектами в небе, пересекались с Аркой гипотетиков.

— Что это значит? — спросил Турк.

Я только пожала плечами. Солнце уже всходило, мы должны были вот-вот увидеть ближний край Арки. Турк настроил иллюминатор для хорошего обзора.

Арка гипотетиков была и навсегда останется

величайшим искусственным сооружением на земной поверхности. Ее верхушка протыкала атмосферу, а основание уходило глубоко в мантию планеты. Она торчала из Индийского океана, подобно обручальному кольцу, падающему ребром в мелкий пруд. Та ее часть, которую мы могли видеть, кружась над облаками, казалась серебряной нитью, вплетенной в желтую ткань зари.

— Сфокусируйся на ее верхушке и увеличь изображение, — сказала я Турку.

Он повозился с интерфейсом и сумел это сделать. Арка вдруг наехала прямо на нас и оказалась перед самым носом, в опасной близости. Изображение сперва было нечетким, с атмосферными помехами, затем нить раздалась вширь и превратилась в ленту. В действительности ее ширина достигала нескольких миль.

Арку разглядывали на Земле в телескоп еще во времена Турка и никогда не замечали на ее поверхности ни малейших изъянов. Никогда — до сих пор. Теперь «лента» выглядела потрепанной, ее край напоминал бахрому.

— Увеличь еще! — потребовала я, хотя оптические возможности приборов были на пределе.

Новый головокружительный рывок вперед. Изображение корчилось, пока приборы искали

алгоритмы поправок.

Потом я ахнула. Арка не просто утратила былую безупречность: теперь ее покрывали глубокие трещины, кое-где зияли воронки, даже сквозные дыры.

Так вот что валилось с неба: куски Арки размером с целые острова! Некоторые, несясь с суборбитальной скоростью, загорались при вхождении в атмосферу и теряли свою колоссальную кинетическую энергию, врезаясь в мертвые океаны Земли или в ее безжизненную сушу.

Трудно было поверить, но именно это происходило теперь прямо у нас на глазах. Темная трещина расширилась и дошла до соседней трещины, после чего от Арки оторвался кусок и начал падать. Он двигался со слоновьей грацией благодаря инерции. Видимо, ему предстояло совершить виток-другой вокруг планеты, прежде чем загореться и устремиться вниз.

Мы с Турком переглянулись. Слова были не нужны. Мы оба знали, что все это значит: дверь в Экваторию захлопнулась навсегда. Наш план провалился. Лететь нам было больше некуда.

Глава 27
САНДРА И БОУЗ

Боуз двигался перебежками вдоль заборов, надеясь, что его скроет пелена дождя. Парень с пакетом — видимо, это был Турк — шагал по тротуару примерно в половине квартала от Боуза. Его отделяли уже считанные ярды от патрульных машин, которые давно заметил Боуз, — ничем не примечательных серых автомобилей с двумя вооруженными типами в каждом.

То, что парень заметил наконец первую машину, Боуз определил по сбою в его походке, по секундному замешательству, которого не заметишь, если не ждешь его. Но парень в пончо как шел, так и продолжил идти — с опущенной головой, поливаемый дождем. Сидящие в машине охранники проводили его взглядом, дружно повернув головы, словно нанизанные на одну нитку.

Если бы парень повернул налево, то еще через квартал дошел бы до главного входа в склад, но он не повернул — видимо, у него было другое на уме. Боуз сообразил срезать путь через заросший

пустырь за фабричным корпусом и остался незамеченным для людей в машине, но при этом сам потерял из виду Турка. Дождь хлестал с таким ожесточением, словно наверху было решено во что бы то ни стало сбить Боуза со следа. Ботинки его были полны воды. На следующем углу он снова увидел парня — тот шагал в прежнем направлении, уже миновав склад. «Так и иди, — подумал Боуз. — Сядь в другой автобус, облегчи мне жизнь!»

Но парень свернул влево, и Боуз понял, что он хочет добраться до склада кружным путем, обойдя охрану.

* * *

Боуз пытался представить себя на месте этого парня, предполагая, что он — Турк Файндли, каким его описал Оррин. Это оказалось нелегко. Боуз боготворил своего отца. Отцеубийство, даже символическое, было ему совершенно чуждо.

Зато он отлично понимал, что такое ярость и бессилие. Он сам испытал это, когда грабители высадили дверь и ворвались в дом его отца в Мадрасе. Отец велел ему тогда спрятаться под столом, и Боуз смирно сидел там, боясь, что сердце выскочит из груди, стараясь даже не дышать. «Я

разберусь с ними», — пообещал отец, и Боуз ему поверил. Он просидел под столом до тех пор, пока не услышал крик отца — первый и последний. После чего кричать пришлось уже ему самому.

Его отец не принимал препараты Четвертых, хотя помогал пройти курс лечения многим другим. Он жил собственной жизнью и не был готов принять на себя обязанности, сопровождающие долголетие. Мать Боуза проявила меньше щепетильности и с помощью этих препаратов спасла жизнь сыну. Боуз был еще слишком мал для этого, но марсианская этика делала исключение для случаев, когда решался вопрос жизни и смерти. Мать поступила стандартно: сначала ввела сыну препарат, а потом уже спросила, одобряют ли ее коллеги. Боуз никогда не испытывал к ней чувства признательности за это, хотя знал, что должен был; часто, мучаясь воспоминаниями о мадрасском ужасе, он приходил к мысли, что она поступила бы правильнее, если бы дала ему умереть.

Парень тем временем знай себе шагал под дождем. Вот и вторая машина охраны осталась позади. Периметр стерегли теперь строже, чем всего несколько часов назад, когда Боуз колесил здесь в целях разведки. Что же происходит на

складе, раз при этом требуются такие строгости? Скорее всего, Файндли насторожило бегство Оррина из приюта. Боится, наверное, как бы одно из федеральных агентств не выдало ордер на обыск его склада. Оставалось гадать, что он предпринимает, чтобы этого не допустить.

Боуз надеялся, что Турк сам откажется от своей затеи; а если нет, то он его нагонит и заставит убраться домой. Но время шло, а эта заноза в мозгу — Оррин Матер — все еще не была извлечена. Он прибавил шагу, стараясь не попадать под фонари и прятаться за мусорные баки.

Когда он снова увидел Турка, тот стоял всего в дюжине ярдов от него. До склада Файндли было недалеко, охраны вблизи было не видно. Боуз нырнул в тень, заметив, что Турк озирается. Тот не увидел ничего, кроме запертых ворот, чахлых обочин и бесконечного дождя. Парень явно нервничал, перекладывал тяжелый пакет из одной руки в другую. Боуз уже собрался выйти из укрытия, чтобы призвать его взяться за ум или хотя бы прогнать, но Турк внезапно метнулся влево, обняв обеими руками свой пакет, и бросился в проход между двумя постройками.

Боуз мысленно выругался. Он устремился за ним следом, не забывая об осторожности: лишь

бы парня не засекли, а то, чего доброго, пристрелят и его, и самого Боуза!

Но Турк двигался быстро и действовал умно — во всяком случае, тактически. Зная, что вокруг полно проулков и тупичков, часто совершенно не освещенных, он сумел вернуться незамеченным на ту улицу, на которой располагались ворота склада. Улица просматривалась насквозь, но Турк умудрился прошмыгнуть между двумя машинами, преодолеть под прикрытием усилившегося ливня пустое пространство и исчезнуть в очередном закоулке. До Боуза дошло, что парень не собирается проникать на склад через главный вход. Он хотел попасть на задний двор, к погрузочным платформам, совсем как в рассказе Оррина.

Боуз последовал за ним, как ни боялся быть замеченным. Он напомнил себе, что его главная цель — не дать мальчишке совершить страшную ошибку, спасти всех, кому грозила опасность. Любая попытка попросту догнать Турка могла подтолкнуть того к непредсказуемым действиям. Тем не менее прятаться от него дальше было бы еще опаснее.

Боуз был безоружен, но обладал кое-какими полезными навыками. В отличие от поддельных

снадобий торговцев долголетием, настоящие марсианские препараты воздействовали на высшую нервную деятельность, одни функции подавляя, другие, наоборот, обостряя. В частности, это касалось спонтанной агрессивности: Боуза было, что называется, трудно вывести из себя. Сострадание эти препараты усиливали, страх снижали. Улучшалась также острота зрения и скорость реакции, отчего Боуз слыл в полицейской академии первоклассным снайпером.

Турк уже добрался до заднего двора склада. Там он присел на корточки, став почти невидимым в своем черном пончо, и завертел головой, изучая обстановку. Боуз использовал это как возможность подкрасться к нему совсем близко.

Сейчас или никогда!

— Эй! — окликнул он парня негромко, но так, чтобы его было слышно в шуме дождя.

Парень подпрыгнул от неожиданности и обернулся. Боуз задрал руки и показал пустые ладони.

— Я не вооружен, — сказал он, сделав еще два шага вперед. — И я не один из «них».

— Тогда кто вы? — Турк держал в правой руке канистру с метанолом с таким видом, как будто собирался использовать ее для нанесения удара.

— Бывший коп, — сказал Боуз. — А ты Турк Файндли, да? Сын хозяина?

Парень молчал, что было знаком согласия.

— Я хочу одного: чтобы мы оба отсюда убрались. Что бы ты ни затеял, у тебя ничего не выйдет. Сегодня — никак.

Мокрые волосы облепили голову парня, вода лилась за воротник его пончо. Он пристально смотрел на Боуза сквозь пелену дождя.

— Сзади вас, — произнес он вдруг тихо и без всякого выражения.

— Что?..

— Они сзади вас.

После этих слов парень присел. Боуз сделал то же самое и осторожно оглянулся. Двое мужчин, похожих под проливным дождем на привидения, брели под дождем. Выступ стены закрывал от них Боуза и Турка, оставив им считанные секунды на принятие решения.

Поведение Боуза как будто успокоило Турка.

— Сюда! — позвал он его.

У Боуза не было выбора: он бросился следом за Турком за угол, в проулок, где их не могли не засечь, но, к счастью, между зеленым стальным баком для мусора и опорой погрузочной платформы обнаружилась щель, в которую они оба

нырнули. На бегу Боуз все же успел оглядеться. Склад Файндли находился слева от них. Поблизости стояло три автомобиля, у погрузочной платформы пыхтел белый грузовик без всяких надписей и рисунков на кузове. Дверь на платформе была распахнута, из нее струился свет. Боуз старательно запоминал все, что видел, прикидывая расстояния и возможные пути отхода. После чего присел на корточки рядом с Турком, трясшимся, как мокрый щенок.

Двое охранников в желтых дождевиках с капюшонами вышли на освещенное место, миновали мусорный бак и приблизились к платформе. Грузовик у склада показался Боузу приемлемым объяснением: Файндли занервничал и решил вывезти со склада контрабанду. Крытый кузов был уже доверху заставлен коробками — наверное, товары из Ливана или Сирии, сырье для химических лабораторий «черного рынка»…

Боузу захотелось получше разобраться в обстановке. Он опустился на колени, потом лег на живот. Асфальт был мокрый, но еще хранил дневное тепло и имел запах промасленной шерсти. Боуз пополз вперед и выглянул из-за мусорного бака. Остаться незамеченным ему могли помочь только черные волосы и смуглое лицо.

Он хорошо разглядел человека, распоряжавшегося погрузкой — мужчина средних лет, вид усталый, в руке фонарь. Это был Файндли-старший.

— Здесь твой отец, — сообщил он шепотом Турку.

— Вы знаете моего отца? — спросил тот, немного помолчав.

— Теперь знаю.

— Вы его арестуете?

— Я бы с радостью. Но я больше не коп и никого не могу арестовать.

— Тогда что вы здесь делаете?

— Помогаю другу. А ты?

Турк не ответил.

Боуз уже хотел предложить ему уносить ноги тем же путем, каким они сюда попали, как это ни опасно, но тут во двор въехала еще одна машина. Из нее вышел водитель, поднялся на бетонный парапет и подошел к Файндли. Тот встретил его взглядом, означавшим «что еще?» Водитель тихо ответил, тыча пальцем в темноту. Файндли внезапно захлопал в ладоши и, перекрывая шум дождя, крикнул грузчикам, чтобы закруглялись.

Боуз посмотрел на часы. Очередной рейсовый автобус должен был быть на остановке несколько

минут назад. Оррин! Скорее всего, охранники Файндли засекли Оррина Матера и доложили об этом хозяину.

Файндли-старший сел в машину вместе с одним из своих охранников. Машина рванула с места, обрызгав грязной водой прятавшихся в тени Боуза и Турка. Мальчишка проводил ее полным ненависти взглядом: только что отец был всего в считанных ярдах от него. Тут злость его покинула, сменившись смущением.

Из проулка донеслись шаги охранников.

— Пора сматываться, — сказал Боуз и добавил: — Но сначала мы их отвлечем.

Парень чуть не плакал.

— Вы о чем? Как это?

— У тебя случайно не найдется чего-нибудь воспламеняющегося?

Глава 28
РАССКАЗ ЭЛЛИСОН

Топлива нам хватило бы еще на много дней, но в бесцельном кружении было мало проку. Турк нашел на южной стороне бывшего Индонезийского архипелага островок и опустился на него. Остров находился южнее тех мест, куда падали осколки Арки, а его гористый рельеф должен был спасти нас от цунами, вызванного их падением. Аппарат приземлился на пологом склоне. Земля здесь была такой же бесплодной и отравленной, как и в любой другой части планеты, зато на юго-востоке нашим взорам открывался океан. Мы могли бы оставить судно и разбить лагерь снаружи, прихватив с собой кислородные маски и защитную одежду, но зачем? Это было небезопасно: не стихал ураганный ветер, вызванный, возможно, падением обломков Арки к северу от острова.

Мы обсудили возможность того, что Арка продолжает все еще действовать: вдруг и в таком плачевном состоянии она опознает Турка и перебросит нас на Экваторию? Это были, однако,

лишь бесплодные мечты, не говоря о том, что приближаться к Арке было безумно рискованно. При приземлении наш корабль засек еще два несущихся с орбиты вниз осколка. Облака не позволили нам проследить за ними, но их падение в сотнях милях от острова вызвало такое сотрясение земли, что наш корабль затрясся, как былинка. А через час море отступило от берега, обнажив мертвые кораллы и черный песок, а потом обрушилось на берег с такой свирепой силой, что погубило бы все живое, окажись оно у него на пути.

Я сказала, что мы можем еще вернуться на Вокс. Аппарат сам автоматически ляжет на обратный курс, когда запас горючего в его баках приблизится к предельной черте.

— От Вокса уже, наверное, ничего не осталось, — возразил Турк. — До него уже должны были добраться машины гипотетиков.

Возможно, и даже скорее всего. Но мы не знали, в чем причина разрушения Арки. Вдруг с машинами гипотетиков произошло то же самое — вдруг на берегу моря Росса их настигла гибель? Если Вокс уцелел, то океанские бактерии могли послужить для него источником белка, позволяющим прокормить небольшое население.

— В таком случае там вспыхнет драка за еду, — сказал Турк. — А поломка всех машин гипотетиков — это дурная новость.

Он был прав. Мы привыкли считать вечной одну из технологий гипотетиков — воздвигнутый ими неосязаемый барьер, защищавший Землю от расширившегося и состарившегося Солнца. Если рухнет и он, то океан вскипит, атмосфера испарится, и от Вокса останется только облако стремительно разлетающихся в разные стороны раскаленных молекул…

Но я все равно была за возвращение в Вокс-Кор. Там я родилась (и была наречена Трэей), там мне и надлежит умереть.

* * *

Ночью нас настигла самая мощная из всех ударная волна. Приборы оповестили нас заранее о приближении особо крупного объекта, и Турк так настроил виртуальный иллюминатор, чтобы мы могли наблюдать за северо-западным сектором неба. Несмотря на низкую густую облачность, мы рассмотрели в лучах заходящего солнца огненный шар. В ожидании сильной ударной волны мы приказали кораблю закрепиться на скальном грунте острова якорями на прочных тросах.

Ударная волна накатила на нас в виде шквала с горячим дождем. Наш корабль мог выдержать любой напор, якоря держали его надежно, но мы слышали, как гудят тросы, и сотрясается сама смертельно раненая Земля.

Когда ураган стих, я уснула и увидела сон про Шамплейн, родину Эллисон. Я шла по улицам ее детства, делала покупки там, где это любила делать она, разговаривала с ее матерью и отцом. Все казалось реальным, родным, но разворачивалось в бесцветном и бестелесном мире. Мать Эллисон приготовила на ужин тушеную курицу с фасолью, а я была Эллисон, обожавшей это блюдо, но еда, которую она передо мной поставила, была какой-то ненастоящей, имитацией, не имевшей вкуса.

Так было потому, что это были не подлинные воспоминания, а всего лишь записи в дневниках умершей. Я много узнала о себе и о мире, в котором жила, воображая себя Эллисон, но на самом деле никогда не переставала быть Трэей. Оскар прав: Эллисон была всего лишь средством спасения Трэи оттирании Вокса. И теперь вот оказалась у разбитого корыта.

Я встала с койки и перешла в кабину к Турку. Он по-прежнему бодрствовал, бдительно неся

свою бесцельную вахту. Ветер снаружи понемногу утрачивал свою свирепость. Судя по датчикам, дождь, хлеставший по фюзеляжу, был горячим, как пар.

Я рассказала Турку свой сон и призналась, что у меня нет больше сил выдавать себя за Эллисон. Сказала ему, что не знаю имени, которым мне стоило бы называться. Меня ожидает смерть на пустой планете, и никто уже не узнает, кто я и кем была.

— Я знаю, кто ты, — возразил он.

Мы сели вместе на скамью перед переборкой, служившей нам виртуальным окном в мир. Он обнял меня и не выпускал, пока мне не полегчало.

И тогда он рассказал мне, что произошло в Вокс-Коре перед нашим бегством. Передал свой разговор с Оскаром и через Оскара с «Корифеем». Оказывается, он выдал им правду о себе.

— Какую правду?

Я думала, что знаю ее. Думала, он имеет в виду ту правду, которой избегал с тех пор, как мы подобрали его в пустыне Экватории, — страшную и очевидную правду о самом себе.

Но он рассказал мне другую историю — о том, как в юности убил человека, на тогда еще живой

Земле. Он говорил с трудом, с суровой сдержанностью, отвернувшись и стиснув кулаки. Я внимательно выслушала его, позволив выговориться.

Возможно, ему не хотелось, чтобы я стала что-то говорить в ответ на его признание. Возможно, мое молчание помогло бы ему лучше. Но мы остались теперь без будущего, и я не хотела умирать, утаив важную правду.

Дав ему успокоиться, я спросила:

— Хочешь, я отвечу на твой рассказ своим?

— Почему нет?

— Это рассказ об Эллисон. Дело происходило тогда же, на той же Земле. Но этим сходство с твоей историей исчерпывается. Просто у меня давно нечиста совесть.

Он кивнул и приготовился слушать.

— Отец Эллисон в молодости служил в армии, — начала я, — в далеких краях, еще до Спина. Когда родилась Эллисон, ему было сорок лет, а когда ей исполнилось десять, он уже разменял шестой десяток. На день рождения он подарил ей картину в простой деревянной раме. Развернув подарок, она испытала разочарование: с чего он взял, что ее порадует любительская работа маслом — портрет женщины с младенцем?

Он застенчиво признался, что сам его написал несколько лет назад, работая в своем кабинете по ночам. Женщина на картине — это мать Эллисон, а ребенок — она сама. Эллисон удивилась: отец не проявлял художественных талантов и зарабатывал на жизнь, держа обувной магазин; о литературе или живописи он вообще никогда не заговаривал. Он объяснил, что рождение дочери — лучшее событие в его жизни, вот ему и захотелось его увековечить, зафиксировать это чувство, и он написал картину как напоминание о счастье, которое испытал. Теперь он решил передать ее Эллисон. Дочь поняла, что это хороший подарок, может, даже самый лучший из всех, какие ей дарили.

Через восемь лет у него обнаружили рак легких, что неудивительно: он с двенадцатилетнего возраста выкуривал по пачке сигарет в день. Несколько месяцев он пытался делать вид, что ничего не произошло, но слабел день ото дня и в конце концов перестал вставать с постели. Когда матери Эллисон стало слишком трудно за ним ухаживать — он уже не мог самостоятельно есть и ходить в туалет, — пришлось положить его в больницу, и Эллисон поняла, что домой отец уже не вернется. Ему был предоставлен так называе-

мый паллиативный уход. Иными словами, врачи помогали ему умереть. Ему давали болеутоляющие, с каждым днем все большие дозы, но голова у него оставалась светлой до последней недели. Только он много плакал — врачи называли это «эмоциональной неустойчивостью». Однажды он попросил навещавшую его Эллисон принести в палату ту картину, чтобы он мог, глядя на нее, воскресить старые воспоминания.

Но она не смогла выполнить его просьбу: картины у нее больше не было. Сначала она повесила ее на стену над своей кроватью, но потом картина стала ее смущать незрелостью и сентиментальностью, ей не хотелось, чтобы ее видели друзья, поэтому она убрала ее с глаз долой, заперла в шкаф. Может, отец и заметил это тогда, но смолчал. Потом, избавляясь как-то раз от старья — своих детских вещичек, кукол и игрушек, к которым она больше не собиралась прикасаться, — она положила картину в коробку вместе со всем остальным и отнесла в лавку, через которую распределялись пожертвования.

Теперь она не могла сознаться в содеянном исхудавшему, пожелтевшему отцу, дышавшему с помощью кислородной подушки. Поэтому она кивнула в ответ и пообещала в следующий раз

принести картину.

Дома она перерыла весь шкаф, как будто надеялась ее там найти, хотя прекрасно знала, что с ней сталось. Она даже сходила в ту лавку и справилась о картине, но ее, конечно, давно продали или выкинули. Поэтому в следующее посещение ей пришлось разочаровать отца; но она пообещала, что завтра уже не забудет и принесет картину, — ложь, только усугубившая ее чувство вины. День за днем она приходила в палату к отцу с пустыми руками, и он встречал ее все более слабым и испуганным, каждый раз спрашивал про картину, а она раз за разом обещала обязательно ее принести. Так он и умер, больше не увидев своей картины.

…Было тихо, только постанывал на ветру фюзеляж воздухолета. Куски Арки падали все чаще, и точки на экране радара выглядели теперь каплями дождя. После долгого молчания Турк произнес:

— Это беда Эллисон — настоящей Эллисон. Она с этим жила, с этим и умерла. Ты не должна нести этот груз вместо нее.

— Ты тоже не должен нести груз того убийства.

— Ты не замечаешь разницы?

Он по-прежнему избегал правды, сути моего рассказа. Я решила больше не ходить вокруг да около.

— Вспомни Арку Времени в пустыне Экватории. В отличие от Арок, соединяющих миры, Арки Времени не предназначены для людей. С их помощью гипотетики сохраняют информацию, создавая ее дубликаты. Гипотетики забрали тебя, запомнили и воссоздали, а это значит, что настоящего Турка Файндли давным-давно нет в живых, как и настоящей Эллисон Пирл. Ты — убедительнейшая копия, но ты родился в пустыне с воспоминаниями другого человека и ответственен за его прегрешения не больше, чем я — за грехи Эллисон.

Турк смотрел на меня во все глаза. Видя, как все в нем закипает, я даже испугалась.

Затем он встал и ушел на корму судна, где скрылся в тени, оставив меня наедине с завыванием бури.

* * *

Шли дни, толчки от падения обломков ослабевали, и спустя неделю бортовой радар перестал регистрировать в верхних слоях атмосферы что-либо, кроме обычной пыли. Все, что осталось от

Арки на Земле, — две торчащие из Индийского океана ветхие опоры, одна из которых достигала высоты пяти тысяч футов над уровнем моря. Теперь Земля была полностью отрезана, осталась во Вселенной в глухом одиночестве, как было на протяжении бесчисленных тысячелетий до Спина.

Мы с Турком не возвращались к тому, что наговорили друг другу в ту тяжелую ночь. Нам приносили облегчение самые простые слова, элементарное тепло. Пусть мы оба оказались подделками, зато друг друга понимали. Мы заполняли друг в друге пустоту и делали вид, что время для нас остановилось.

Но оно шло. Запасы в трюмах корабля не были неисчерпаемыми. Когда тянуть дальше стало невозможно, Турк поднял наш аппарат со скалистого острова, и мы взмыли ввысь, туда, где виднелись звезды.

Мне не хотелось больше здесь задерживаться — меня тянуло туда, куда нам было не долететь, к далеким светилам и мирам. Я хотела плыть среди звезд, переносясь из одного мира в другой, подобно гипотетикам.

Но где там! Вернуться домой и то было невозможно. Ведь у нас не было никакого дома, а был

только Вокс — если он уцелел. И мы взяли курс на юг, оставив за кормой обломки своей истории, устремились в направлении неизвестности и несбыточной надежды.

Глава 29
САНДРА И БОУЗ

Минуты, как вагоны бесконечного состава, проносились за окном закусочной, где ждала Боуза Сандра. Пятнадцать минут, тридцать, сорок… Мы обезумели, взявшись за это дело, твердила она про себя, и теперь вот пожинаем плоды. Ливень снаружи то ослабевал, то припускал с новой силой. После нескончаемых недель безжалостной жары и суши кармический баланс не мог восстановиться иначе, чем через катаклизм.

На другой стороне улицы остановился автобус. Попыхтев на месте, он выпустил струю синего дыма, откашлялся и укатил в темноту. Сначала Сандра решила, что из автобуса никто не вышел, но потом увидела фигуру, которой не достигал свет фонаря, одетую совсем не по погоде: желтая футболка с короткими рукавами, облепившая костлявое тельце. Кожа да кости — Оррин, кто же еще!

Она вскочила и, ничего не соображая, выбежала из ресторана, не обращая внимания на тревожные крики официанта: «Мэм! Мэм!».

— Доктор Коул, — произнес, увидев ее, Оррин без малейшего удивления. Вид у него был похоронный. — Я заблудился. Надо было приехать гораздо раньше. Вы, наверное, догадались, что я хотел помешать Турку Файндли с его затеей. — У него дрожали губы. — Но я опоздал.

— Нет, Оррин! Слушай, все хорошо. — Она промокла насквозь, едва выскочив на улицу, словно на ней не было одежды. Пришлось обхватить себя руками, чтобы хоть как-то унять дрожь. — Я все понимаю. Турк уже приехал, но за ним побежал полисмен Боуз.

— С ним полисмен Боуз? — недоуменно переспросил Оррин.

— Да, и он помешает ему устроить этот поджог.

— Вы серьезно?

— Серьезнее не бывает. Они будут здесь с минуты на минуту.

Оррин облегчено уронил плечи.

— Спасибо, что приехали сюда… — Шум дождя делал его лепет трудноразличимым. — Вот спасибо! Наверное, вы прочли мои тетради?

Сандра кивнула.

— Все складывается по-другому. Но, видимо, этого следовало ожидать.

— Ты о чем?

— О суммировании траекторий, — ответил он с непонятной важностью.

Сандре хотелось добиться от него толку, но не здесь, на пустой остановке, где небеса окатывали их водой, как из брандспойта.

— Давай, перейдем улицу, Оррин, — сказала она. — Дождемся Боуза вон там. Он скоро вернется.

— Мне бы кофе, — попросил Оррин.

Сандра хотела сойти с тротуара на мостовую, но не смогла: ей преградил путь подъехавший автомобиль. Стекло передней дверцы опустилось, она увидела внутри двоих мужчин. Сидевший справа господин средних лет выдавливал улыбку, водитель демонстративно поигрывал пистолетом.

— Здравствуйте, доктор Коул, — сказал тот, что сидел справа. — Привет, Оррин.

Сандра узнала этот голос — и похолодела. Ее подмывало броситься наутек, но она была не в силах отвести взгляд от машины, словно приросла к месту.

— Добрый вечер, мистер Файндли, — грустно сказал Оррин.

— Жаль, что ты здесь, Оррин. Для нас обоих это плохая новость. Доктор Коул, Оррин, садитесь на

заднее сиденье. Есть разговор.

* * *

Водитель не заглушил двигатель, но и не трогался с места. Сандра молилась, чтобы он не нажал на педаль акселератора. Оставаясь в этом уродливом месте, на авто-, бусной остановке, напротив закусочной с желтым неоном в витрине, можно было еще надеяться обойтись легким испугом. Но если машина стронется с места, то увезет ее из привычного мира в потемки, где творятся жуткие вещи.

Она была наслышана о таких потемках. В приюте ей доводилось беседовать с пациентами, ставшими жертвами систематических побоев и издевательств, опустившимися, деградировавшими. Это были беженцы из мест, где происходили трудно произносимые вещи, и она научилась благодаря этому чувствовать неохватность географии таких мест.

Файндли внимательно изучал ее, развернувшись на переднем сиденье. Она тоже изучала морщины и вмятины на его физиономии, не доверяя обманчивой мягкости его взгляда.

— Начнем с начала, — заговорил он. — Одного недостает. Куда девался полисмен Боуз, доктор

Коул?

На это она не могла ответить, даже если бы хотела. У нее катастрофически пересохло во рту. Сверху на землю обрушивались небесные хляби, она не могла даже сглотнуть.

— Ну, давайте же, — поторопил ее Файндли.

— Понятия не имею… — прошептала она.

— А если подумать?

— Не знаю. Сами видите, его здесь нет.

— Зря вы не приняли мое прежнее предложение, доктор Коул, — сказал Файндли со вздохом. — Я был с вами совершенно искренен. Вторая жизнь для вашего брата, и практически даром! У меня не было задних мыслей. Сам удивляюсь своей щедрости! И вашей глупости. — Он выдержал выразительную паузу. — Там, в темноте, стоит машина Боуза. Так где же он сам, доктор Коул?

Она поджала губы и помотала головой.

Водитель оглянулся на нее. На бандита не похож, подумала Сандра, скорее, приятный с виду, смахивает на школьного учителя английского, уставшего после рабочего дня.

Он показал ей свой пистолет, но она в пистолетах не разбиралась. Он словно хотел сказать ей: «Видишь этот источник моей власти над тобой?» Потом резко ударил ее кулаком в лицо, едва не

выбив зуб. От боли она чуть было не лишилась чувств. Подкатила тошнота. Она зажмурила глаза, чтобы сдержать слезы.

— Не смейте! — крикнул Оррин.

Файндли покосился на него.

— Полюбуйся, что ты натворил, Оррин. И зачем? Что плохого я сделал тебе, когда подобрал на улице и дал приличную работу?

— Я не виноват, мистер Файндли.

— Кто же тогда виноват?

— Наверное, вы сами, — ответил ему Оррин.

Водитель отъехал в кресле назад, чтобы дотянуться до Оррина, но Файндли остановил его жестом. Сандра наблюдала за ними, чуть приоткрыв глаза и загородив ладонью разбитый кровоточащий рот. Картина расплывалась, словно уже и в машине шел дождь.

— С какой это стати? — поинтересовался Файндли.

— Ваш собственный сын вас возненавидел, — тихо сказал Оррин.

Файндли побагровел.

— Мой сын? Какое тебе дело до моей семьи?

— Напрасно вы так поступили с его подружкой Латишей. Он вряд ли вам это простит.

— Кто тебе все это наплел?

Оррин молча отвернулся. Сандра замерла в ожидании неотвратимого удара. Но водитель смотрел куда-то в сторону, на улицу.

— Едут, мистер Файндли.

Сандра посмотрела в окно и увидела белый фургон. Ей было невдомек, чтобы это значило, но Файндли радостно осклабился и помахал рукой водителю проехавшего мимо грузовика.

— Вот и хорошо, — сказал он. — Теперь можно трогаться.

«В потемки, где творится ужасное…» — пронеслось в голове у Сандры.

— У вас еще есть шанс рассказать мне про Боуза, — обратился к ней Файндли. Она взглянула на водителя, ответившего на ее взгляд отвратительной ухмылкой.

Оррин провожал глазами медленно удалявшийся фургон.

— Мистер Файндли?

— Ты взялся за ум, Оррин?

— Мистер Файндли, похоже, он горит.

* * *

Из неплотно закрытых задних дверей фургона вырвалось желтое пламя, потом повалил, несмотря на ливень, густой дым. Водитель фургона все

еще не замечал происходящего.

Затем внутри что-то вспыхнуло и раздался хлопок, после чего дверцы распахнулись, демонстрируя бушующий внутри кузова ад. Грузовик занесло и протащило еще с десяток метров по обочине, где он и замер. Из кабины выскочили двое. Увидев пожар, они в ужасе отпрыгнули в темноту.

Файндли и его подручный еще таращились на горящий грузовик, когда со стоянки перед закусочной к ним рванулась машина Боуза.

— Жми, черт побери! — крикнул Файндли водителю, но было поздно. Боуз, развернув машину, преградил им путь. Водитель дал задний ход, но помешала бетонная скамья на остановке, в которую он врезался задним бампером. Вся его надежда была теперь на пистолет. Но надо было еще решить, в кого стрелять. Файндли громко бранился, но толку от его брани не было никакого.

Зато Оррин перешел к действиям, вцепившись в правую руку водителя, державшую пистолет. Это Оррин-то, который даже мухи не обидит, успела удивиться Сандра. Если только его не вынудят к этому. Он выкрутил руку водителю, заставив его выпалить вверх. В дырку в крыше хлынул дождь, обдав всех брызгами. Файндли

распахнул дверцу машины, вывалился наружу и покатился по мокрому асфальту. Сандре следовало поступить так же, но она не могла даже пошевелиться, превратившись в неподвижную ось, вокруг которой с бешеной скоростью закрутилась вся вселенная. Тело словно налилось свинцом, в глазах поплыли круги.

Она все же попыталась помочь Оррину, который, упершись коленом в спинку водительского сиденья, продолжал выкручивать стрелку руку. Пистолет при этом вращался, как голова кобры, выбирающей, кого бы укусить. В Оррине откуда-то взялись силы, чтобы мертвой хваткой держать мускулистую руку противника. Раздался новый выстрел.

Тут дверь водителя рванул Боуз. Сандру поразила стремительность его движений — наверное, это были рефлексы, полученные от Четвертых. Он схватил водителя за руку, как клещами, дав выбившемуся из сил Оррину разжать хватку и упасть на сиденье. Завладев пистолетом, Боуз засунул его себе за ремень, потом выволок водителя наружу и опрокинул его в лужу. Ощутив себя загнанным зверем, скаля зубы, и держась за запястье, тот, поглядывая на Боуза, вскочил и пустился наутек. Боуз не стал его догонять.

Полыхающий фургон освещал весь квартал, по мокрым стенам улицы метались безумные тени. Сандра оглянулась на Оррина, пытавшегося отдышаться, превозмогая боль. Он простонал:

— Я в порядке, доктор Коул.

Если бы! Вторая пуля пробила уже не крышу, а его плечо. Сандра тут же превратилась в профессионала — ее полуобморочное состояние сняло как рукой. Пришлось вспомнить азы: рану необходимо зажать, благо что кровотечение не очень сильное…

Она помогла Оррину перебраться из машины Файндли в машину Боуза. Подождав, пока она выпрямится, Боуз взял ее за плечи, чтобы осмотреть ее лицо, пострадавшее от удара кулаком.

— Вид ужасный, а так ничего, — сказала она и, противореча себе, выплюнула большой сгусток крови на мокрый тротуар.

— Лучше нам поскорее убраться отсюда, — сказал Боуз.

* * *

Файндли стоял посреди дороги, глядя на фигуру человека на обочине. То был его сын Турк.

Сандре показалось даже, что она видит волны недоумения и смятения, раскалывающие голову

обанкротившегося отца.

— Он все про вас знает, — произнесла она нарочито громко, чтобы компенсировать неразборчивость дикции из-за сломанного зуба и раздувшейся щеки. — Он знает, кто его отец.

Файндли оглянулся на нее, полный злобы и одновременно растерянности.

Теперь Сандра смотрела не на него, а на его сына, на Турка. Тот накрыл голову капюшоном и повернулся к отцу спиной, вложив в это движение максимум презрения. Сейчас он уйдет, поняла Сандра, прочтя это по его осанке, расправленным плечам и выпрямленной спине. Все произошло не так, как было описано в рассказе Оррина, но результат был примерно тот же: Турк отправлялся в неведомые ему края, пусть и не те, которые предрекал ему Оррин.

Видя, что сын уходит, Файндли тихо окликнул его:

— Подожди!

Но Турк не стал его слушать. Пройдя мимо витрины закусочной, он мельком скользнул тенью по мокрому стеклу и пропал за углом. Файндли все смотрел на стену дождя, хотя там уже никого не было.

* * *

Сандра залезла на заднее сиденье машины Боуза и стала искать, чем перевязать Оррину рану. Боуз отдал ей бинты и вату из аптечки первой помощи, которую держал в бардачке. Оррин уже потерял много крови, которая вместе с дождевой водой превратила его футболку в грязную измятую тряпку, но Сандра убедилась, что достаточно будет и пары швов. Она могла бы наложить их и сама, если бы Боуз решил, что им небезопасно ехать в больницу.

— Прижми здесь, — сказала она Оррину, приложив к его ране ватный тампон. — Сможешь?

Он кивнул и сказал «спасибо» неестественно спокойным голосом.

Боуз проехал мимо догоравшего фургона и вырулил на шоссе. Там почти не было уже машин, ливень разошелся вовсю, полосуя тьму плотными тяжелыми струями. Боуз набрал скорость и помчался в направлении города, даже не угадывавшегося впереди.

Глава 30
РАССКАЗ ТУРКА

Мы летели к Воксу под небом, приобретавшим все более безумный вид. Температура за бортом поднялась настолько, что датчики корабля почти беспрерывно заставляли срабатывать сигнал тревоги. Заря была пронзительно яркой, а взошедшее солнце выглядело раздувшимся и угрожающим. Однако изменилось не солнце, а защитный барьер вокруг Земли.

В первые тяжелые годы после конца Спина люди ломали голову, что будет, если гипотетики перестанут их защищать. Ответ был так ужасен, что лучше было об этом не задумываться. В чем бы ни состояли цели гипотетиков, сколь бы загадочны ни были их мотивы, они, судя по всему, решили сохранить человеческий род; мы в ответ согласились на иллюзию нормальности и даже стали в нее верить, а им, скорее всего, именно это и было от нас нужно.

Но я помнил прогноз астрофизиков. За время Спина Солнце состарилось аж на 4 миллиарда лет. Солнце — звезда, а звезды с возрастом рас-

ширяются и часто заглатывают окружающие их планеты. Не будь бесперебойного вмешательства гипотетиков, земная атмосфера улетучилась бы, океаны испарились, как испаряются лужи июльским днем, а затем стала плавиться и сама земная мантия.

И вот защиты гипотетиков не стало.

Избыточная солнечная радиация уже влияла на погоду. Мы летели на юг, в Антарктиду, на высоте шестидесяти тысяч футов, чтобы не угодить в грозовые фронты, вскипавшие в стратосфере и образовывавшие текучие черные горы. Приблизившись к Воксу, мы почувствовали на себе всю силу ветров и ливней, бортовые датчики проинформировали нас, что системы корабля работают на пределе своих возможностей. Еще немного — и полет прервется.

— Избавь меня от него! — попросил я Эллисон.

Мы сидели в носовой кабине и смотрели во все глаза на конец света впереди. Она испуганно расширила глаза.

— Я серьезно, — сказал я. — Ты говорила, что наше судно вернется на Вокс само, без моего контроля.

— Да, но…

— Вот и выковыряй из меня чертов «узел»!

Она задумалась, моя просьба смутила ее.

— Не уверена, что у меня получится. Я имею в виду… сделать это чисто.

— Так сделай это грязно! Слово нужно держать.

Она бросила на меня вызывающий взгляд, а потом опустила голову и кивнула в знак согласия.

* * *

Тот, кого я убил, не был в полном смысле слова невинной жертвой. Как и мой отец, чьи преступления после убийства всплыли наружу.

Я узнал, что убитый был бродягой по имени Оррин Матер, ограбившим полдюжины винных лавок между Рейли и Билокси, а потом нанятым моим папашей. Врываясь в очередную лавку, он размахивал раздобытым где-то пистолетом 42 калибра, и в трех случаях даже спускал курок. Все его жертвы выжили, но одного подстреленного им парализовало ниже пояса. Все это всплыло при суде над моим отцом, который мог и не знать, что предоставил работу преступнику, хотя это его не удивило бы. У него вошло в обычай нанимать себе работников из числа беспаспортной шатии, слонявшейся вокруг хьюстонской автобусной станции. Он платил им наличными и требовал

одного: держать рот на замке. Узнав о чьем-то преступном прошлом или нелегальном иммигрантском статусе, он использовал эти сведения для шантажа, чтобы обеспечить их беспрекословную преданность себе. Обычно такие люди начинали у него грузчиками на складе, если проявляли трезвость и покладистость, то переходили на более ответственные позиции. Таким был карьерный путь Оррина Матера.

Меня за мое преступление так и не арестовали. Было очевидно, что пожар стал результатом поджога, но ничто меня не изобличало. Следствие обнаружило на складе тайник с легковоспламеняющимися химикатами с Ближнего Востока, ждавшими отправки в Нью-Мексико контрабандистам, подделывавшим препараты долголетия. Ко времени начала суда над отцом я уже был в пути, к моменту вынесения ему приговора успел наняться рядовым матросом в недавно возрожденный американский торговый флот и служил на сухогрузе, плывшем в Венесуэлу. Отца признали виновным по трем пунктам обвинения, в том числе в контрабанде, и приговорили к десяти годам заключения, из которых он отбыл пять. Все это я узнавал только из новостей, так как прервал всякий контакт с семьей.

Если Эллисон права, то все это произошло не со мной, а с другим человеком — с настоящим Турком Файндли, давно истлевшим оригиналом, по которому меня воссоздали.

Возможно, так и было. Возможно, я даже хотел бы, чтобы это было правдой.

Но если не я устроил пожар, не моя жизнь прошла под его знаком, не я пронес груз вины из старого мира в новый, не я отвергал одну за другой все открывавшиеся в жизни возможности, не я каялся, когда подворачивалась радость, не я, повинуясь стыду и чувству долга, удрал на далекие нефтяные прииски Экватории, — если я не тот человек, то кто же тогда я?!

* * *

Эллисон принесла в носовую кабину аптечку и, призвав на помощь силы небесные, приступила к операции. Я замер, уставившись на клубившиеся облака цвета стали, которые разрезал на лету наш ковчег.

— Не верти головой! — потребовала она.

Стремительный глубокий надрез. Кровь хлынула ей на руки, залила мне волосы. Как она ни обрабатывала рану гелем, боль была нестерпимой. Тем не менее она покончила с лимбическим

имплантатом и повыдергивала все его ответвления, до которых смогла добраться, не подвергая меня опасности.

Наш аппарат приближался к Воксу, борясь с сильнейшей турбулентностью, от которой палуба у нас под ногами ходила ходуном. Судя по приборам, бортовые системы запрашивали у Вокс-Кора инструкции по снижению и приземлению. Я спросил Эллисон, есть ли ответ.

— Что-то вроде этого, — сказала она.

— Там кто-нибудь выжил?

— Айзек.

Облака расступились, и мы увидели в нескольких сотнях футов под собой Вокс-Кор. Он заметно пострадал — стены домов и башен выглядели, как подтаявшее мороженое, но большая часть города осталась все же неповрежденной. Наш аппарат подлетел к ближайшей башне и опустился на открытую площадку, поднимая клубы ядовитых завихрений.

Как только воздух за бортом стал пригоден для дыхания, Эллисон помогла мне выбраться из люка.

Нас встречал Айзек. Шагая к нам по посадочной площадке, он оставлял за собой цепочку следов: весь город был припорошен белой, похожей на

муку пылью. Он объяснил, что эта пыль — все, что осталось от машин гипотетиков. Они явились поглотить Вокс, разъять его на молекулы и уничтожить, но Айзек взломал их шифры и передал из недр «Корифея» разрушительные для них команды. Правда, он с этим несколько запоздал…

— Первым делом они забрали живую плоть, — сказал он.

В живых не осталось никого. Никого, кроме нас, троих израненных свидетелей конца света. Мы спустились в то, что раньше было городом, и приготовились ждать.

Глава 31
САНДРА

Сандра рассказала своему брату Кайлу про медицинское учреждение под Сиэтлом и решила, что ему там понравится: похоже на «Лайв Оукс», сказала она, хорошие врачи, большие комнаты. Полно зеленых лужаек и даже лесок, каких немало на влажном вечнозеленом Западном побережье. А жара, как в Хьюстоне, там редкость.

Хотя даже в Хьюстоне то утро выдалось довольно прохладным. Она выкатила коляску с Кайлом из его палаты в жилом корпусе и отвезла в рощу, к ручью. Синело небо, налетал ветерок, дубки склонялись друг к другу словно заговорщики.

Кайл был худющий, как скелет. Врачи объясняли, что подбирают ему рацион с учетом его небольшого, но стойкого несварения желудка. Зато настроение у него было благостное. Так он реагировал то ли на погоду, то ли на присутствие сестры, то ли на звук ее голоса, то и дело издавая свое негромкое «ах!».

Руководители опекунского совета предварительно одобрили план Сандры переселить Кайла

и приступили к обсуждению условий с Сиэтлом. Что касается ее самой… Хоть Боуз и проявлял терпение, не уставая ее подбадривать, ее все еще пугали предстоящие резкие перемены в жизни, несмотря на то, что возвращение к старому было совершенно немыслимо.

Боуз также не собирался возвращаться к прежней жизни. Расследование пожара на складе Файндли переросло в федеральное следствие по делу сети торговли препаратами долголетия. ФБР присвоило Боузу статус «лица, представляющего интерес для следствия», поэтому ему следовало на какое-то время исчезнуть, что было нетрудно: его друзья умели оберегать своих. Он предложил Сандре присоединиться к нему — без предварительных условий, без оговорок, надолго или только на время, в качестве друга или любовницы — как решит она. Он пообещал, что с поиском работы ей помогут его друзья.

Кое с кем из них она уже познакомилась. Это были люди, применявшие марсианское средство для долголетия так, как было задумано когда-то самими марсианами. Такой была немолодая пара, вывезшая Эриел и Оррина из Хьюстона. Других людей этого круга она узнала уже в Сиэтле.

Все они показались ей достойными людьми,

искренними в своих убеждениях. Они верили, что единственный способ спасти этот безумный перегретый мир — это нащупать для человечества новый путь развития. Одним из шагов в этом направлении был препарат Четвертых. Так они, во всяком случае, утверждали, и Сандра была не готова с ними спорить, хотя это и казалось ей немного наивным.

Сам Боуз познакомился с препаратом Четвертых не в том возрасте, когда следовало, и не по своей воле. Но некоторые его качества, так нравившиеся ей, могли являться следствием того лечения: спокойствие, великодушие, чувство справедливости. А главное, он был Боузом, тем, в кого Сандра влюбилась, и состав его крови или особенности нервной системы были здесь ни при чем.

Правда, он заявил ей, что ей следует отказаться от надежды использовать препарат Четвертых для лечения Кайла. Боузу пришлось принять его, потому что не существовало другого способа спасти его жизнь. Кайла же это не вылечило бы, а, по словам Боуза, оставило бы младенцем в теле здорового мужчины и, вероятно, навсегда. Друзья Боуза долго совещались и вели дискуссию по этическим вопросам, но в конце концов перешли к

единому мнению, что такой исход неприемлем.

Кайл сидел в кресле-каталке с наклоненной набок головой и следил за качающимися дубовыми ветками.

— Вчера я получила письмо от Оррина Матера.

Друзья Боуза вызвались помогать Оррину и Эриел, — другого от них и ждать не приходилось, — пока не завершится расследование пожара, и подыскали для них жилье, куда не догадались бы сунуться ни слуги закона и порядка, ни преступники.

— Оррин работает неполную неделю в частном детском саду. Пишет, плечо у него совсем зажило. Надеется, что у нас с полисменом Боузом все хорошо. Это так и есть. Еще он пишет, что не в претензии за то, что я прочла его тетради без его согласия.

«Я бы вам и сам разрешил, — написал Оррин, — если бы вы попросили об этом». Завуалированный заслуженный упрек.

— Говорит, что в этих тетрадях все, что он написал, за вычетом нескольких страниц, которые он дописал, когда переехал в Ларами. Он приложил их к своему письму, они у меня с собой.

«Можете оставить их себе, — писал в письме Оррин. — Мне они больше не нужны. Думаю, с

этим теперь покончено, и, возможно, написанное здесь вам окажется понятнее, чем мне самому. Меня все это совершенно сбивает с толку — честно говоря, мне лучше просто продолжать жить».

Она наслаждалась журчанием ручья в роще. Нынче ручей был мелкий и чистый, как слеза. Она представила, как эта вода, если не испарится вся по пути, попадает в Мексиканский залив, чтобы выпасть потом дождем над кукурузным полем где-нибудь в Айове или замести снегом какой-нибудь северный городишко…

«Суммирование траекторий…», — пронеслось у Сандры в голове.

После этого она достала новые странички, присланные ей Оррином, и принялась читать их вслух.

Глава 32
РАССКАЗ АЙЗЕКА (ОРРИНА)

Сумма траекторий

Меня зовут Айзек Двали. После конца света случилось вот что.

* * *

В конце концов Вокс стал моим. Его народ (ненавистный мне) погиб (сожалею об этом), в живых остался один Турк Файндли и имперсона Эллисон Пирл.

Вы осуждаете меня за ненависть к Воксу?

Народ Вокса воскресил меня, хотя я хотел одного — умереть. Они вообразили, что я — более чем человек, а я был менее чем человек. Им я обязан только болью и непониманием.

Пленившие меня утверждали, что я побывал у гипотетиков, что гипотетики меня «коснулись»; но это неправда. Гипотетиков (таких, какими их воображал Вокс) просто не существовало.

Благодаря своему отцу я мог слушать разговоры гипотетиков, их перешептывания среди звезд и

планет. Я понял, что гипотетики — это *процесс*, экосистема, а не организм. Я мог бы попробовать образумить пленивших меня, но такую правду они бы отвергли, и все осталось бы по-прежнему.

* * *

Когда гипотетики впервые вмешались в историю человечества, их возраст составлял уже миллиарды лет.

Они появились во времена зарождения в галактике первых разумных цивилизаций, задолго до того, как из межзвездной пыли образовались наши Земля и Солнце. Подобно первым весенним побегам на пшеничном поле, те древние предтечи цивилизаций были хрупкими, уязвимыми и одинокими. Ни одна из них не пережила истощения и экологического коллапса на породивших их планетах.

Но прежде чем скончаться, они отправили в межзвездное пространство флотилии самовоспроизводящихся машин. Машины предназначались для исследования ближних звезд и передачи собранных данных, что они делали терпеливо и добросовестно, хотя их создатели давно уже перестали существовать. Они перемещались от звезды к звезде, соревнуясь между собой за

редкие тяжелые элементы, обмениваясь поведенческими шаблонами и обрывками рабочих кодов, постепенно изменяясь и эволюционируя. В каком-то смысле они были разумны, но не обладали самосознанием (и никогда бы его не приобрели).

В бескрайний вакуум, в звездные оазисы галактики была запущена *неумолимая логика размножения и естественного отбора*, породившая паразитизм, хищничество, симбиоз, взаимозависимость, хаос, сложность, то есть жизнь.

* * *

Народ Вокса можно было ненавидеть весь скопом, поскольку его поведение было исключительно коллективным, и я ненавидел его за укоренившиеся лимбические предрассудки, за то, что он, вырвав меня из лап безразличной смерти, швырнул в боль физического тела. Но Турка Файндли и женщину, назвавшуюся Эллисон Пирл, я возненавидеть не смог.

Турк и Эллисон были несовершенными и жалкими — как и я. Подобно мне, они были созданы или призваны по воле Вокса. Как и я, они не оправдали ожиданий Бокса, потому что испы-

тывали нечто большее или меньшее, чем Вокс допускал.

Турка я повстречал в пустыне Экватории еще до того, как мы с ним прошли через Арку Времени. По неведению или от озлобленности, но далеко не случайно Турк некогда убил человека, а потом на фундаменте вины за это возвел свою жизнь. Он принимал свои неудачи за кару. Он вымаливал прощение, которого все равно не мог получить, и ужаснулся, когда прощение посулил ему «Корифей». Принять это прощение значило бы опозорить убитого Турком человека (его звали Оррин Матер); народ Вокса, топивший подобные чувства в своей замкнутой лимбической общности, превратился в глазах Турка в многоглавое чудище.

С Эллисон вышло по-другому. Искусственная личность даровала ей, уроженке Вокса, редкий шанс взглянуть поверх барьеров и ограничений ее жизни. Признав эту личность своей, она благополучно избавилась от «Корифея». Ценой такого избавления стал отказ от родных, друзей, веры.

Как хорошо я понимал сущность этой сделки!

Я хотел, чтобы эти двое выжили. Поэтому я помог им бежать. При этом я сомневался, что им удастся воспользоваться рушащейся Аркой.

Но я постарался продлить им жизнь; надолго ли — зависело от того, как и чем измерять время.

Больше тысячи лет машины гипотетиков зачищали поверхность Земли, снося, исследуя и запоминая руины цивилизации, созданной нами на планете, где мы родились.

Эта зачистка не была сознательным процессом, за ней не стояло никакой мысли. Это был сложившийся с течением времени стереотип поведения, вроде фотосинтеза, например. Аппараты, которые увидел на антарктической равнине Турк, собрали колоссальный массив информации. Материальные ресурсы Земли — редкие элементы, очищенные человечеством и сконцентрированные на развалинах наших городов, — еще ранее были изъяты и перенесены на Земную орбиту и за нее, чтобы ими могли пользоваться парящие в космосе элементы экосистемы гипотетиков. С Землей гипотетики уже почти покончили.

Но их сенсоры (сложная система орбитальных устройств, не превышавших размером пылинку) засекли проскользнувший в Арку Вокс и направили к нему наземные чистящие агрегаты. То, что казалось пророкам Вокса апофеозом существования, было просто выметанием мусора, срыванием последней ягодки с уже обобранного,

высохшего куста.

Гипотетики нагрянули вскоре после бегства Турка и Эллисон, налетели роем дизассемблеров, каждый размером с насекомое. Зубы у них были острые, каждый укус смертелен. Они выделяли сложный катализатор, размыкавший химические связи; они просачивались сквозь оплывавшие стены, как дым, втягивая за собой снаружи ядовитую атмосферу. По всем галереям, ходам и коридорам Вокс-Кора поползли отравляющие пары. Отчасти это было милостью: большинство жителей погибло от удушья, а не было сожрано заживо.

Могли я их спасти?

Я ненавидел народ Вокса за то, что, воскресив меня, он только усугубил мои страдания, но такой участи я ему не желал. Я сделал то, что мог, чтобы избавить всех этих несчастных от страданий, — то есть ничего.

Мне еще повезло, что сам я смог спастись.

* * *

Элементарная защита была мне обеспечена. Как и Турк, я прошел через Арку Времени. Десять тысяч лет я просуществовал в виде памяти в архивах гипотетиков, а потом они воссоздали

меня в экваторианской пустыне, ибо таково было назначение Арок Времени: в точности воспроизводить информационно насыщенные структуры, чтобы содержавшиеся в них данные могли использоваться для исправления погрешностей в локальных системах. Механизм гомеостаза, не более того.

Дизассемблеры не тронули бы меня, так как я был помечен как доброкачественная единица. Но эта защита становилась бесполезной при распаде Вокса на молекулы. Мне было необходимо взять действия машин под свой контроль до того.

Моим наилучшим шансом на спасение был «Корифей». Процессоры, из которых он состоял, имели несколько степеней защиты. Их не уничтожили даже ядерные взрывы, обрушившие Сеть, был только поврежден их интерфейс с физическим миром. Дизассемблеры в конце концов сожрали бы и их, но только после уничтожения почти всего Вокс-Кора. Большая часть моей личности уже была тождественна этим процессорам. Индульгенция, предоставленная гипотетиками мне, распространялась, следовательно, и на аппаратную часть «Корифея» — во всяком случае, я на это надеялся.

Граждане Вокса гибли тысячами, Сеть давала

сбои, и я воспользовался этими жуткими обстоятельствами. При помощи бездействовавших процессоров я взломал сигнальные протоколы машин-убийц, соединил их и сигнальные механизмы с глубокими циклами обратной связи «Корифея» — и добился необходимого мне контроля.

По мере зачистки Вокса от последних следов человеческой жизни «Корифей» превращался в хор из одного солиста. И этим солистом — то есть Корифеем, стал я.

* * *

После декодирования процедурной логики дизассемблеров появилась возможность передавать им ложные сигналы распознавания. Уничтожение Вокс-Кора было остановлено. При помощи команд я умудрился усыпить машины. Дезорганизованные и утратившие свою сплоченность они стали осыпаться с неба, как пыль.

Но людей это уже не спасло — было слишком поздно. Не повезло и верхним уровням Вокс-Кора: от них остался только уродливый голый скелет. Мне удалось заново герметизировать внутренние части города и устранить небольшие повреждения двигательных установок, применив для этого

роботов и послушную моей воле свору разрушителей. Я позволил дизассемблерам убрать все человеческие останки, доесть все недоеденное.

Когда я снова зажег в городе свет, его коридоры, ярусы и платформы были так пусты, словно никогда и не были населены. Система циркуляции воздуха полностью очистила город от пыли.

* * *

Но оказалось, что этим не исчерпываются мои возможности.

Дожидаясь возвращения Турка и Эллисон, — а я надеялся, что они вернутся, — я приступил к изучению густонаселенного промежутка между «Корифеем» и гипотетиками. Вскоре я получил доступ к системам, превышавшим масштабами саму Землю. Все устройства гипотетиков были связаны друг с другом и образовывали сложную иерархию: от малюток-дизассемблеров до стай машин-архиваторов на орбитах за Луной, машин, добывающих энергию на гелиосфере Солнца, преобразователей сигналов на периферии Солнечной системы, агрегатов у ближних звезд. Все это я постиг и подчинил своему влиянию.

Я сконструировал фильтры для сжатия информационного потока в удобочитаемые пакеты, для

измельчения тайн гипотетиков с целью их последующего осмысления. Занимаясь всем этим, я чувствовал, как расту сам.

Собственное мое тело стало казаться мне лишним, и я даже подумывал, не позволить ли ему умереть. Но решил, что оно мне еще пригодится для контакта с Турком и Эллисон, когда (и если) они вернутся. Им будет нелегко принять то, что они здесь найдут, а мне будет так же нелегко объяснить им свои дальнейшие планы.

* * *

За свою эволюцию протяженностью в много миллиардов лет гипотетики научились использовать в своих интересах способность, которой сами не обладали и не могли обладать: *способность созидать.*

Иначе говоря, волевую деятельность для достижения сознательных целей. Таковая развивалась в галактике нечасто, в основном, в высших экосистемах биологически активных планет, обращающихся вокруг гостеприимных звезд. Виды, способные на созидание, редко сохранялись дольше, чем требовалось для истощения ресурсов их планетных экосистем. В межзвездном мас-

штабе времени они были нестойким, эфемерным явлением.

Но вид именно такого типа создал самовоспроизводящиеся машины, ставшие предтечами гипотетиков. Эти цветы органического разума были чрезвычайно полезны: они генерировали полезную информацию, концентрировали на своих развалинах ценные ресурсы, часто запускали новые волны репликаторов, которые можно было накапливать или абсорбировать в более крупные сети.

В конце концов гипотетики сами принялись активно культивировать органические цивилизации.

В этом не было никакой созидательной мысли, одна слепая алчность. Гипотетики эволюционировали в сторону максимальной эксплуатации разумных организмов. На заре галактической истории одна из органических цивилизаций построила Арки-близнецы для колонизации другой, едва обитаемой планеты у соседней звезды; вскоре после этого разумный вид постигли упадок и вымирание, но его технология была проанализирована и освоена гипотетиками. Таким же способом гипотетики овладели добычей энергии из звездных ядер и из градиентов гравитации;

манипулированием атомными и молекулярными связями; управлением и стабилизацией информационного обмена на расстоянии сотен световых лет. Со временем гипотетики научились продлевать полезную жизнь разумных видов. Благодаря подвешиванию плодородной материнской планеты в пространственно-временной ловушке на время монтажа Арок, — как то произошло с Землей при Спине, — можно было десятикратно увеличить ресурсную базу данной планете; затем ее органическая цивилизация переносилась в другие миры и процветала там, переживая циклы упадка и возрождения и надежно генерируя новые технологии, которые можно было с пользой эксплуатировать.

Конечно, такие органические виды оставались смертными и рано или поздно вымирали. Такова судьба всех биологических видов. Зато как урожайны их руины!

* * *

Эллисон и Турк вернулись в Вокс-Кор в разгар ураганов, последовавших за крушением Арки и распадом систем, издревле оберегавших Землю от ее состарившегося, умирающего Солнца.

Я радостно поприветствовал их и объяснил,

что произошло. Сказал, что способен защитить их даже в случае гибели этой приговоренной планеты — вот какого могущества я достиг за столь краткий срок!

Но огромное число человеческих смертей их потрясло. Целыми днями бродили они по обезлюдевшим городским коридорам. Их прежнее жилище сгинуло при первом натиске дизассемблеров; теперь они могли выбрать себе любое другое из десятков тысяч опустевших апартаментов, свить гнездо где угодно, но Эллисон призналась мне, что ей действует на нервы обстановка, оставшаяся от умерших: их скарб, расставленные на столах приборы, детские комнаты без детей. Город полон призраков, сказала она.

Поэтому я выстроил им резиденцию на лесном ярусе, применив для этого городских строителей-роботов. Я выбрал пятачок подальше от мест, где раньше обитали люди, но в шаговой доступности. Искусственное солнце светило этому ярусу ярко и убедительно, там поддерживалась комфортная температура и низкая влажность воздуха. Утром и вечером для них дул бриз, раз в пять дней выпадал дождик.

Они согласились там пожить, пока не подыщут что-нибудь получше.

* * *

Согласен, может найтись уголок поприятнее, но только не на Воксе и уж точно не на Земле. При этом все мое внимание было поглощено тем, чтобы уберечь Вокс-Кор от неблагоприятного воздействия среды.

На земном экваторе океаны превращались в кипяток. На безжизненных континентах бушевали циклоны, атмосфера насыщалась горячим водяным паром. Чудовищные штормы грозили разбить Вокс о скалистый антарктический шельф. И дальше могло стать только хуже.

Я должен был полнее овладеть могучей технологией гипотетиков, а для этого нужно увеличить свой контроль над ней.

Мне удалось спустить с орбиты небольшой флот микроустройств, вроде тех дизассемблеров, которые набросились на нас в Антарктиде, чтобы они послужили Вокс-Кору защитной оболочкой. Теперь, как ни били по острову волны, грозившие перехлестнуть через самые высокие башни, сам город стоял, как влитой, бросая вызов стихии. Поддержание этого равновесия требовало гигаджоулей энергии, черпаемой прямо из солнечного ядра.

Но и это было только полумерой. Скоро нам предстояло расстаться с планетой. Я считал, что смогу обеспечить наше отбытие, но для этого потребуется рассоединить мое тело с моим разумом.

Идя по Вокс-Кору, я часто поражался своему отражению в зеркалах — напоминанию о том, что я по-прежнему состою из плоти и крови, хотя и покрыт шрамами своего насильственного воскрешения. Невидимые душевные раны саднили гораздо сильнее телесных.

Отец сделал меня таким потому, что уверовал в способность гипотетиков освободить человечество от смерти. Религия Вокса лелеяла ту же мечту, по существу являясь программируемым лимбическим бунтом против тирании могилы.

И вот камень веры откатился в сторону, и остался от всего лишь слабосильный пророк безмозглого бога. Как разочарован этим был бы мой отец!

* * *

— Я могу управлять ходом времени! — объявил я Турку и Эллисон. — В местном масштабе, конечно.

Хотя они и были моими друзьями, им внушал

страх я сам — их страшил тот, в кого я превращаюсь. Нельзя было их за это осуждать.

Я побывал у них в гостях. Дом, который я построил для них в лесу, был очарователен. Вокруг тянулись ввысь стройные деревья. Воздух полнился звуками и благоухал ароматами. Они усадили меня за стол. Эллисон подала вазу с фруктами, Турк налил мне стакан воды. Эллисон сказала, что я сильно исхудал. И верно, в последнее время мне было не до еды.

Я рассказал им, что творится за утлой оболочкой Вокса. Разбухшее Солнце ускоренно расправляется с земной атмосферой. Скоро начнет плавится сама земная твердь, и Вокс превратится в скорлупку в море расплавленной магмы…

— Но ты сможешь оставить нас в живых, — сказал Турк, повторив то, что слышал от меня несколько недель тому назад. — Действительно, сможешь?

— Думаю, да, только я не вижу смысла здесь оставаться.

— Куда же нам податься?

Как ни раздулось Солнце, солнечная система не стала полностью непригодной для жизни. Спутники Юпитера и Сатурна выглядели достаточно теплыми, надежными… Вокс мог бы бесконечно

бороздить серо-голубые моря Европы, скажем, атмосфера которой не более токсична чем земная.

— Марс! — произнесла вдруг Эллисон. — Если все так, если мы можем перелетать с планеты на планету, то на Марсе тоже есть Арка…

— Уже нет.

Гипотетики защищали Марс до тех пор, пока там оставались люди. Но последние уроженцы Марса вымерли уже несколько веков назад, марсианские руины пришли в плачевное состояние; в последние десятилетия тамошней Арке позволили распадаться. Дверь на Марс закрыта.

Все это я почерпнул из банка данных гипотетиков — своей второй памяти.

— Ты говоришь, что Вокс-Кор может превратиться в космический корабль, — не унималась Эллисон. — Как далеко мы можем улететь? С какой скоростью?

— Расстояние не ограничено. Но что до скорости, то это лишь малая доля скорости света.

Ее мысль была понятна без лишних слов. Планеты, образующие Кольцо Миров, соединены Арками, но разделены огромными расстояниями. Некоторые из них астрономы вычислили еще при Турке. До ближайшего населенного людьми мира было больше сотни световых лет, чтобы

до него добраться, потребовалось бы несколько жизней.

— Я могу изменить ход времени, и нам покажется, что это совсем не так долго. В субъективном восприятии — год с небольшим.

— Только когда мы туда доберемся, это будет уже не теперешнее Кольцо Миров, — сказала Эллисон.

— Да, пройдут тысячелетия. Невозможно предвидеть, что мы там найдем.

Она посмотрела на лес за окном. Лучи искусственного света тянулись между ветвей, как длинные прозрачные пальцы. Заменявший небо потолок яруса имел цвет кобальта. Ни птиц, ни насекомых, один шелест листьев.

Немного погодя она оглянулась на Турка. Тот коротко кивнул.

— Хорошо, — сказала она. — Летим домой.

* * *

Пока мое физическое тело спало, я создал сферу для Вокс-Кора и для острова под ним. Эта сфера стала нашей границей с внешним миром. Пространство-время искривилось вокруг нас, презрев законы геометрии. Вокс-Кор стартовал с умирающей Земли, как снаряд из пушки, хотя мы

этого не почувствовали: я изменил локальную кривизну пространства для иллюзии гравитации. Через несколько часов мы миновали орбиту Урана, потом Нептун.

Турку и Эллисон было любопытно, как протекает наш полет. Я бы с радостью показал им, где мы находимся, но увидеть внешний мир с Вокса стало невозможно: человеческому взору он предстал бы ослепительным потоком синих энергетических сгустков, даже самые длинные электромагнитные волны сжимались и обретали смертоносную силу. Но в моих силах было разбить эти потоки на интервалы, синтезировать волны видимой длины и показать все это Эллисон и Турку в их лесном домике. Результат был захватывающий, но неутешительный. Солнце выглядело тлеющим угольком в черной бездне, Земля почти скрылась из виду. Звезды катились мимо, Вокс-Кор медленно вращался — это остаточное движение я корректировать не стал.

— Как одиноко! — пожаловалась Эллисон.

Со стороны мы представляли бы собой парадоксальное зрелище: горизонт событий без черной дыры, темный пузырь, из которого не выходит ничего, кроме пучков радиации.

Окружавшая нас граница была не просто есте-

ственным горизонтом событий. В человеческом языке нет слов, чтобы объяснить принцип ее действия, хотя я ответил Турку на его вопрос, что это одновременно барьер и канал. По нему я поддерживал контакт с гипотетиками. Секунды соответствовали у нас годам, и я ощущал протяженные ритмы галактической экосистемы: пустоты брошенных или умирающих звезд, яркие Кольца Миров (из которых только одно было разведано и заселено людьми), процветающих под опекой гипотетиков, пульсацию активности, исходящую от новообразованных звезд и биологически активных планет.

Во всем этом не было ни души, ни созидания, только бездумные синкопы репликации и селекции, неописуемо прекрасные, но безжизненные и пустые. Экосистема гипотетиков так и будет бурлить, пока не исчерпает все тяжелые элементы, все источники энергии, до которых дотянется. Когда погаснет последняя звезда, машины гипотетиков взорвут гравитационные колодцы предвечных сингулярностей, вся вселенная станет темной и пустой — тогда и сами гипотетики, думаю, прекратят свое существование. Но они, в отличие от людей, умрут, не жалуясь. Их будет некому оплакивать, некому будет наследовать

оставшиеся после них развалины.

Мне становилось все труднее вспоминать о нуждах моего органического тела. Я жил теперь в квантовых процессорах в сердцевине Вокс-Кора и все больше переселялся в облако гипотетических схем, окружавших нас и следовавших за нами в нашем падении среди звезд.

Я позволял себе гадать, что будет, когда Турк и Эллисон меня покинут. Куда я направлюсь? Во что превращусь?

* * *

Эллисон сохранила или, быть может, унаследовала склонность своей тезки к писательству. Оказалось, что она записывает все, что пережила, от приключения в пустыне Экватории до гибели Вокского архипелага: старательно выводит слова на белых листах бумаги. Я спросил, зачем ей это, она пожала плечами.

— Не знаю. Наверное, для себя самой. А вообще-то это как послание в бутылке.

Не таков ли и сам Вокс-Кор? Бутылка, плывущая вдали от берегов, ее зеленое стекло поблескивает то на солнце, то под звездами, храня послания от созданий из плоти и крови.

Я посоветовал ей не бросать это занятие и за-

помнил все страницы, которые она мне показала, то есть записал их на всех доступных мне носителях памяти: не только в своем смертном мозгу, но также в процессорах «Корифея» и в окружавших нас облаках гипотетиков. Настанет день, когда эти слова станут всем, что останется от нее.

Турку я тоже предложил написать о себе, но он счел это бессмысленным. Тогда я согласился на простые беседы. Мы говорили с ним часами всякий раз, когда я отправлял свое смертное тело проведать в их дом в лесу. Я знал о нем все, что было известно «Корифею», включая рассказанное Турком Оскару об убитом им человеке, поэтому он мог говорить, не стесняясь.

— Я превратил изучение Оррина Матера в свою работу. Он с самого рождения был немного свихнутым и прожил почти всю жизнь со старшей сестрой в Северной Каролине. Часто дрался, выпивал, в конце концов сбежал из дому и подался на запад. Когда оставался без денег, грабил магазины, один бедняга из-за него угодил в больницу. Он был далеко не святой. Когда я сделал то, что сделал, то еще ничего о нем не знал. Он был просто бедолага, которому от рождения не шла карта. При других обстоятельствах он мог бы стать совсем другим.

Но разве о ком-то из нас можно сказать иначе?

Я пообещал Турку, что если он изложит на бумаге то, что помнит об Оррине Матере и о Вокс-Коре, то я обеспечу сохранность всего, что они с Эллисон напишут, пока будут живы Вокс и экосистема гипотетиков.

— Думаешь, от этого что-то изменится?

— Только для нас самих.

Турк обещал подумать.

Эти люди, Эллисон и Турк, были моими друзьями, единственными, которые у меня когда-либо были, и мне очень не хотелось с ними расставаться. Потому я и решил сохранить от них хотя бы что-то.

* * *

Экосистема гипотетиков — это лес, густой и совершенно безумный, но это не значит, что необитаемый. Можно сказать, он населен привидениями.

Такие догадки посещали меня и раньше. При всей уникальности моего случая я не первый человек, получивший доступ к памяти гипотетиков. Подсоединиться к ней время от времени пытались марсиане, но потом бионормативное движение поставило крест на всех эксперимен-

тах такого рода. Первым человеком на Земле, установившим с ними связь, был Джейсон Лоутон: переживая собственную смерть, он занял соответствующее место в компьютерном пространстве гипотетиков, — возможно, он обитает там и сегодня; однако его способность действовать *созидательно* очень ограничена. (Сдается мне, это почти что определение призрака…)

Многие инопланетные, не только людские цивилизации искали тропинки в этот лес до нас.

Физически их цивилизации пережили упадок и давно исчезли, но все еще продолжают бродить по этому лесу. Мне их трудно обнаружить, поскольку они зашифрованы, чтобы защитные программы Сети гипотетиков их не идентифицировали и не стерли. Это кластеры оперативной информации, виртуальные миры, существующие внутри базы данных галактических экосистем.

Я чувствую их присутствие, но это и все, что я могу о них сказать. Содержание этих кластеров фрактально распределено и слишком сложно. Зато им присуще подлинное созидание, более того, не только сознательная, но целенаправленная деятельность, влияющая на внешние системы.

Значит, я не один! Правда, эти виртуальные миры чужих цивилизаций так хорошо защищены,

что мне никак не удается выйти с ними на связь, и так бесконечно далеки от нас и бесчеловечны, что я, наверное, все равно не понял бы, что они хотят сказать, — если хотят…

* * *

Минул почти год после нашего с Турком разговора, и он без лишних слов вручил мне стопку бумаги с записками о пережитом в Вокс-Коре.

«Меня зовут Турк Файндли, — начиналась его исповедь. — Я расскажу о том, как я жил, когда все, что я знал и любил, давным-давно сгинуло…» Я с чувством поблагодарил его и никогда потом не заговаривал с ним об этом.

Мы приближались к одной из звезд, вокруг которой вращалась планета из Кольца Миров. Я снизил скорость Вокс-Кора, передав кинетическую энергию этой новой системе (и тем самым подняв на доли градуса температуру ее солнца), и приступил к сокращению временного дифференциала между Боксом и внешней вселенной. Пересекая орбиту самой дальней от солнца планеты, я показал Турку и Эллисон изображение: звезда, уже видимая в форме диска, над кромкой газового гиганта, обращающегося вне обитаемой зоны. В глубине этой системы, еще слишком да-

леко от нас, чтобы отражать достаточно света и стать видимой, находилась планета, называемая ее обитателями «Гаванью Туч» (на дюжине языков, среди которых английского не было).

Это был водный мир с цепочками островов в местах, где терлись друг о друга тектонические плиты мантии. На них и на искусственных архипелагах некогда проживало в относительном мире человеческое сообщество. Государства Гавани Туч были в основном кортикальными демократиями, с отдельными поселениями для радикальных бионормативных марсиан. Но с тех пор прошли тысячелетия. Мы должны были готовиться к тому, что на планете произошли большие перемены.

Эллисон тихо попросила меня рассказать о теперешнем состоянии планеты.

Я уже давно пытался поймать сигналы оттуда, но то ли сигналов не было вообще, то ли у меня не получалось опознать. Это могло означать, например, что тамошняя цивилизация перешла на безотходные способы коммуникации. Ледяные космические объекты на периферии системы кишели активно размножавшимися машинами гипотетиков. Момент, когда временной дифференциал между Вокс-Кором и окружающим

космосом составил 1:1, мы встретили втроем. Я спроецировал иллюминатор на всю стену самой просторной комнаты в их доме — настоящее окно в мир за пределами Вокса. Сначала там было пусто, потом появились многочисленные звезды.

Лететь до самой планеты оставалось считанные минуты.

— Красота! — восхитилась Эллисон. Такого она еще не видывала, народ Вокса проявлял мало интереса к космическим путешествиям. Но Гавань Туч понравилась бы и самому избалованному ценителю: переливы кобальта и бирюзы, белая как лед луна над залитым солнцем горизонтом.

— Похоже на прежнюю Землю, — сказал Турк. Не дождавшись от меня ответа, он спросил: — Ты в порядке, Айзек?

Какое там! Меня словно парализовало, голову пронзили непонятные вспышки. Я попытался встать и повалился навзничь.

Прежде чем лишиться чувств, я услышал издали вой сирены: автономная система защиты предупреждала о вторжении, увидеть которое я уже не мог.

* * *

Жители Гавани Туч отследили наше прибытие: пространственно-временной сгусток вокруг сияющей капли энергии, легко опознаваемое «черенковское излучение». Нам приготовили встречу.

Поначалу они приняли нас за врагов. Они знали, что пожаловала не обыкновенная машина гипотетиков, — в сущности гипотетиков они разобрались за долгие столетия, прошедшие с тех пор, как Вокс покинул Землю. После отключения нами временного барьера они отрезали Вокс-Кор от местных источников энергии и вторглись в наши процессоры с помощью своих программ подавления тонкой настройки. Это и погрузило «Корифея» в сон. А поскольку мое сознание было сращено с «Корифеем», я лишился чувств.

Дальше происходило вот что. Корабль с людьми преодолел нашу защиту и опустился в Вокс-Коре, не встретив сопротивления. Люди нашли Турка и Эллисон, и те, преодолев языковые трудности, объяснили, кто они такие и откуда взялись. Они подчеркнули, что я неопасен, и потребовали вывести меня из принудительной комы. Военные Гавани Туч отказались сделать это, пока не будет

доказано, что я действительно безопасен.

Такая встреча не предвещала ничего хорошего, однако, придя в себя, я убедился, что дружелюбие все же восторжествовало. Очнулся я в своем смертном теле, на удобной койке в больнице Вокс-Кора. Мои мыслительные способности полностью восстановились. В палату вошла женщина, представившаяся посланницей «объединенных государств Гавани Туч» и извинившаяся за проявленное по отношению ко мне негостеприимство.

Она была рослой и темнокожей, с большими широко расставленными глазами. Я спросил про Турка и Эллисон.

— Они ожидают снаружи и хотят вас видеть, — ответила она.

— Они преодолели длинный путь в поисках дома. Вы способны им что-то предложить?

Она улыбнулась:

— Я уверена, что мы сможем достойно их принять. Если вам интересен наш мир, мы предоставим вашей внешней памяти данные о всех наших государствах. Вы сами сделаете вывод о том, что мы за народ.

Я переварил всю эту информацию в мгновение ока и остался удовлетворен, но не стал ей об этом

говорить.

— Вы сами тоже проделали огромный путь, Айзек Двали, — продолжила она. — У нас найдется место и для вас.

— Благодарю вас, но это не нужно.

Она нахмурилась.

— Вы уникум.

— Такой уникум, что не смогу расстаться со своим городом, — повторил я то, что она и так уже знала. «Корифей» контролировал слишком большую часть моего сознания, чтобы меня отпустить: если выковырять меня из Вокс-Кора, я превращусь в сочащийся кровью кусок мяса.

— Мы займемся этой проблемой, — пообещала она.

Она объяснила, что человечество стало разбираться в сущности гипотетиков. Государства Гавани Туч уже начали основывать виртуальные колонии в компьютерном пространстве здешних сетей гипотетиков. Колонистами обычно становились престарелые и немощные, торопившиеся расстаться со своими физическими телами. То же самое, по ее словам, мог сделать и я.

— Мне и без того хорошо.

— В одиночестве?

— Да, в одиночестве.

— Вы понимаете, к чему себя приговариваете? К бессрочному одиночному заключению — если только ваше «я» когда-нибудь не истощится и не станет хаотичным…

— Я позабочусь, чтобы этого не произошло.

Я видел, что она мне не верит.

— Чем же вы займетесь? Будете до скончания времен странствовать по галактике?

Как бутылка в море.

— Когда-то давным-давно у моего отца была библиотека, — сказал я. — Среди других томов там была книга Рабле. Узнав, что умирает, Франсуа Рабле сказал: «Je m'en vais chercher un grand peut-etre». Это значит: «Я ухожу искать большое „может быть“».

— А нашел только смерть.

— Peut-etre, — ответил я с улыбкой.

Она тоже улыбнулась, хотя я чувствовал, что ей меня жалко.

* * *

Я простился с Эллисон и Турком. Эллисон умоляла меня принять предложение Гавани Туч и остаться, хоть физически, хоть виртуально. Я отказался, и она разрыдалась, но я был непреклонен. Я не желал никакого перевоплощения. Я и

этого-то не желал и не просил.

После ухода Эллисон Турк побыл со мной еще немного.

— Я иногда гадаю, не избраны ли мы для всего, что с нами случилось. Все так странно, правда? Совсем не похоже на жизнь других людей.

Похожего мало, согласился я. Но избранниками я нас не считал.

— Все могло произойти в бесчисленных вариантах. В нас нет ничего особенного.

— Думаешь, в конце что-то найдешь? Что-нибудь, что придаст всему этому смысл?

— Не знаю. Peut-etre.

Все мы падаем. И все куда-то приземляемся.

— Тебя ждет долгий путь… Мне он не покажется долгим. Я путешествую налегке.

— Все твое при тебе, — согласился Турк Файндли.

* * *

Я поместил город в пузырь замедленного времени и для ускорения воспользовался солнечным светом. Вокс-Кор оставил позади орбиту самой дальней планеты системы и ворвался в межзвездный вакуум. Мне для этого потребовалось одно мгновение. Секунды на городских часах были

равны столетиям.

У меня не было цели. Притяжение тяжелых звезд сообщало моей галактической траектории непредсказуемые векторы, делая ее похожей на вихляющую походку пьяницы. Все мое вмешательство ограничивалось уклонением от препятствий.

В физическом теле Айзека Двали я часто блуждал по ярусам и переходам Вокс-Кора. Город по-прежнему соблюдал запрограммированный ритм, поддерживал состав атмосферы, содержал в порядке свои пустые парки и сады. Гуляя, я иногда сторонился, пропуская движущихся роботов — железных обезьян, собиравшихся на свои дневные службы. Они походили на людей, но у них отсутствовали представление о морали и способность к созиданию, поэтому я подавлял невольное побуждение заговорить с ними.

Делить сутки на день и ночь было бессмысленным анахронизмом, однако мое смертное тело не желало от него отказываться. Днем я нежился на искусственном солнышке, по вечерам штудировал древние книги из вокских архивов или перечитывал воспоминания, которые мне оставили Турк и Эллисон.

Ночами, когда тело спало, я расширял свое

«я», включая в него весь Вокс-Кор. Я создавал модели стареющей галактики и своего места в ней, разматывал ручейки информации из сложных клубков экосистемы гипотетиков. Звезды, мгновение назад еще бывшие молодыми, исчерпывали свое ядерное топливо, деградировали и превращались в тлеющие угольки: бурые карлики, нейтронные звезды и сингулярности в своих бездонных могилах. По сравнению с течением времени во внешней вселенной, мое сознание было обширно и медлительно. Наверное, таким было бы мироощущение самих гипотетиков, если бы они сознавали себя.

Сигналы, мчащиеся со скоростью света, мелькали между звезд так же быстро, как сообщались нейроны в мозгу Айзека Двали. Я стал воспринимать галактику как единое целое, а не как россыпь звездных оазисов, разделенных световыми годами пустоты. Сети гипотетиков пронизали ее, как грибные гифы гнилое дерево. Своим ночным зрением я видел их как разноцветные нити света, озаряющие сложную и обычно невидимую галактическую структуру. Кольца цветущих миров представали замкнутыми цепями углеродных атомов в органической молекуле. Древние мертвые кольца мерцали, как бледные призра-

ки; машины гипотетиков или гибли там из-за нехватки ресурсов, или устремлялись оттуда к ближайшим очагам звезд.

Живая галактика пульсировала, истощаясь и обновляясь. Тут и там открывались, разрабатывались, совместно использовались новые технологии и источники энергии.

По мере старения и расширения вселенной другие галактики, уже отлетевшие на огромные расстояния, удалялись еще дальше, пока не терялись из виду. Но даже в этих далеких структурах теплилась своя жизнь: судя по доходящим оттуда случайным сигналам, там развивались собственные сети, вроде сети гипотетиков. Эти сигналы пели во тьме неразличимыми и затихающими голосами.

* * *

Рано или поздно я был обречен на прощание со своим телом и на окончательный переход в процессоры «Корифея» и в облако нанотехнологий гипотетиков, окружившее Вокс-Кор. Но я хотел сохранить способность и телесно перемешаться по городу. Поэтому я позволил телу Айзека Двали пребывать в коме, умирая от истощения, а вместо него создал более живучую замену —

наделенного чувствами робота, в которого смог переместить свою личность. Когда этот проект был осуществлен, я взял остатки своей органики своими неорганическими руками и перенес труп на пункт переработки, где скормил полезные протеины замкнутым биохимическим контурам Вокс-Кора. Я не испытывал угрызений совести — с какой стати? Я был тем, кем стал. Хрупкий организм, в котором послание обо мне в первый раз отправилось к звездам, — древнюю соматическую галактику, обтянутую кожей, — я радостно принес в жертву городским лесам.

Вокс-Кор не был полностью самодостаточной системой. Мне приходилось добывать микроэлементы из звездных туманностей, чтобы получать то, чего не удавалось добыть способом переработки. Конечно, рано или поздно Вокс-Кор должен был прекратить существование, подобно всякому барионному веществу, даже пребывая внутри крепости времени. Ничем другим это закончиться не могло.

* * *

Все имеет свой конец.

Вокс-Кор лег на длинную эллиптическую орбиту галактического ядра. В моем сознании

происходили скачки: моменты бодрствования перемежались длительными периодами бездействия, отчего эмпирическое время ускорялось даже внутри пузыря времени вокруг Вокс-Кора.

Функционирование города постигла энтропия в силу нарушения химических связей, непоправимых системных сбоев, радиоактивного разложения. Гниение и сушь губили леса, улицы были усеяны обломками. Роботы замирали из-за отсутствия обслуживания. Регуляторы атмосферы — легкие города — захлебнулись и отмерли. Воздух в Вокс-Коре стал ядовитым, только травиться им давно уже было некому.

Квантовые процессоры «Корифея» продолжали действовать благодаря многочисленным степеням защиты. Но и их выход из строя был делом времени.

Вселенная остывала. Звездные питомники галактики, — сгустки пыли и газа, где зарождались новые звезды, — истощались и переставали плодоносить. Старые звезды гасли и отмирали, и им не было замены. Экосистема гипотетиков отступала из этой надвигающейся тьмы к плотному ядру галактики, питаясь энергией от гравитационных градиентов тяжелых черных дыр.

В бьющемся сердце галактики с экосистемой

гипотетиков происходило не только это: ее механизмы переработки информации попадали под власть разумных видов, стремящихся преодолеть свою органическую смерть. Бесконтрольные виртуальности росли, сталкивались и иногда сливались. (Одна из таких разумных систем выросла из людей, хотя их виртуальных потомков вряд ли можно было назвать людьми в прежнем понимании.) Сгустки посмертного разума начинали сотрудничать в совместном процессе принятия решений: то была разновидность кортикальной демократии в масштабе световых лет. Умирающая галактика принялась генерировать единый разум.

Подобные мысли невозможно было выразить на обычном языке, хотя они были понятны — пусть и приблизительно — обобщенному «я».

Напоследок я устроил своему роботизированному телу прогулку по развалинам Вокс-Кора. Его покосившиеся башни неуклонно осыпались, просторные ярусы либо тонули во тьме, либо были кое-как освещены дрожащим светом. Вокс побывал в морях нескольких миров и теперь бороздил самое большое из всех морей, но мне уже предстояло вскоре его покинуть. Я приступил к переносу своих воспоминаний и самой лич-

ности в облако гипотетических наноустройств, соединенное с остатками сетей гипотетиков; все это работало от силовых установок предвечных сингулярностей.

Но даже этот последний бастион порядка и смысла был обречен. Скоро та же фантомная энергия, что воспламенила вселенную, покончит с материей, и тогда не останется уже ничего, кроме разрозненных субатомных частиц. После этого, полагал я, наступит абсолютная тьма. И я смогу наконец уснуть.

Но пока что Вокс-Кор продолжал свое плавание. Вакуум преодолевал его обветшавшие системы защиты. Он пустел и сам обращался в пустоту. Без искусственной гравитации его содержимое улетучивалось сквозь дырявые стены в космос.

При этом мои соматические границы, не сдерживаемые больше ничем, претерпевали стихийное расширение.

* * *

Сеть гипотетиков уплотнялась и усложнялась по мере того, как ее виртуальные сообщества тратили колоссальную компьютерную мощь на решение проблемы выживания. Гравитационные аномалии предполагали существование ме-

гаструктур, превышающих размерами горизонт событий самой вселенной — малых градиентов призрачной энергии, способной послужить средой для выноса организованного интеллекта из пустыни энтропии. Но как и какой ценой?

Я не участвовал в этих дебатах. Мое собственное «я», хотя и ставшее совершенно бестелесным, было слишком ограниченным, чтобы их полностью осмыслить. В любом случае спор был бессловесным: преамбула к одной-единственной мысли потребовала бы тысяч томов, легиона переводчиков, терминологии, какой не существовало нигде и никогда.

Начинался окончательный коллапс всей объемной макроструктуры вселенной. Но при коллапсе выявились новые горизонты. Разворачивались скрытые размеры пространства-времени, как из квантового тумана способны кристаллизоваться новые частицы, новые силы. Окончательная тьма, на которую я уповал, так и не наступила. То, что раньше было сетью гипотетиков, — к которой я был прочно прикован, — внезапно расширилось в геометрической прогрессии.

Но сферу, в которой мы оказались, я описать не в силах. Для ее ощущения требовались новые органы чувств, для понимания — новые способы

мышления.

Мы очутились в многомерном фрактальном пространстве, где находились не мы одни. В многомерных структурах существовали объекты из объемного пространства-времени, некогда содержавшего нас. Как ни стары были мы, они были еще старше. Как ни велики стали мы, они были еще больше. По сравнению с ними мы попросту были незаметны и незамечаемы.

С этой новой точки зрения вселенная, где я обитал прежде, превратилась в предмет, который я мог воспринять во всей полноте. Это была гиперсфера в облаке альтернативных состояний, сумма всех возможных квантовых траекторий — от «большого взрыва» до распада материи. «Реальность» — история, какой мы ее знали или обозначали, — была всего лишь наиболее вероятной из всех возможных траекторий. Траекториям не было числа, и все они были реальны, но в ином смысле: это был огромный, но конечный набор неиспользованных путей, призрачный лес квантовых альтернатив — берега неведомого океана.

* * *

Вложить послание в бутылку и отпустить на волю волн — чистое донкихотство, в высшей

степени человеческий поступок. Что бы вы написали, если бы захотели таким образом отправить свое послание? Уравнение? Исповедь? Стихи?

Вот моя исповедь, мои стихи.

В глубине облака непрожитых историй теснились непрожитые жизни, бесконечно крохотные, зарытые в зоны времени и в световые века пространства, нереальные только потому, что никогда не разворачивались и не наблюдались. Я понял, что в моей власти к ним прикоснуться и тем самым их осуществить. То, что произойдет после такого вмешательства, окажется новым и непредсказуемым потоком времени: не перечеркивающим старую историю, а текущим параллельно ей. Ценой, которую за это придется заплатить, послужит мое осознание себя.

Мне никогда не войти в это четырехмерное пространство-время. Любое мое вмешательство создаст новую развивающуюся историю… вместо продолжения существования.

* * *

Неизбежна не смерть, а изменение. Изменение — единственная неизменная реальность. Метавселенная всегда эволюционирует фрактально. Святые становятся грешниками, грешники —

святыми. Прах становится людьми, люди богами, боги обращаются в прах.

Жаль, что я не сумел сказать всего этого Турку Файндли.

Я бы смог вмешаться в развитие своей собственной истории, но у меня не было ни потребности, ни необходимости сделать это. Мне хотелось, чтобы мой последний поступок явился даром, пусть даже высчитать все неизбежные последствия этого мне не под силу.

* * *

Глубоко в зеркальных коридорах не состоявшихся событий, в номере мотеля на окраине Рейли, Северная Каролина, женщина занимается сексом. Плата — коричневый пластиковый пузырек: она считает, что в нем метамфетамин. Ее партнер — безработный оператор пневмокомпрессора, направляющийся в Калифорнию, где ему посулил работу в строительном бизнесе двоюродный брат. Он пренебрегает презервативом и сразу после полового акта уезжает, не попрощавшись. Вкус метамфетамина, который он дал ей попробовать, когда снял номер, был настоящий, но в пузырьке, который он оставил на тумбочке, оказывается сахарная пудра.

Существование Оррина Матера испорчено сразу с момента его бесславного зачатия. Истощенная мамаша производит его на свет раньше срока. Еще в младенчестве он знакомится с муками наркотической абстиненции. Он остается в живых, но недоедание и наркомания матери оставляют отпечатки. Оррин никогда не сможет что-либо задумать и осуществить так же легко, как это получается у других. Его будут часто удивлять — и неприятно поражать — последствия его собственных поступков.

Мне не сделать его более совершенным человеческим существом — здесь я бессилен. Все, что я могу ему дать, — это некоторые слова. Записав эти слова в мозжечке ребенка, я растворяюсь, зато делаю реальным мир теней.

Он спит на матрасе, лежащем на полу арендованного дома на колесах. Его сестра Эриел сидит на пластмассовом табурете в нескольких футах от него, ест из щербатой миски хлопья без молока и смотрит телевизор без звука. Оррину снится, что он гуляет по пляжу, хотя пляжи он видел только в кино. Во сне он видит в пене прибоя бутылку, зеленое стекло за долгие годы выцвело от солнца и соленой воды. Он подбирает ее. Бутылка плотно запечатана, но от одного его прикосновения

каким-то чудом открывается.

Из нее выпадают и разворачиваются у него на ладонях листы бумаги. Оррин еще не научился читать, но по какому-то волшебству способен прочесть то, что на них написано. Он поглощает все, страничку за страничкой, чтобы запомнить навсегда.

«Меня зовут Турк Файндли», — читает он.

И дальше: «Меня зовут Эллисон Пирл», «Меня зовут Айзек Д вал и».

* * *

Меня зовут Айзек Двали и

* * *

я не могу это писать больше.

* * *

Меня зовут Оррин Матер. Это мое имя.

* * *

Меня зовут Оррин Матер, я работаю в теплице в Лереми, штат Вайоминг.

В теплице питомника, где я работаю, между рас-

тениями и делянками с саженцами проложены дорожки. Иначе было бы не пройти из одного места на другое. И можно работать с растениями, не наступать на них. Все эти дорожки соединяются друг с другом. Можно пройти так, можно иначе. Все дорожки имеют начало и конец. Находиться можно только на одной из них, быть сразу в двух местах не получится.

Думаю, эти сны или воспоминания о Турке Файндли, Эллисон Пирл и Айзеке Двали у меня с рождения. Они очень беспокоили меня, пока я был мал. Это были видения, и они пронизывали меня, как ветер, — так говорила Эриел, моя сестра.

Поэтому я и уехал вдруг на автобусе в Хьюстон. Поэтому и записал в тетрадках свои сны.

В Хьюстоне все вышло не так, как я думал. (Вы это знаете, доктор Коул — надеюсь, вы одна прочтете эти страницы, разве что покажете их еще и полисмену Боузу; если вы решите так сделать, я не возражаю). Наверное, я пошел не тем путем, который мне снился. Например, я никогда не грабил магазинов, хотя, наверное, мог бы. Видит бог, иногда мне случалось голодать и здорово злиться на весь свет. Но когда я уже был готов причинить кому-то вред, мне вспоминался Турк Файндли

и горящий человек (я сам!), и я думал о том, как ужасно было бы жить с грузом чужой смерти.

Я работаю в теплице чаще по ночам, но свет там не выключают круглые сутки. Это как дом, где всегда солнечный полдень. Мне нравится влажный воздух, запах растительности, даже резкий запах химических удобрений. Помните цветы под окном моей палаты в приюте, доктор Коул? Вид у них кажется один, а на самом деле они другие, такие, какими их сделали время и природа.

В теплице, где я работаю, мы таких цветов не выращиваем. Но я помню, какая это была красота. Ведь правда, они были похожи на птиц?

* * *

Вряд ли я напишу вам снова, доктор Коул. Поймите меня правильно. Просто я хочу оставить все эти тяжелые вещи в прошлом.

Люди, с которыми меня познакомил полисмен Боуз, очень добрые. Они нашли мне работу, жилье для меня и Эриел. Хорошие люди, хотя и нарушают закон. Они не настоящие преступники, а просто верят, что могут придумать лучший способ жить.

Возможно, они добьются в своей работе успеха.

Если у них получится, то мир не будет отравлен и не опустеет, как произошло в тех снах, которые я записал. Надеюсь, так и будет.

Не знаю, конечно, но этим людям, доктор Коул, можно доверять.

А вы, знаю, доверяете полисмену Боузу. Он мне помог, хотя не был обязан. Думаю, он хороший человек.

Я благодарен ему, и вам благодарен за то же самое.

Ну, вот и все. Скоро мне на работу.

Не ждите больше от меня известий.

Большой привет от Эриел, она просит вам передать, что у вас в Хьюстоне слишком жарко.

Оррин Матер Ларами, Вайоминг